

Ставропольская
духовная семинария

**Священномученик
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

ВО ДНИ ВОЙНЫ
ГОЛОС ПАСТЫРЯ-ПАТРИОТА

ВЫПУСК 2

Ставрополь
2024

УДК 242

ББК 86.372 + 68.1(2Рос)

По благословению
митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р24-413-3292)

Восторгов Иоанн, священномученик

Во дни войны. Голос пастыря-патриота / ред. протоиерей П. М. Самойленко, священник Е. Н. Шишкин. Вып. 2. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2024. 240 с.

ISBN 978-5-6048187-8-7

В сборнике представлены проповеди священномученика Иоанна Восторгова (1867–1918), произнесенные в первый год великой войны, впоследствии названной Первой мировой (с конца 1914 по июль 1915 года). Уроженец Кубани, воспитанник военного духовенства Кавказской армии, выпускник Ставропольской духовной семинарии, протоиерей Иоанн Восторгов встретил события 1914 года на Красной площади – настоятелем храма Василия Блаженного. Его пламенное слово к тому времени уже заслужило признание современников – Златоустом называл его святой праведный Иоанн Кронштадтский. В основу настоящего издания положен исторический памятник – прижизненный сборник проповедей протоиерея Иоанна Восторгова с его авторским заглавием, изданный в московской типографии «Русская печатня» в 1915 году. Книга будет полезна военным священникам, преподавателям учебных заведений, солдатам и офицерам Российской армии, казакам, а также широкому кругу читателей, любящих историю и духовные традиции Святой Руси.

© Ставропольская духовная семинария, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вражеский духовный авангард. «Немецкая вера»	5
Штундизм и немцы	20
Еще о «немецкой вере». Ответ г. Фетлеру	
I	25
II	28
III	35
Защитник баптизма	47
Ревность о Православии. Ответ о. Аггееву	51
Любовь к близким	56
Святой вождь	62
Духовное всеоружие.	66
Мир на земле	72
Год великих разочарований и великих уроков	76
У Верховного Главнокомандующего	87
У генерала Н. И. Иванова	91
Служение Церкви	93
Духовный подвиг народа	97
Крест	102
Дух уныния	106
Урок войны	110
Пути Господни	112
Кустодия	117

Мир, покой, надежда и жизнь	124
Бога браней благодатью	131
По поводу десятилетия вероисповедной свободы	138
Доброе воинствование – мученичество	147
«Военный» год учения	153
Терпение и милосердие	158
Святость	164
Голос совести.	
(По поводу скорбных происшествий в Москве)	
I	171
II	179
Бодрый привет галицким гостям	187
Истинный патриотизм.	191
Слабые духом	201
Оправдание звания воина	209
Смысл воинского звания	217
Великое единение	222
Любовь к родной земле	225
Внутренний мир	
I	229
II	232
III	235

ВРАЖЕСКИЙ ДУХОВНЫЙ АВАНГАРД

«НЕМЕЦКАЯ ВЕРА»¹

Я бы спросил это многолюдное почтенное собрание наших братчиков: могли ли бы приобщиться к нашему теперешнему высокопатриотическому настроению в дни войны баптисты или адвентисты, если бы они сейчас среди нас присутствовали? Могут ли они искренно возмущаться теми зверствами, насилиями, жестокостями, которыми теперь пред лицом всего мира запятнали себя немцы? Могут ли они искренно сознать и указать, что немцы потому именно оказались столь жестоки, что они, как протестанты, – только по видимости христиане? В сущности, глубоко интересно теперь заглянуть в баптистские и адвентистские собрания и посмотреть, как самозванные их «пресвитеры» теперь говорят обычные свои речи, затверженные и заученные, переведенные с немецких книжек, – говорят, делая вид, что и войны нет никакой! По крайней мере, их журналы о войне молчат, как будто бы ее нет совсем! Интересно теперь заглянуть и в глубину сознания баптистов и адвентистов: что они в самом деле думают о немецком Вильгельме, о немецком народе и воспитавшей этот народ «немецкой вере»?...

Не для красного слова говорим об этом, и не злорадствовать хотим. Нам в поучение теперешняя война открывает особые взгляды на русское сектантство, если не совсем новые, то новые в том смысле, что заставляет на них остановиться с особым вниманием.

¹ Доклад в московском миссионерском братстве Воскресения Христова.

Есть военная внешняя сила – солдаты. Если бы немецкие солдаты вдруг появились на улицах наших, они, конечно, были бы немедленно разоружены и взяты в плен. Военнопленными считают даже не вооруженных людей, но *подданных* воюющего с нами государства.

Но есть духовная тоже воинская сила, есть духовные подданные враждующего с нами народа, тысячелетнего врага Православия и славянства, – это те слабые души, которые поддались на соблазн врага, отпали от духовного союза со своим народом и приняли веру, дух, склонности, стремления, весь душевный уклад врага. Вы сразу поймете, что это те русские, которые приняли немецкую веру, именно наши сектанты, баптисты и адвентисты, которые и сами эту немецкую веру исповедуют, и другим ее всячески стараются внушить, внедрить, навязать, постоянно издеваясь над исконною верою русского народа, над святым Православием.

Обычно при войне враг имеет многочисленных шпионов, своих сторонников среди того народа, с которым он ведет войну. Этим шпионов он щедро оплачивает, не жалея на их вознаграждение никаких средств, подкупая их то золотом, то лестью, то почестями, то заманчивыми обещаниями. Впрочем, если немец, убежденный и верный подданный своего государства, станет в чужом государстве, враждебном его Родине, во главе какого-либо управления, то он и без подкупа, *волей-неволей*, по голосу сердца своего, естественно будет радеть своему народу, помогать ему во дни войны, радоваться его победам и огорчаться его поражениями. Тысячи мы видим примеров этого, читаем о них в газетах.

Думаете ли вы, что сектанты, последователи немецкой веры, и приобщившиеся к духу немецкого народа, будут в ином положении? Этого не может быть, если бы они того сами действительно хотели; в телеге не может одно колесо вертеться назад, когда все прочие три катятся вперед; в цепочке не может одно кольцо, одно звено оставаться на месте или передвигаться назад, когда все прочие звенья и кольца движутся вперед!..

Думаете ли вы, что немцы этого не понимают? Думаете ли вы, что они скупались и скупятся на всякого рода денежную помощь, чтобы поддержать и распространять сектантство на Руси? Нет, не скупались они на это, не скупятся и теперь, за это мы пред вами ручаемся, чем хотите! Все эти адвентистские, баптистские союзы, общества, благотворительные кружки, молитвенные дома, проповедники, их жалованье, разъезды, содержание, включая даже белье, их книги, литература, журналы, листки – все это содержится главным образом *на заграничные деньги*. Чего бы немцам не направлять своей пропаганды во Францию, Бельгию, Испанию, Австрию, в Китай, Японию? Чего бы им туда не высылать и деньги, и проповедников, и литературу? Зачем они все это непременно направляют в Россию?

Мне и хочется в нынешнем собрании собственно напомнить целый ряд исторических и современных фактов, которые ясно покажут, что в планомерном, историческом, давно задуманном нашествии немцев на славянство вообще, на Россию в частности, всякое инославие поддерживалось ими и высоко ценилось как своего рода воинский прием для обессиления врага, для покорения его и всецелого поглощения. На войне всегда впереди идет разведка, посылаются авангарды, за которыми движутся и главные силы полевых армий. Сектантство немецкое и есть та-

кой духовный немецкий авангард, и немцы пользовались всем – и насилием, и обманом, и изменою многих русских правителей, и русским простодушием, и доверчивостью русского правительства, и либеральным направлением нашей русской литературы, в течение более столетия сбивавшей русское образованное общество восхвалением всего немецкого и покровительством всякому сектантству, – пользовались и пользуются решительно всем, чтобы такой духовный свой авангард крепко насадить в России.

Инстинктивно почувствовали немцы будущее величие славянства, как только впервые в истории встретились они со славянами. Славяне сразу поражают всех при первом знакомстве с ними мягкостью сердца и тем особым расположением души, которое делает их как бы рожденными и предназначенными для христианства. Если вообще душа человеческая по природе есть христианка, то о славянской это нужно сказать особенно и по преимуществу. В этом отношении очень хочется верить тем исследователям Новозаветного Священного Писания, которые думают, что послание апостола Павла к Филиппийцам было написано именно к славянам, уже тогда жившим в Македонии. Преданность филиппийцев апостолу, нежная, бескорыстная, беззаветная, предупредительная, о которой с такой трогательной благодарностью к Богу пишет святой апостол, – это, действительно, черта славянская, и доныне живущая в русском народе и повторяющаяся в его преданности Церкви и пастырям. Инстинктом почувствовали германцы, что славяне-христиане станут мировым народом, что в них Господь найдет сынов Своего Царствия. И мы видим, что германцы принимают все и всяческие меры, чтобы свести к

ничтожеству славянство. Славян не пускают жить у морей, на грани Средиземного моря, около которого тогда только и жили великие исторические народы; их теснят на север и восток, в степи и пустыни, в общение с дикими племенами, разобщают их от насиженных мест греко-римской культуры. Их пожирают в пределах Немана и Одера, где они жили еще в дни Цезаря, их обезличивают, обращают в рабов, лишают языка. Когда же Восточная Церковь посылает к славянам первоучителей, равноапостолов Мефодия и Кирилла, злобе и зависти немцем нет конца: Дунай, Мораву, Болгарию, Польшу, Чехию и Россию они желают включить в сферу повиновения Риму, а не Царьграду. Причину не станем долго разъяснять, кратко определим ее в историческом факте – законе, из которого нет доселе исключения: все славянские *православные* племена и доныне свободны, не взирая на тысячелетние преследования, все *католические* славянские племена и доныне – политические рабы... Что-нибудь это да значит!.. Все в славянстве слабое, все падавшее, все, не устоявшее в борьбе, – все это и пошло в католичество, и усиливало силу тевтонскую, и ослабляло силу славянскую. Сколько раз католичество обнаруживало желание подчинить себе и Россию! С этой стороны, кстати сказать, еще мало обследовано у нас так называемое «смутное время», которое доселе рассматривается больше со стороны одних политических вождельний Польши. Можно поэтому сказать, что верность Православию у славянских племен служила и служит признаком их способности к государственности, их духовной и политической жизнеспособности.

Но с течением времени в самом германском мире явилось раздвоение, разумею появление протестантства. К глубочай-

шему сожалению, наука в нашей школе, рабски следуя немецким источникам, доселе усердно идеализирует реформацию Лютера как свободный порыв свободлюбивого духа немецкого народа. Профессор Гейссер доселе в своей «Истории реформации» является безгрешным руководителем русских ученых. Есть пословица: «Кур по осени считают» – и эту пословицу в исторических последствиях реформации и надо оценивать деятельность и личность Лютера. В реформацию, так сказать, отвалили и отлили вовсе не положительные, а наиболее отрицательные силы и черты характера немцев: жестокость (ср. крестьянскую войну) – вместе с показным сентиментализмом (ср. немецкий пиетизм), необычайное самомнение, гордыня, заносчивость (ср. каждый – сам имеет доступ к Богу, каждый – папа), тупое упрямство, склонность к своего рода механичности в области духа (спасение верою), нетерпимость (ср. ненависть Лютера к иномыслящим), грубость (ср. ругательства Лютера), бесцеремонность (ср. отрицание подлинности тех книг Священного Писания, которые противны учению Лютера), неглубокий самодовольный рационализм (глумление над иконами, обрядами и прочее). И вот, теперь мы видим, что дало лютеранство немецкому народу, – видим это на поведении немцев во время войны, и на ярко симптоматическом письме пастора Гейма, депутата рейхстага, который не постыдился напечатать на днях в «Фоссовой газете» буквально следующие строки:

«Правда, что наши солдаты пристреливают всех французских и бельгийских бездельников – мужчин, женщин и детей без разбора, а также, что немцы разрушали их жилища. Однако всякий, считающий, что это противно христианскому учению, лишь

доказывает, что он не имеет ни малейшего представления об истинном духе христианства».

Выписав эту выдержку из газеты, наш русский православный мирянин замечает:

«Эти слова напечатаны в немецкой распространенной газете, они подписаны немецким пастором, депутатом немецкого рейхстага, – о чем же еще говорить? Если выдающийся немецкий пастор дошел до такого одичания, от которого со страхом отшатнется и готтентот, и ботокуд, то что же говорить о среднем немецком классе, о глубинах народных низин?»

Но продолжаем прерванную такими невольными отступлениями речь. Итак, католичество среди немцев дало трещину – и с того времени протестантство стало все более и более обращаться в силу, имеющую растворить и разделить славянский дух. Среди поляков есть мазуры; они протестанты; проживая в Восточной Пруссии, они уже и поляками себя не считают, но совершенно поглощены немцами: чрез католичество и потом протестантство они совсем уведены из славянства. Начиная со времен Грозного, но особенно усилившись во дни Петра Великого, в течение всего «петербургского» периода русской истории лютеранство – оно же неметчина, неметчина – она же и лютеранство, все крепче и крепче, сильнее и сильнее делали натиск на русскую жизнь вообще, и на православную веру в особенности. Просьба русского человека как о высшей награде – «произвести в немца» – это не одно острословие. Действительно, в XVIII и XIX веках за одно немецкое происхождение сыпались все блага земные на Руси тупым чиновникам, тупым педагогам и т. п. Ломоносовы всю жизнь терпели от немцев. Бенкендорфы цензуровали Пушкиных. Русские генералы, даже Скобелев,

затирались Тотлебенами, после смерти которых оказывалось, что они 50 лет имели непрерывные сношения с немецким генеральным штабом. Генералы Клеммы командовали русскими пограничными с Германией крепостями, а потом переходили на германскую военную службу. При Александре II более $\frac{3}{4}$ русских генералов были немцы. Сколько бы я мог поведать из жизни Кавказа и Дальнего Востока таких фактов, говорящих о немецком засилье в среде людей, власть имущих, фактов, которые теперь, в открывшийся петроградский период нашей истории чрез 25 лет покажутся анекдотическими! Но многие сильные немцы и немцефилы еще живы, и не время еще говорить о них...

Довольно сказать о том, что с XVIII века Россия, как какая-то Папуасия, стала колонизоваться немцами. Но не на далекий Север, не на Камчатку шли немцы – туда шли русские, а немцы забирались на привольный и богатый юг: в Крым, Новороссию, на Кавказ, на Волгу – и здесь пользовались и доселе пользуются огромными наделами земли, свободой от воинской повинности и т. п. Я недавно объезжал школы в Заволжье: кто поверит, что в Новоузенском уезде 40 % населения составляют немцы? Но зато пусть представят себе положение православного духовенства и наших церковных школ на попечении уездного земства, состоящего из немцев!

Были правители, вроде знаменитого князя Воронцова на Кавказе и некоторых его очень титулованных преемников – наместников края, которые за особую честь и заслугу почитали насадить как можно более немецких колоний на Кавказе и в Закавказье. Были еще недавно такие губернаторы-немцы, например, Шлиппе в Екатеринославской губернии, или Таубе в Степном генерал-губернаторстве, которые, казалось, были органами и

агентами немецкого императора, а не Русского. Увы, когда открывалась такая их деятельность, их с наградами переводили на другие места. Есть сочинение немца Клауса о немецких колониях в России, в котором графически изображен захват России этими колониями, и они представлены, как авангард германизма в его движении «на восток».

Но самое худшее не в захвате земель. Немцы ученые вытравляли Православие из сердец своих воспитанников. Немец, мой сослуживец по гимназии, на уроках истории издевался над Вселенскими Соборами, изображая их по Гиббону, а в Харькове, как о том в свое время было оповещено в печати, немец-историк в гимназии поносил православное монашество и смеялся над преподобными Антонием, Феодосием и Сергием. Мы уже говорили, что русскому образованному обществу – читайте Виноградова, Трачевского, Кареева, Гуревича и др. – прививалась идеализация реформации, и под бранными выходками против католичества (особенно у Трачевского) очень прозрачно подразумевалось Православие. Так было на верхах, а низы жизни давно, с времен движения немецкого пиетизма, с XVIII века подвергались немецкому религиозному влиянию. В немецкие колонии в России отливали самые нетерпимые даже в Германии немецкие противосоциальные и анархические секты, в роде гернгутеров, но они и доныне, даже в текущую войну намеренно приглашаются санитарями в армию, и доныне у некоторых очень высших сановников составляют их любимую челядь... Прибавьте к этому, что немцам, например, разрешено было проповедовать среди калмыков по Волге в XVIII веке, среди армян Закавказья в 20-х годах XIX века, а миссия пресвитерианская существовала среди бурят до 40-х годов XIX века в

Баргузинском ведомстве, в Забайкалье – и это в то время, когда православным миссионерам проповедь запрещалась в среде инородцев, во имя сохранения свободы совести...

Что такое баптизм и адвентизм? Они выродились из *немецкого* лютеранства, бежали в Англию, преследуемые в Германии, переселились в Америку, но оттуда вернулись опять в *Германию* и из Гамбурга вторглись со всею силою в Россию – при поддержке огромных денежных сумм, идущих из Германии.

Что такое штунда, слившаяся потом с баптизмом? Это чисто немецкое растение, пересаженное в Россию и трудами Бенекемпфера распространенное на юге России, при пособии немецких, и притом немалых денег, немецких проповедников, немецкой литературы.

Какое влияние оказывают эти секты на русских людей? Сектанты сознательно и открыто перестают себя считать русскими. В трудах архиепископа Херсонского Никанора († 1890), в сочинениях исследователей южнорусского штундизма мы наталкиваемся с 1880-х годов прошлого столетия на факты, необычайные и возмутительные, из жизни сектантов: мало того, что они бросают русскую избу, русскую одежду, заводят у себя весь уклад жизни по немецким образцам (этого и хотели властные покровители немцев и насадители их колоний), – они ставят в своих домах портреты германского императора и открыто заявляют, что скоро придет Вильгельм, завоюет Россию и даст штундистам свободу. Дальше этого идти трудно! Что бы сделали немцы с своими подданными, если бы у них обнаружилось нечто подобное? Ответом могут послужить лишь факты бесконечных ссылок и преследований тех русских в Австрии, которые принимали Православие, или строжайшее преследование

толстовщины в Германии, при полном желании поддержать ее в России...

Но как могло случиться, что немецкая пропаганда имела такой успех среди православных? О причинах, коренящихся и коренившихся в религиозно-церковном положении самих православных, на юге и юго-западе России, не станем говорить, но то, чем действовали немцы, в целях уяснения значения современной войны, отметить надо.

Прежде мною мало кому ведомые документы, отобранные у сектантов, сосланных в Закавказье, переписка и литература. Она отбиралась с 1880-х годов и затем, с разрешения покойного князя Г. С. Голицына, бывшего Главноначальствующего на Кавказе, собрана вместе, обработана и напечатана в самом незначительном числе экземпляров в 1902–1903 годах. Книга эта очень редкая. Что же там мы видим?

Прежде всего – протоколы собраний и конференций *немецких* проповедников баптизма, из коих видно, что содержание они получали из Германии, книги – из Гамбурга! Заботливость о немцах-пропагандистах при этом доведена до того, что высчитаны расходы на белье, на гостинцы, на подарки, на книги, наем помещений для молитвенных домов, независимо от жалованья собственно миссионерам. Так было на первых порах; затем на немецкое содержание поступают русские юноши, отправленные в Германию для обучения, а когда они, после выучки и по возвращении в Россию становятся здесь баптистскими пресвитерами, они, наравне с немецкими пропагандистами, тоже получают жалование из-за границы. Где деньги – там ссоры, зависть, недовольство и... болтовня. И вот, иногда наивная болтовня, иногда и не наивная, имеющая значение прямого доноительства,

и приоткрывает пред нами завесу немецких подкупов, намеренной пропаганды немецкой веры на немецкие деньги. Постараюсь подтвердить это положение указанием *точных* фактов, имен, лиц, из коих большинство доныне живы.

Вот подлинное письмо одного закавказского сектанта к другому (пишет **Л. Оржеховский** своему брату в д. **Топилровку, Чигиринского уезда, Киевской губернии**): «Любий брате Фома, мы здоровы, як быки-третяки, бо в нас есть що исты й питы, а грошей нам везут всякий мисяц тысячу карбованцов, и як всякому из нас недостае 50 карбованцов, то мы готовы выдрать очи, а щоб ривно было 50 карбованцов. И еще, братику, *Павло Однолько обизвся нам схлопотать жалованья зза границы*, но тим часом ще трошки рано, пидождасть треба, а Шушанский купец Асатур Александрович (армянин Тер-Асатуров, агент Бедкера, заграничного руководителя русского сектантства) каже: *я як возыв вам всякий мисяц по тысячи карбованцов, так буду и возить*. Не бийтесь, братики, ничего: бийте образы (иконы), та идить сюды с жинками и дитьми. Теперь вси Закавказски браты пид нашу облагою. Мы теперь управляем всим Закавказским братством. Через нас ниhto не пиде до православия, бо мы не пустым никого... *а Иванов у Елисаветполи то всякому, всякому гроши дае: и старообрядцам, и хлыстунам, и всим ссыльным*. Як кажут, то правда, що вин десь (где-то) у богатого человека получив, той роздае»... Комментарии, как принято выражаться, здесь излишни... Таких слишком убедительных документов мы имеем очень много. На этой почве было много скандалов у сектантов. Так поссорились сосланные в Оренбург их «пресвитеры» *Павлов и Воронин*, потому что «утаивали друга от друга пособия, присылавшиеся обоим из-за границы... «Брат» Однолько

обвинял Кальвейта, сектантского проповедника, что тот утаил 150 рублей, «полученных *от обер-пастора Закавказских немецких колоний*»... Ссылный Островерхов из Герюс писал Воронину в Тифлис, что *из числа получающих пособие* Хлыстун имеет 50 000 руб. капитала, а Циглер – 6 000 руб. Упомянутый Иванов в одном письме выдает тайну, что он получает «тысячные суммы для раздачи сектантам от заграничных комитетов».

Все эти сведения напечатаны в вышеуказанной книге черным по белому. Берите книгу «Об адвентизме» – записку г. Бондаря, изданную Департаментом Иностранных Исповеданий, – там найдете данные о том, что все расходы и простых, и «благословенных», а в сущности проклятых проповедников адвентизма, все миссионерские кружки, издания, собрания и т. п. – все оплачивается из «десятины», которую должны давать правоверные адвентисты на распространение секты. Однако, вся эта «десятина» получается опять-таки из-за границы...

Для чего это делается? Наивно, конечно, предположить, что немцы столь добры, самоотвержены, что они, горячо возревновавши о душевном спасении русских, на дело проповеди сектантства в России тратят большие суммы. Наивно думать, что Бисмарк отпустил на это дело миллиард из французской контрибуции потому только, что очень хотел видеть русских спасенными в лоне «евангелического исповедания». Не лучше ли было бы ему, в случае, если он так ревностен был к «евангелизму», направить свои попечения на тех немцев, которые еще во множестве остаются в католичестве – в Австрии, Саксонии и Баварии? О целях ревности Бисмарка по распространению в России лютеранства во всех его видах, откровенно заявляет Эдуард фон-Гартман, известный философ и вместе узкий не-

мецкий патриот. Распорядившись территорией России и отдавши ее немцам до Урала, философ в своей статье: «Germania triumphans», однако, спохватился и подумал о духе русского народа, о его самобытности, с которой придется считаться торжествующему победителю. И вот, он советует сокрушить дух русского народа... евангелической пропагандой. Мы можем быть только благодарны за это признание силы и значения Православия. Император Вильгельм оказался хорошим учеником немецких профессоров. В Палестину он ездил и сам там освящал евангелическую кирку, чтобы на Востоке явить величие Германии; в Галиции он издавал в последнее время на свои средства евангелический журнал на русском языке, с целью распространить его в России, – и не его, конечно, вина или заслуга, что этот журнал, прекрасно изданный, оказался без читателей; в последние дни евангелический государь Вильгельм подучил турок-мусульман разбойному, бесчестному нападению на черноморские города. Все это показывает, до чего нравственно пало лютеранство и как мало в нем оказалось силы воспитать исповедующие его племена немецкие в христианских чувствах, подавить врожденные немцам дикие, зверские инстинкты.

Поставьте рядом поведение русских войск в эту войну и увидите, где истинный дух христианства.

Мы убеждены, что как чисто физический натиск германизма разобьется о твердыню мужества русского воинства, так и духовный натиск германизма, в виде внедряемых им евангелических сект в России, в равной мере обречен на неудачу. Мы бы желали, чтобы наши сектанты – баптисты и адвентисты раскрыли бы, наконец, глаза свои и увидели, кому они служат. Мы бы желали, чтобы русское образованное общество исцелилось,

наконец, от преклонения пред всем немецким, а русская передовая литература – от сектофильства, от постоянного желания видеть в сектантстве признак высшего религиозного развития и сознания, ступень к более высокому духовному пониманию христианства. Мы увидели теперь воочию на немцах, каковы плоды протестантской религиозной идеи: она бесплодна и не возвысила немца над язычеством. Самое большее, что могут теперь сделать и наши сектанты в дни настоящей войны, – это устроить лазареты: во всем прочем они по существу, по природе своей не могут быть заодно с русским народом, они волей-неволей – сторонники немцев, их духовный авангард. Но лазареты – дело милосердия; Красный Крест нейтральных держав обыкновенно посылает такие лазареты к обоим враждующим народам. В таком положении и сектанты с своими лазаретами и с своими платными или бесплатными санитарями; это не патриотический подвиг, а проявление обычных чувств естественной гуманности, за которой не всегда стоит искренность, не всегда стоит и христианская любовь...

В ряду многих неожиданных откровений, для русского образованного общества теперь явилось так ясно и убедительно откровение и истинной сути русского евангелического сектантства.

ШТУНДИЗМ И НЕМЦЫ¹

В настоящее время, когда вся Россия поднялась, чтобы отразить дерзкий удар, занесенный над ней обнаглевшим тевтоном, русскому правительству и обществу пора обратить внимание на все, что исходило и исходит от этого смертельного врага, пора переоценить все, что так или иначе пахнет немцем. Мы имеем в виду секту штундистов, или, как они себя последнее время именуют, «евангельских» христиан. Что штундизм и штундисты – немецкого производства, в этом никакого сомнения быть не может. Это признается всеми исследователями. Об этом говорит и самое название «штундист» (от немецкого слова «штундэ») и место, где впервые появилась эта секта. Родина штундизма – Херсонская губерния, где нашли себе приют и приволье немцы-колонисты. Отец штундизма – пастор Бенекемпфер. Он первый стал пропагандировать свое учение среди русских рабочих, во множестве стекавшихся в Херсонскую губернию на заработки. У Бенекемпфера нашлись сразу помощники – соседние пасторы и немцы-колонисты, которые всячески распространяли свое учение среди рабочих-малороссов. Отсюда штундизм распространился по всему югу и проник к нам, в Киевскую губернию и другие.

Такова вкратце история появления штундизма. В настоящее время штундисты переименовали себя в «евангельских христиан». Сделано это затем, чтобы скрыть свою немецкую физиономию и громким названием «евангельские христиане»

¹ Присоединяем еще некоторые сведения по тому же вопросу из статьи священника о. Соболева.

заинтересовать и завлечь в свои сети неопытных и простодушных людей. Связей своих с немцами «евангельские христиане» по-прежнему не теряют. Русский «евангельский союз», открытый в 1908 г., пользуется значительной материальной поддержкой «Deutsche Orient-Mission» в Берлине (W. Lützowufer, 5). В составе учредителей «русского евангельского союза» имеются в изрядном количестве немцы: германский подданный Фридрих Август Арндт и прусский подданный Иван Федорович Гроте и другие (см. бесплатное приложение к № 10 журнала «Христианин», 1908 год, стр. 6). Среди учредителей «русского евангельского союза» встречаются и русские (по происхождению и фамилии) люди, но зато это люди вполне благонадежные и никаких опасений со стороны немцев не возбуждающие, таков, например, редактор органа «евангельских христиан» инженер-технолог И. С. Проханов, обучавшийся в миссионерском институте в Гамбурге.

С какою целью был создан штундизм?

Наивно было бы думать, что все эти пасторы, с Бенекемпфером во главе, и немцы-колонисты, заклятые враги русского народа и государства, руководились в деле пропаганды своего лжеучения желанием блага русским людям и действительного спасения их. Были, конечно, другие цели, хотя Бенекемпфер и уверял, что собирает русских рабочих и проповедует им из сожаления, «они не знают, что нужно для спасения, и погибают в невежестве». Желание отравить наш народный организм, пошатнуть самые основы русского народного духа – вот что руководило немцами в деле пропаганды штундизма. Интересно и знаменательно, что попытки к совращению православных и насаждение лютеран-

ства у нас в России предпринимались немцами давно. Еще в XVI–XVIII веках немцы серьезно подумывали об обращении Руси Православной в лютеранство. Так, лютеранский катехизис еще в 1626 году был ими издан в Стокгольме на русском языке, в целях пропаганды. Об этом помышляли и у нас в России немцы времени Бирона, признавшие Православие вредной сектой. Были и другие цели, не менее коварные. В числе заповедей штундизма и баптизма, с которым штундизм тесно связан (у них имеется свой печатный орган «Утренняя Звезда» и общий соединительный комитет «евангелистско-баптистского братства», состоящий из четырех членов: двух от «евангельских христиан» и двух от баптистов), имеются заповеди: не воюй и не клянись. Обе эти заповеди чрезвычайно выгодны для немцев, стремящихся уничтожить и всячески ослабить Россию. Эта пропаганда настойчиво ведется среди войск даже и теперь. Замечательно, что пропаганда против войны ведется штундистами Херсонской, Екатеринославской губернии и вообще тех мест, где особенно сильны немцы. Автору этих строк недавно пришлось иметь дело с этими пропагандистами, которые открыто пропагандировали против войны среди солдат 139, 140 и 141 полевой подвижной хлебопекарни, не встречая, к великому сожалению, противодействия и должной острастки со стороны заведующих этими командами. Преследовались пропагандой штундизма и другие цели – пангерманистические. Немцы и в религии, как известно, хотят видеть принципы немечества, и в последние годы пангерманизм стал тождествен протестантизму. Усвоение нацией этого, можно сказать, политически-религиозного начала было представлено на Вормском конгрессе 1905 года,

между прочим, «евангельскому союзу» (русский «евангельский союз» является отделением его). Один из ораторов на этом конгрессе Е. Hasse категорически выразил, что протестанство – тоже германизм – основа культуры будущего, что штундизм – осколок протестантизма и очень сроден ему, об этом распространяться не приходится. Не подлежит также ни малейшему сомнению, что штундизм обрабатывает своих последователей и превращает их в немцев. Русские штундисты, по общему мнению всех наблюдателей и исследователей, постепенно теряют русский облик, вместо портретов русских Государей у них появляются портреты кайзера и Бисмарка, и вообще во многом напоминают настоящих немцев. Эта оторванность и отчужденность штундистов от русского народа особенно сказывается теперь, в настоящую войну. Многие инородцы, даже евреи, жертвуют на нужды войны, на раненых, устраивают лазареты и вообще так или иначе выражают свое участие; штундисты же, как передают люди, заслуживающие доверия, во многих местах отказываются от всяких жертв и вообще какого-либо участия. Так было в приходе Киево-Лыбедской Владимирской церкви, в местечке Бородянке, где во время сбора 5 сентября штундисты затворяли двери от сборщиков однодневного сбора и не дали ни одной копейки в пользу раненых русских воинов и беднейших семейств запасных, и в некоторых других местах. Недавно, как сообщалось в газетах, на сентябрьском заседании совета киевского уездного Свято-Владимирского братства некоторыми председателями приходских братств было отмечено отношение штундистов к переживаемой войне. Душою штундисты с немцами. И доселе в их помещениях можно видеть портреты Вильгельма

и Бисмарка. Из местечка Бородянки, по условиям военного времени, был выслан немец-аптекарь, не скрывавший своих симпатий к Германии. Местные штундисты не стеснялись выражать свое единомыслие с высланным немцем. «Пусть бы и нас заодно выслали с ним», говорили они. Вот к чему привел русских людей штундизм! Этого не должно забывать русское общество и особенно те из нас, которые желают видеть в штундизме только известное религиозное учение и упорно закрывают глаза на все остальное, с чем тесно и неразрывно связан штундизм.¹

¹ См. по тому же вопросу брошюру М. А. Кальнева: «Штундо-баптизм и немцы», «Из истории сектантских песнопений» и др.

ЕЩЕ О «НЕМЕЦКОЙ ВЕРЕ»

ОТВЕТ Г. ФЕТЛЕРУ

|

Вильгельм Фетлер, известный пропагандист баптизма в России, в своем журнале «Гость», в ноябрьском номере (№ 11) дал место статье некоего Гедеонова, в которой в ругательно-грубом тоне выражается крайнее неудовольствие по поводу моих проповедей, статей и заметок, касающихся баптизма. Баптизм я называю «немецкою» верою, верою головною, выдуманною не историческим, а поддельным христианством; я считаю ее духовным авангардом германизма; я утверждаю, что эта секта по существу своему противогосударственная и носит в себе скрытые начала анархизма, коммунизма и антимилитаризма; я утверждаю, что баптизм, в целях ослабления и духовного разложения России, поддерживался и поддерживается ныне в России на немецкие деньги.

Г. Фетлер теперь чрез посредство г. Гедеонова в статье, к сожалению, совершенно бессистемной, в которой логика заменена ругательствами, дает ответ на некоторые из перечисленных пунктов моих воззрений на баптизм и особенно возмущается по поводу указания на немецкие деньги.

Он утверждает, что баптизм – не ересь, что русских баптистов нельзя обвинять в отсутствии патриотизма, что баптизм никогда никаких пособий от немцев и иностранцев (денежных) не получал.

Я оставляю в стороне без разбора и возражения грубые, ругательные выражения статьи; по поводу их могу сказать только одно: и здесь видно, что баптисты – хорошие ученики Лютера, известного своими грубостями и ругательствами; они – хорошие ученики и немцев, показавших теперь, во время войны, свою грубость и бесцеремонность; хочется еще прибавить старую пословицу: «Юпитер, ты сердишься, следовательно, ты – не прав». Брань – не доказательство. Посему я буду отвечать только по существу, не касаясь тона статьи г. Гедеонова – Фетлера.

Вильгельм Фетлер устами Гедеонова уверяет, что баптизм – не ересь, и в доказательство приводит то, что баптисты поклоняются Богу в духе и истине, признают Троицу и собираются для чтения Евангелия, «вместо того, чтобы проводить время за вином и карточной игрой». Кто знает баптистов с их постоянными уверениями, что они святы, тому этот тон постоянного самовосхваления очень знаком, тому ясно и то, что между строк здесь намек на православных. Однако, в первый раз мы слышим, что есть христианская или не христианская вера, которая учит такой «ереси»: «проводить время за вином и карточной игрой». И во-первых, ересь относится к области догматических разностей, а не к области жизни и поведения; она есть грех ума, а не воли. Во-вторых, неужели в тот день, когда несколько баптистов изобличены будут в питье вина и карточной игре (а случаев этих сколько угодно), то, по мнению Фетлера, баптизм станет ересью? Если же так, то пусть Вильгельм Фетлер обратит внимание на солдат и офицеров Вильгельма-кайзера: они сражаются пьяными, они пьянству-

ют и играют в карты во время постоа в захваченных местах Бельгии и Польши, они грабят мирных жителей, разрушают города, расстреливают детей, стариков, насилуют женщин. А ведь это – все лютеране, подобно баптистам, уверяющие, что и они спасены верою, и что они святы. В этом пункте баптизм, выродившийся из лютеранства, от него не отличается. Итак, г. Фетлер, сделайте теперь сами вывод о ереси ваших единомышленников, следовательно, и баптистов. Вывод этот сделать нетрудно для здоровой логики.

II

Фетлер скорбит, что баптистов в России обвиняют в недостатке патриотизма и в сочувствии Вильгельму-кайзеру и немцам. Полно, г. Фетлер: можете ли вы по существу не сочувствовать немцам? Вы обижаетесь, что вам указан случай молитвы немцев за Вильгельма в Нейбаде, недалеко от Риги. И вот что буквально пишется в вашем «Госте» г. Гедеоновым в оправдание того, чего нельзя оправдать: «Относительно молитвы за Вильгельма *я не знаю*, имела ли она вообще место... Но если имела, то легко себе представить, как и почему молились о Вильгельме, а именно: чтобы Бог вразумил Вильгельма, *если возможно еще*, чтобы смирил его и удержал его от ужасной мировой войны (которая уже началась...)». «Ведь это, – рассуждает далее автор, – не только не делает человека изменником своему государю, но еще более доказывает его преданность к родной (какой? немецкой?) стране и ко всем своим ближним»... Хочется спросить: вы – ребенок, г. Фетлер, или мы – дети, которых легко убаюкать пустыми фразами, общими, сантиментальными и ничего определенного не говорящими? И так, пусть баптисты теперь молятся за Вильгельма. Г. Фетлер доказал, что это – признак самого настоящего и высшего русского патриотизма!

Но вот недоуменные вопросы: автор статьи пишет, что он еще не уверен, «имела ли место молитва за Вильгельма», а между тем, содержание ее так твердо знает! Сколько здесь правды и искренности? И затем: неужели г. Фетлеру неизвестно, что молитва подобного рода о Вильгельме относится к области молитвы *частной и личной*, а не к области общественного богослужения? Да и в личной молитве есть грани: «Есть грех к смер-

ти, не о том говорю, чтобы молиться», – пишет *апостол любви* святой Иоанн Богослов (1 Ин. 5, 16).

Еще. У штундо-баптистов в домах с конца 1880-х годов и доселе в комнатах развешаны портреты Вильгельма-кайзера, а на устах, при беседах с православными, постоянные угрозы, что придет царь немецкий, завоюет Россию и даст свободу штундо-баптистам, а православных подвергнет гонению. Об этом единогласно свидетельствуют все исследователи штундо-баптизма. Не может ли г. Фетлер и здесь столь же тонко, как и относительно молитвы за Вильгельма, объяснить, в какой мере здесь проявляется русский патриотизм?

Еще. В том же № 11 «Гостя» г. Фетлер призывает Америку и Великобританию «воспользоваться психологическою стороною настоящего момента», и потребовать от русского правительства прекращения «варварского», «средневекового» обращения с баптистами и дать им свободу пропаганды. Такое обращение к чужестранцам использовать трудные обстоятельства войны и оказать давление на Россию – в какой мере патриотично, г. Фетлер?

Еще. Мы читаем баптистские журналы. Право, г. Фетлер, бывают моменты, когда о людях судят не по тому, о чем они говорят, а по тому, о чем они умалчивают.

Итак, что же наблюдаем? Одни баптистские журналы совершенно молчат о войне, как будто ее нет, а другие делают еще хуже: они лицемерят и пробавляются неопределенными фразами, часто чрезвычайно двусмысленными. Так, я утверждаю, что ни г. Фетлер в «Госте», ни Степанов (потом Смирнов) в «Друге Молодежи» ни разу не употребляют, говоря о молитве за Россию, выражения «даровать России *победу* над врагами» и наме-

ренно этого выражения избегают. «Друг Молодежи» приглашает молиться о том, чтобы «Господь даровал Родине *полный мир*» (№ 8–9); кроме этого пожелания, журнал ни звуком не обмолвился о войне. Тоже видим в «Госте» самого г. Фетлера. В *июльском* номере печатается только манифест Государя о войне, помещаются текущие телеграммы о войне без всякого толкования и указания, на чьей же стороне сочувствие журнала (в немецких газетах Германии тоже напечатано, конечно, все это в порядке и в целях осведомления), и печатается объявление г. Фетлера о днях, когда он будет «молиться о Государе»; относительно молитвы о победе русского оружия – ни слова. В *августовском* номере – одни военные телеграммы. В *сентябрьском* номере читаем призыв Фетлера ко всем баптистским общинам молиться, но не о победе над врагом, а о «благословении Господом нашей Родины», и призыв к устройению лазаретов (каковые устраивают и посылают к нам и японцы, не доказывая этим, конечно, своего *русского* патриотизма, устраивают и американцы *одинаково* для Германии и России, следовательно, не по чувству русского патриотизма...). Впрочем, в этом номере, в котором не нашлось места для пожелания России победы, нашлось место для статьи о таком важном событии, как празднование дня рождения г. Фетлера 15 июля. В этот день, – повествует журнал, – г. Фетлер утром «был разбужен сердечным пением» братьев, пришедших его поздравить и заставших в кровати, а потом (очевидно, когда Фетлер встал и оделся) читавших поздравительное, тут же в газете приведенное, надо сознаться, поражающее безграмотностью и бессодержательностью стихотворение. Тут же в номере печатаются письма двух «пресвитеров» баптистских, взятых на войну; они просят молитв о себе, но и в письмах, и в примечаниях

нии редакции по поводу писем сквозит пассивное подчинение суровому закону о воинской повинности, – и только; не видно ни тени воодушевления и патриотического подъема, ни желания подвига и победы, а только общее и неопределенное благожелание им и «всем, находящимся в таком положении».

В *октябрьском* номере «Гостя» г. Фетлера читаем опять призыв к молитве о Государе. О чем же надо молиться? Ответ совершенно неожиданный: 17 октября рекомендуется молиться о расширении свободы совести в России, а 24 октября... надо молиться о Фетлере, в канун суда над ним в Москве по обвинение его в нарушении 90 ст. Основных Законов Российской Империи (в пропаганде баптизма). Тут же – указание путей воздействия некоего заграничного «доктора» Мак-Артура на Государя Императора чрез русского посланника в Вашингтоне и министра иностранных дел в Петрограде и упоминание относительно «дарования полной свободы религиозной совести баптистам» (разумей предоставление права, сверх данного уже права свободного отправления молитв и богослужебных собраний, – полной свободы пропаганды, следовательно, изменение Основных Законов Империи). Это, очевидно, из области использования «психологической стороны» переживаемого военного времени, о чем в номере одиннадцатом г. Фетлер уже откровенно проговаривается.

В том же номере характерное «нам пишут» из Балашова; пишут, что в Балашове во время войны «собрания проходят благочестиво (а как в другое время?), в единодушной, тихой молитве» (в другое время, какая молитва, не тихая?), «вознесены *сильные духом молитвы* к Господу о Государе». О чем же молились? О победе и одолении на врага? Нет! Молились «о

ниспослании Божией помощи Государю и даровании Ему свыше мудрости выйти из настоящего трудного для Него положения» (!)..., и о «даровании Божеской, тихой и безмятежной жизни, во всяком благочестии и чистоте»... Как хочешь, так и понимай эту молитву во дни войны!

Но к чему эти общие места, фразы и неясности? Отвечаю без неопределенности: баптизм в основе и по существу есть секта противогосударственная и антимилитаристическая. Такою она является и исторически: выродившись из анабаптизма Мюнцера (проповедовавшего, что люди все равны не только в отношении религиозном, но и в политическом, требовавшего социалистического устройства и вызвавшего революционную крестьянскую войну) и из менонитства, она была гонима в Германии, перешла в Англию, где действовала под руководством Д. Смита и где ее последователей сжигали на кострах за противогосударственное учение, ушла потом под водительством Р. Вилиамса в свободную Америку и уже здесь, в обработке Гилло, Буфа, Фуллера и др., баптизм, для безопасности *и для виду*, отказался от тенденций противогосударственных¹. Но эти тенденции тайно, как зерно, в нем живут неистребимо. Вот почему и вот откуда эти двусмысленности баптистских журналов относительно текущей войны, это уклонение от прямого слова, эти ширмы общих фраз, за которыми ничего не поймешь. А вот в доказательство и реальные факты. В Москве, в одном из лазаретов местный баптистский проповедник, допущенный к раненому баптисту, после двух посещений его стал вести в лазарете

¹ В этом виде баптизм и возвратился из Америки в XIX в. в Гамбург, в Германии, проник в Остзейский край в Россию (где и «крестились» Фетлеры – отец и сын), и, пока не разглядели его существа, теперь терпим в Англии и Европе.

речь, обращенную ко всем раненым солдатам, – с отрицанием войны; в Меленках, Владимирской губернии, местный баптист, провожая своего племянника, взятого на войну, в присутствии односельчан молился о том, чтобы «ни одна стрела не коснулась его (взятого на службу) и чтобы никто не погиб там от его руки», причем публично советовал племяннику во время сражения «стрелять в воздух». Может быть, эти факты раскроют несколько смысл замысловатых и двусмысленных фраз г. Фетлера о молитве за Государя и Родину во дни настоящей войны!..

Закончим обозрение «Гостя». В том же номере десятом, где так мало говорится о войне и ничего о патриотизме, читатели в тяжкие дни войны, вероятно, утешатся важным известием о том, что у г. Фетлера... родился сын; об этом особая статья в журнале! В одиннадцатом, *ноябрьском*, номере, в котором помещена направленная против меня вышеупомянутая статья Гедеонова, всего несколько строк – известий о мировой войне, без всяких откликов на нее со стороны редакции, без руководящих указаний читателям. Зато здесь – ламентации по поводу стеснений баптистов, именно по поводу осуждения известного «пресвитера» Павлова в крепость на один месяц (как осужден в Москве и сам Фетлер), но не за содержание баптизма, не за отправление проповеднических и богослужебных обязанностей для единоверцев (что законом разрешено), а за пропаганду и соращение православных в баптизм (что воспрещено ст. 90 Основных, пока еще не отмененных, Законов). Тут же статья: «Чего ждут от России англичане в Великобритании и Америке?» Нетрудно предугадать ответ: конечно, они ждут права полной свободы пропаганды для баптизма. Можно подумать, что из-за этого они и войну ведут... с Германией! За статьей следует то примечание редакции, о котором мы уже упоминали и в кото-

ром дается совет «распознать психологическую сторону настоящего момента», причем редакция просит «доктора» Мак-Артура, редактора баптистской газеты, выходящей-де в Америке, но самой распространенной в Англии (отсюда, вероятно, и вывод, чего ждут все *англичане* в Англии и Америке) – «начертать план деятельности, чтобы оказать давление на Россию и дать свободу баптистам» (свободу не одного содержания и отправления веры, но, главное, пропаганды). «Того же мнения, – замечает редакция, – держится и «официоз» (!) английских баптистов «The Baptist Times» в Лондоне». Итак, две *баптистские* газеты и их пожелания, по мнению г. Фетлера, представляют собой всех англичан в Великобритании и Америке! Отсюда теперь легко заключить и англичанам, что все редакторы русских газет и вообще все русские желают теперь одного – скорейшего расширения прав баптистов на пропаганду, в доказательство этой мысли стоит только привести мнение «русского» журнала «Гость», «официоза» русских баптистов и «доктора» Фетлера... Такова эта удивительно изворотливая логика! Кого хочет г. Фетлер запугать и ввести в заблуждение своей не то наивной, не то хитрой аргументацией и громкими словами о докторе, официозах, англичанах и американцах? Право, все это не так страшно! Но зачем же оскорбляется Фетлер, слыша о том, что баптистов считают худыми русскими патриотами, если доказательств их патриотизма нет, а доказательств отсутствия патриотизма так много и в том, о чем баптисты говорят, и в том, о чем они умалчивают?

III

Переходим, наконец, к вопросу о немецких деньгах, отпущавшихся для поддержания штундо-баптизма в России. Гедеонов и Фетлер это отвергают. Гедеонов ставит мне несколько вопросов и требует пояснения и доказательств моих положений. Иначе он грозит считать меня «клеветником». Мнение г. Гедеонова не столь страшно, но для уяснения дела я постараюсь ответить по этому пункту подробнее. Буду следовать в своем ответе течению мыслей г. Гедеонова, и посему заранее извиняюсь за некоторую бессистемность предстоящего изложения своих мыслей: она зависит от порядка, точнее, от беспорядка суждения моего вопрошателя. «Во-первых» (оговариваюсь, – в дальнейшем изложении г. Гедеонова уже нет ни «во-вторых», ни «в-третьих»), – пишет г. Гедеонов, – «ужели у Вильгельма II не было Берлина, где издавать на свои средства русский журнал, раз он этого хотел?». Так не совсем грамотно спрашивает г. Гедеонов. Дело касается того, что Вильгельм II издавал журнал в Вене, а потом и во Львове для пропаганды протестантских сект среди русских. Отвечаю: Вильгельм издавал журнал во Львове, вероятно, потому же, почему он теперь издает журналы и газеты в Риме, Бухаресте и Константинополе, – издает, очевидно, с той целью, чтобы сеять ложь политических известий там, где она, по расчетам Вильгельма, приносит пользу Германии. И журнал для свращения русских в протестантские секты он издавал во Львове, чтобы сеять ложь религиозную среди тех, кого он хотел уловить. В Галичине – 4 миллиона русских униатов, забитых, приниженных, разделенных между собою: жатва достаточная. Неужели этого не понимает Вильгельм Фетлер? Почему он сам

издает «Гость» в Петрограде, а не в другом каком-либо городе? Вероятно, это объясняется не одним только местопребыванием г. Фетлера... А вот и описание внешнего вида львовского журнала: заглавие: «Russische Rundschau»; приложение: «Ukrainische Revue». Издатель Кушнир. На обертке карта Европы, в коей Германия протянулась до Волги и Сарепты... В журнале проводится мысль Вильгельма-кайзера: Украине надо дать унию, но не с католичеством, а с протестантством. Особо любопытное замечание: развозили журнал гамбургские *баптистские* миссионеры и особенно *русские штундо-баптисты*. Еще замечание: во Львове считалось тогда только 80 протестантов; спрашивается, для кого же из местных протестантов издавался дорогой и прекрасно оборудованный журнал? Может быть, эти косвенные соображения, вместе с картою Германии до Сарепты, и наведут недогадливого г. Гедеонова на какие-либо выводы и признания?

Далее Гедеонов, не без язвительного намека относительно моего невежества насчет различия марок и франков, видит неправду моей «возмутительной» выдумки насчет отпуска Бисмарком миллиарда франков из взятой с Франции контрибуции на нужную ему пропаганду в России – в том, что Бисмарк платил бы марками, монетою Германии, а не франками; доказательство неправды видит он и в том, что сумма в миллиард франков уж очень большая. Но я не виноват, что Франция, конечно, уплатила контрибуцию Германии в 1870 году франками, то есть своею, а не чужою монетою; для успокоения г. Гедеонова прибавлю, что я не сомневаюсь, однако, в том, что Бисмарк немецким проповедникам в России мог отпускать субсидию и марками, русским проповедникам, шпионам и колонистам – рублями, как и теперь итальянских журналистов подкупают немцы лира-

ми, а турецкого Энвер-пашу, вероятно, тоже лирами, но уж не итальянскими, а турецкими, которые подороже итальянских... Как может видеть г. Гедеонов, и я мог просветиться насчет названий и стоимости иностранных монет, посмотрев в первый календарь! Главное же в том, что сила доказательств г. Гедеонова оказалась очень слабою.

Что касается величины суммы, то это, г. Гедеонов, понятие весьма относительное. На такое дело, как создание духовного экономического и военного авангарда в России со стороны германцев в виде немецких сект, немецких колоний, немецких шпионов, немецких банков и промышленности, 250 миллионов русских рублей номинальных и около 400 миллионов по курсу – уже не такая сумма, пред которой Германия, отправляющая теперь вагоны золота в Турцию и великодушно отдающая ей броненосцы, могла бы долго задумываться... Вероятно, платилось и отпускалось всем таким почтенным труженикам и радетелям германизма гораздо больше!

Г. Гедеонов предлагает мне, далее, доказать и указать, кому из русских баптистов был выдан миллиард франков, потом, противореча себе, он требует назвать того русского баптиста, который получил хоть один сантим из бисмарковских миллионов. Не знаю, чего хочет г. Гедеонов. Думаю, он хочет, чтобы я предъявил ему расписки получившего миллиард или получившего сантим. Но расписки получает и хранит, как, вероятно, и г. Гедеонову известно, не тот, кому дают деньги, а кто их отпускает... А Бисмарк умер, да и Вильгельм II, вероятно, этих расписок не печатает в газетах!

К счастью или несчастью, и пастор Бенкемпфер, 50 лет занимавшийся пропагандой сектантства на юге России при по-

средстве немецких колоний и на немецкие деньги, тоже умер. Я не рылся в его архивах и не видел переводных бланков и писем.

Но пусть г. Гедеонов мне представит расписку Энвер-паши в получении денег от Вильгельма-кайзера, или расписки редакторов тех немецко-турецких газет, которые теперь объявляют Вильгельма исконным другом и защитником мусульманства, или осмелится отрицать подкуп Вильгельма только потому, что расписок подкупленных лиц Вильгельм никому не показал, а вернее, с них расписок и не брал. Неужели г. Гедеонов не понимает, что в делах подобного рода имеют значение не формальные доказательства, а доказательства по существу дела, и часто не прямые, а косвенные. Последние мною представлены в изобилии в моей статье «Немецкая вера»; кратко повторю их и еще дополню новыми сведениями.

Баптистская литература на русском языке в последние 25 лет в огромном количестве доставлялась в Россию из Гамбурга: мы вправе поинтересоваться и спросить недогадливого г. Гедеонова, на чьи средства она издавалась и доставлялась в Россию?

На первых порах, когда штундо-баптистов из русских в России было мало, кто и на какие средства издавал им книги, сборники песен и молитв? Можно догадаться по авторам, которые писали, точнее сказать, переводили с немецкого эти молитвы и стихотворения. Авторы не подписывали своих фамилий, но довольно мне привести несколько строф одной только штундо-баптистской духовной песни, и все сразу догадаются, кто авторы:

«Дух святой, Дух святой!
Светлость мой, сиянье твой!
Освящай душа мой
Благодательный Христовой
И буду вечно с Тобой!
Дух святой, радость мой,
Усилися ты со мной
И внутренний грехов мой
Очищай лучшим твой радость;
Твой нонче мой».

Довольно! Спросите любого человека: кто писал эти стихи? Всякий скажет: немец! Но г. Гедеонов потребует в доказательство, вероятно, не только указания автора, но и автографа. Извиняемся. Таких доказательств мы привести не можем.

Еще из той же области. Известно, что «пресвитер» Павлов и, подобно ему, другие русские юноши отправляемы были для обучения в Гамбург. Павлов был бедный юноша; был он приказчиком у Воронина в Тифлисе. На какие средства он ездил, жил и учился в Гамбурге? На русские деньги или немецкие? Пусть ответит г. Гедеонов.

В постановлениях съездов и конференций штундо-баптистов, бывших в Таврической губернии в 1880 и 1890 годах, указано жалованье проповедникам баптизма, посылаемое от немецких альянсов (четырех), имеющих прямою задачей распространение баптизма в России; ответьте, г. Гедеонов, какие это деньги: русские или немецкие?

Г. Павлов на «конгрессе» баптистов в Берлине всего несколько лет тому назад заявлял, что пресвитеров, *разъездных*

проповедников и т. п. приходится в России один приблизительно на 40 баптистов. Неужели баптисты отпускают по крайней мере по 50 рублей каждому на содержание и, сверх того, крупные суммы на разъезды проповедников и на раздачу ими литературы? Опять спросим: откуда эти деньги?

Позвольте теперь представить самые ценные и неопровержимые данные из американской печати.

Г. Фетлер в 1911 году был на «всемирном конгрессе» в Филадельфии, в Америке, вместе с другими русскими баптистами. Там они много и долго жаловались на Русского Царя и русское правительство. В газете «Филадельфийская Пресса», которую конгресс объявил своим официозом и в конце своих занятий благодарил за «подробный и точный отчет» о всех суждениях и постановлениях, мы читаем:

«Сегодняшнее собрание открылось обращением доктора Маршалля; доктор высказал мнение, что *заграничные* миссионеры (где же граница и где, собственно, митрополия баптизма, – ясно всякому) ожидают *поощрения более существенного*, нежели только словесного, в смысле похвал». Сказано, надо признаться, не без ясности... Еще яснее говорил русский «доктор», баптистский проповедник, небезызвестный Павлов; он, нарисовав ужасы гонений на баптистов в России, – приводим буквально сообщение официоза, – «говорил о настоятельной *нужде в средствах на распространение баптизма в России* и в заключение протянул к слушателям руки и воодушевленным голосом воскликнул: «Придите все и помогите нам!» В ответ слышались восклицания: «Мы поможем».

Послушаем, что было и случилось дальше: «Доктор Майер встал и поднял руки, взывая к порядку. Когда последний был во-

дворен, доктор Майер обнародовал проект *в последующие 20 минут* собрать 100 000 долларов (около 200 000 руб.) на богословскую баптистскую семинарию в России. Тут опять послышался взрыв одобрения».

Двадцать минут – время не долгое; деньги, однако, по волшебному мановению, сразу собраны... Доктор Майер продолжает: «Доктор Конуэль и я согласны отправиться в Россию и лично видеть Царя, чтобы получить разрешение на постройку семинарии». Подумаешь, как все это просто! Есть упоминание и о «докторе» Фетлере: «Фетлер *от имени своих* прихожан подписывает 1 000 долларов!»! За 20 минут он, как видно, уже успел получить и деньги, и полномочия от своих «прихожан». Кто же хоть на миг усомнится в том, что пред нами грубейшая комедия и поставлены слишком прозрачные ширмы подкупа?! Но дальнейшие сведения еще поучительнее: «Вильгельм Фетлер сказал, что около 20 русских делегатов, *владеющих английским языком* (интересно, кто эти 20 делегатов, знающих английский язык? Уверяем, – их нет; это опять комедия), останутся в Соединенных Штатах еще несколько недель для произнесения проповедей. Он надеется, что проповеди русских (?) принесут *материальную* пользу русскому (?) делу».

Пусть же г. Гедеонов после всего вышесказанного ответит: какие это деньги, – русские или не русские у гг. баптистов?

Теперь посмотрим далее, какие планы наметил филадельфийский конгресс. Вот какие: «Начинать с России. Установление религиозной *и гражданской свободы*... Центром этого движения, идущего во все нации, будет *Россия*. С этой целью будет вестись грандиозная кампания самого решительного характера». «Восемь баптистских лидеров будут руководить этим огромным

предприятием»; *в их числе и Фетлер*. Эти избранники «принимали участие в конференции в баптистском храме «Благодати», приготавливая, как они выражались, *взрывчатое вещество*. Так велики и ясны были их планы, что у немногих присутствовавших в заседании *пробежала дрожь* от сознания важности обсуждаемого предположения». «Деятельность начнется прежде всего с России. Доктор Мак-Артур и некоторые другие лидеры временно переселятся в центр деятельности, чтобы им было удобнее оттуда *распределять удары*».

Лаконическое, но знаменательное постановление в конце конгресса: «Следующий съезд союза соберется *в Берлине в 1915 году*... Не рисовалась ли лидерам теперешняя война и не здесь ли заключалось «взрывчатое вещество», вызвавшее дрожь удовольствия у слушателей: после разгрома России собраться в победоносном Берлине и диктовать русскому народу требования уж не одной только свободы для баптизма, но и чего-либо другого?

Это, конечно, в области предположений, а в области фактов пусть г. Гедеонов по чистой совести ответит: на «огромное движение», на «огромное предприятие» нужны ли деньги и откуда думают их взять русские баптисты для сосредоточения деятельности именно в России? И какие это деньги, – русские или не русские? И еще: что это *за гражданская* свобода, которую *религиозный* баптистский союз думает устроить в России? Ведь это называется политический переворот, притом революционный! В этой области нужны ли средства или нет? И откуда, от кого они придут? Право, г. Гедеонову лучше бы не поднимать этого вопроса: он ведь привел нас к тому, что мы устами самих баптистов вскрыли те революционные начала и вожделения Мюн-

цера и изначального анабаптизма, которые неистребимо лежат в глубине баптизма... Сказалось то, что черным по белому, яснее ясного заявлено в журнале *Баптист* в № 35 за 1911 год: «*Мы, баптисты, – наследники славного анабаптистского движения, мы – потомки по прямой линии самой радикальной партии английской революции*» (запятнавшей себя убийством короля...).

Продолжим. В статье моей «Немецкая вера» я привожу факты, именно – цифры немецкого подкупа русских баптистов. Так, Л. Оржеховский в письме к брату в деревню Топилровку, Чигиринского уезда, Киевской губернии, свидетельствует, что закавказским баптистам в их поселение «Бедекер чрез Тер-Асатурова присылали из-за границы ежемесячно тысячу рублей»; «Павел Однолько схлопотал баптистам жалованье из-за границы», «Иванов в Елисаветполе раздает сектантам деньги». Однолько обвинял Кальвейта в утайке денег, полученных в пособие баптистам «от обер-пастора закавказских немецких колоний». Иванов сам письменно сознается, что получал от заграничных комитетов тысячные суммы в «пособие сектантам».

Воронин и Павлов, живя в ссылке в Оренбурге, поссорились из-за утайки «пособий, получаемых из-за границы».

Полагаю, что факты вразумительны, и факты эти, добавляю, я опубликовал 6 лет тому назад в статье «Сети ловчи», причем в виде брошюры раздавал эту статью на съезде баптистов в Москве в 1911 году, где присутствовали и Фетлер, и Павлов. *Опровержения этих сведений тогда не последовало*, хотя некоторые из названных мною лиц, например, Павлов, доселе живы и здравствуют. Опровержение понадобилось только теперь, в виду изменившегося положения: прежде близость к

немцам ставилась баптистам в заслугу, потому что в русском обществе высоко ценилась немецкая культура, а с нею и немецкая вера, теперь же, под влиянием войны, в русском обществе явилось глубокое разочарование в немцах, в их культуре и религии.

Почему же ни Фетлер, ни Гедеонов, ни защитники баптистов приведенных фактов не опровергают, не объясняют, а, умалчивая о них, отделиваются или общими местами, или только ругательствами?

Добавляю к приведенным выше фактам факты новые. Русский «Евангельский союз» (замаскированный баптистский), разрешенный по недоразумению русской властью в 1908 году, есть *немецкий* союз (учредители: *германские* подданные Арндт, Гроте и др.) и пользуется материальной поддержкой Deutsche Orient-Mission в Берлине (W. Lutzowufer, 5). Пропаганда баптистов, направленная против войны, замечена теперь в 139, 140 и 141 полевых подвижных хлебопекарнях. На Вормском конгрессе 1905 года заявлено было о тождестве протестантизма и пангерманизма, и проповедь этой идеи конгрессом поручена была «Евангельскому союзу», по отношению к которому «Русский евангельский союз» является единомышленным отделом. При этом один из ораторов на конгрессе, г. Галле, заявил, что протестантство – тот же германизм, «основа культуры будущего», а штунда – сколок протестантства. Что же удивительного в том, что теперь в местечке Бородянке (Киев) штундо-баптисты отказались дать жертвы на лазареты для русских раненых солдат, а когда из местечка Бородянки выслали немца-аптекаря, не скрывавшего своего тяготения к Германии, то баптисты открыто выражали ему сочувствие и говорили: «Пусть бы и нас заодно вы-

слали с ним». Баптисты душою – заодно с немцами, и если бы немцы оказались победителями и дошли до внутренних городов России, баптисты служили бы немцам свою службу так, как это делают теперь немцы-колонисты и евреи в Царстве Польском...

Пусть же после всех этих *фактов* г. Фетлер не возмущается утверждением одной газеты, уверяющей совершенно справедливо, что «баптисты – это авангард германизации, и во всех отношениях в высшей степени вредная и опасная секта, для последователей которой выше всего стоит император Германии». Г. Фетлер устами Гедеонова проговаривается, по незнанию русского языка: «Всякий баптист, – пишет Гедеонов, не замечая, что сам себя топит, – разумеется, *наивно* посмеется, читая это»... Да, *наивный* баптист, обманутый Фетлером, действительно посмеется, но хоть несколько вдумчивый и способный разбираться в явлениях жизни, если будет смеяться, то уж не наивно, а с самым злостным намерением сознательной измены и предательства Родины. Честный же баптист и верный Родине отвернется от баптизма.

Г. Гедеонов, в качестве последнего аргумента против моих статей, выставляет меня нарушителем завета Государя Императора «забыть внутренние распри» во время войны: «Священнослужитель, – пишет Гедеонов, – обязанный быть миротворцем, поднимает меч на других верноподданных Царя (баптистов) и производит среди других возмущение и недовольство». Итак, баптист становится в новой роли – исполнителя и проповедника Царских предначертаний. Не лучше ли гг. Гедеонову и Фетлеру, если они уж так ревнуют об исполнении Царской воли, прежде исполнить Основные Законы, утвержденные Государем и, оставив незаконную пропаганду баптиз-

ма среди православных, не призывать баптистов к молитве за Фетлера, обвиненного в нарушении законов, не выставять и Павлова, присужденного к заключению за нарушение закона Царского, мучеником и подвижником?... Единение – вещь добрая. Но если единением называют измену, предательство, служение немцу и состояние в наймитах у немца за немецкие деньги, и если, прикрываясь именем единения, требуют от нас попустительства и молчания, – то такого единения да не будет! Оно – от лукавого.

ЗАЩИТНИК БАПТИЗМА

Статьи мои о баптизме, помещенные в «Московских Ведомостях», вызвали защиту этой секты со стороны некоего Пасынкова¹ в «Биржевых Ведомостях» (№ 14532, от 3 декабря, утренний выпуск). Защита – своеобразная; она – не ответ мне по существу, а больше ругательства по адресу «Московских Ведомостей» и руководителей этой газеты, которых г. Пасынков называет «кащеями», со «старческой слюною»; она заканчивается истерическим воплем г. Пасынкова и призывом «примирить все веры, согласить все догмы», «смягчив их нетерпимость и непримиримость». Автор, в заключение, по поводу такого призыва, уверяет: «перед этим сильным и гармоничным голосом скрипучий шепот (?!) отмирающих кащеев (несколькими строками выше он уверял, что «кащеи консерватизма бесконечны, бессменны и бессмертны»...) поблекнет (как может блекнуть и скрипеть шепот – это уж тайна г. Пасынкова), как тлеющая в горнице лучина перед рдяностью (!) (попробуйте выговорить, читатель!) новой зари, ударившей в стекла (!)».

В этом роде написано строк двести!

Оставляя в стороне всю брань, как характерный признак слабости, и все литературные перлы типичной декадентщины, – я должен обратить внимание г. Пасынкова, что по существу в защиту баптизма и в опровержение моих статей им ровно ничего не сказано. Он только ловит меня в противоречии: баптизм – как авангард германизма не может-де быть одновременно и анти-

¹ Пасынков – псевдоним; на самом деле это – еврей некрещеный... Вот откуда идет защита баптизма!

милитаристическим... Отвечаю: толстовщину, учение заведомо анархистическое, немцы поддерживали и одобряли в России, но преследовали в Германии; на прокламации к русским рабочим и на устройство забастовок в России немцы тратили большие деньги, и горы прокламаций найдены после отъезда г. Пурталеса в германском посольстве в Петрограде; но едва ли немцы тратили деньги на распространение прокламаций у себя в Германии и на поддержку своих забастовок... То же самое нужно сказать и о баптизме. В Германии баптизм всегда вызывал и вызывает косые взгляды правительства, но в России его охотно поддерживают ради ослабления России. Неужели для г. Пасынкова это так ново?

Далее г. Пасынков вносит некоторые исторические поправки в мою статью. По его мнению, не Лютер является создателем лютеранства, а Меланхтон и... Рейхлин. Вопрос этот спорный, г. Пасынков, но и помимо сего, я писал не о происхождении лютеранства, а заметил только, что баптизм выродился из протестантизма, чего не отвергает и г. Пасынков. Никто не запрещает под протестантизмом понимать создание Лютера или Меланхтона, а я бы сказал, – точнее и правильнее – обоих вместе. Рейхлина († 1522; Лютер покинул монашество и окончательно порвал связь с Римом в 1523 году) привязал г. Пасынков, вероятно, ради того, чтобы щегольнуть ученостью; как идейный предшественник реформации, в *некоторых отношениях* (и меньше всего в области чисто религиозной) он, конечно, имеет значение для протестантизма, но если уж щеголять выписками из сочинений исторических деятелей, что делает г. Пасынков относительно Меланхтона, то позволительно привести и указать не Рейхлина, а Эразма (умер на 14 лет позднее Рейхлина), о

котором давно сказано с типически грубым немецким остроумием: «Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел». Предположим, однако, что лютеранство не есть лютеранство, а меланхтоновщина, как думает г. Пасынков: какое это имеет отношение к вопросу о баптизме и его сущности? Много лишних разговоров, но мало логики у г. Пасынкова.

Г. Пасынков еще вносит историческую поправку: по его мнению, путь исторически шел «от баптизма к мюнстерству» (что разумеется: *город* Мюнстер, или Фома Мюнцер?), и мы, указывая генезис баптизма в обратном порядке (лютеранство – анабаптизм Мюнцера – менонитство – баптизм в нынешнем виде) (о городе Мюнстере я ни звука не говорил), якобы «неверною рукою перетасовываем карты истории». Здесь, видимо, г. Пасынков опять поленился справиться в учебниках; иначе бы он увидел, что как Рейхлина он произвел в современники и сотрудники Лютера, так и баптизм он сделал отцом мюнстерства только потому, что понадеялся на свою память. Так и от Петра Великого можно произвести Бориса Годунова: точки идейного соприкосновения у них, конечно, найдутся. Оказывается, не мы, а г. Пасынков «верною рукою» перетасовал карты истории: привычное еврейское занятие!

Из сказанного видно, что Пасынков в защите баптизма, направленной против моих статей, стоит все время на почве одних общих мест и общих соображений, мало имеющих отношения к моим статьям. Я привел в своих статьях множество *фактов*, касающихся баптизма и баптистов; о них, однако, совершенно умалчивает г. Пасынков, не давая им своего толкования, не давая себе труда и опровергнуть их. Одно он здесь видит: «доносительство» и нарушение мира внутри России, «когда надо

обратить внимание на врагов внешних». Но это равносильно требованию умалчивать об опасности, об измене, о немцах и покрывать всех шпионов... Снова вынужден я повторить, что тогда будет то единение, о котором можно сказать одно, – что оно от лукавого.

Я просил бы г. Пасынкова, с одной стороны, не ругаясь, а с другой, не вдаваясь в общие суждения и не закрываясь фразами о рдянности зари, ударившей в стекла, и блекнущем скрипучем шепоте, – остановить внимание свое на сообщенных мною многочисленных *фактах*, выясняющих сущность баптизма и его роль в современном положении России, и факты эти или объяснить, или опровергнуть. Я же, в подтверждение своих положений, со своей стороны обещаю привести и новые факты, подлинные суждения баптистских конгрессов и т. п. в одной из следующих моих статей о баптизме.

РЕВНОСТЬ О ПРАВОСЛАВИИ

ОТВЕТ О. АГГЕЕВУ

Газета «Биржевые Ведомости» поступила бы гораздо лучше, если бы совсем не говорила о Православии, о его судьбах, об устройстве Православной Церкви: ведь в самом деле, неудобно же г. Пропперу рассуждать об этих вопросах, как неудобно было бы мне в строго церковной газете представлять проекты устройства и управления цадиков, раввинов и т. п. – и притом все это якобы для блага правоверных евреев. А ведь именно в таком духе газета г. Проппера рассуждает о Православной Церкви: исключительно-де ради блага нас, православных...

Я уже отвечал на статью Пасынкова, выступившего в «*Биржевых Ведомостях*» в пользу Православия... с защитой баптизма против моих статей. Теперь приходится еще отвечать, и на сей раз, к сожалению, отвечать священнику православному, нашедшему для своей подобной же статьи, но в защиту униатства, гостеприимный приют на страницах газеты г. Проппера (№ 14652 от 5 февраля).

О. Аггеев очень обеспокоен моей речью, сказанной генералу Иванову, покорителю Галиции, при поднесении ему иконы святого Николая от Московского епархиального духовенства. О. Аггеев очень обиделся на то, что я, поднося икону святителя Николая, именуемую «Ревность на безумного Ария», пожелал покорителю Галиции ревности о Православии и выразил уверенность, что в новоприсоединенной стране интересы

Православия не будут забыты. Решительно недоумеваю, что в этих словах может так огорчить православного священника, и в частности о. Аггеева. Однако, материал для огорчения он нашел, но, к сожалению, этот материал оказался от начала до конца выдуманным. Дело в том, что о. Аггеев моей речи генералу Иванову *не читал*, хотя она напечатана в «Московских Ведомостях» 17 января сего года. Он, как и сам об этом заявляет, доверился сообщению «Утра России». Но я ведь говорил с генералом Ивановым наедине; корреспондент «Утра России» при этом не мог присутствовать, речи моей он слышать не мог. Зачем же столь неосторожно доверяться газетной заметке и зачем речь мою предполагать и выдумывать, когда она напечатана?

Оттого-то о. Аггеев и впадает в грубую ошибку, уверяя, что в своей речи «о. Восторгов из жизни святителя приписывает к себе (??) один недоказанный научно (?), а от себя скажем (,) малоправдоподобный факт заушения на первом Вселенском Соборе еретика Ария». «И икона, поднесенная генералу Иванову, – уверяет о. Аггеев, – изображала именно этот момент в жизни святого и носила выразительную надпись: «Ревность на безумного Ария». «Речь протоиерея Восторгова бестактна: об этом не может быть двух мнений, и это не нуждается в уяснении».

Нет, о. Аггеев, ваши слова очень нуждаются в уяснении!

Речи моей вы не читали. О заушении Ария мною не было сказано ни звука. На иконе «Ревность на безумного Ария» факта «заушения» совсем не изображается; вы этой замечательной иконы, очевидно, никогда не видали, ничего о ней и не слыхали и не знаете, хотя и подчеркиваете все время, как вы осведомлены в «научной» области. Икона с таким именовани-ем, весь-

ма замечательная с художественной стороны, знатокам русской иконной живописи довольно известна.

Итак, обосновавшись на выдумках и на собственном незнании, приписав мне речь, которой я не говорил, обозвав эту несказанную речь бестактной, – не думаю, чтобы о. Аггеев оказался уж очень тактичным, затронув столь легкомысленно и некстати большой вопрос о Православии в Галиции.

О. Аггеева, оказалось, больше всего покорило и напугало слово «ревность». Ревности по вере он больше всего боится, и в пожелании «ревности об истине Божией» генералу Иванову о. Аггеев, столь несоответственно со своими обычными выступлениями, находит обиду для русской правительственной власти, – заподозревание ее в «гонении на Православие». Теперь о. Аггеев, как видите, выступает в роли защитника правительства. Воистину, времена и обстоятельства удивительно меняются!

Да, о. Аггеев, несогласный с вами на Киевском миссионерском съезде, – о чем вы вспоминаете в своей статье, – в ваших тогдашних несправедливых нападках на правительство, в ваших отрицаниях необходимости положительного церковного учительства, в вашей защите социализма и в ваших уверениях, что социалисты-революционеры вполне могут быть названы православными христианами, и что между социал-демократией и христианством нет вражды и противоречий, – я теперь не согласен с вами и в вашей своеобразной защите русской правительственной власти и ее действий в Галиции. Я уверен, что Православие в Галиции теперь именно и забыто, и даже подавлено. И я бы мог представить для доказательства этого и факты, и документы, – распоряжения генерал-губернатора

Галиции, если бы это могло быть допущено к печати. Пройдет время – все напечатаем. Напечатаем и подлинные воззвания Андрея Шептицкого... А теперь скажу только одно: при открытии в начале января педагогических курсов во Львове православное духовенство не было приглашено к служению молебствия, которое было совершено духовенством униатским, в присутствии всех высших представителей русской власти... Где же первенство и достоинство Православной Церкви? Или и об этом говорить «бестактно»?

Горе, когда ревность бывает не по разуму, как это, может быть, и имело место в Холмщине в свое время: но еще большее горе, когда совсем нет ревности, когда православный священник боится ревности о вере, как величайшего преступления, когда он из предубеждения против ревности открыто отрицает правду тех молитв, которые он всегда читает верующим и в которых – и это во всей службе святителю Николаю – говорится, что святой Николай Ария возбесившегося от собора святых отгнал и обличил... Не буду спорить о «научности» и доказанности этого факта из жизни святителя Николая: здесь более важны общие выводы, хотя, кстати замечу, что «научно» и опровергнуть этого факта нельзя, а мнение «от себя» о. Аггеева о «малоправдоподобности» этого факта не может же претендовать на подавляющую авторитетность... Без конца выше, конечно, самосознание, предание, историческая память Церкви, которая занесла в свои богослужebные песни высокие похвалы святителю Николаю именно за его ревность, которая кажется о. Аггееву или бестактной, или выдуманной... Не буду отвечать и на ту характеристику моей личности, которую совершенно некстати

о. Аггеев приводит в статье, казалось бы, общего принципиального характера.

Он все говорит о «научности» и «тактичности»: пусть решит сам, тактично ли это и соответствует ли «научным» приемам полемики?

Но сегодня, в Неделю Православия, когда весь православный мир восхваляет ревностных борцов за Православие, пусть о. Аггеев, православный священник, ответит по чистой совести: за кого стали бы эти православные борцы, – за тех ли, которые желают представителям власти в Галиции ревности об истине и памятования об интересах Православия среди четырех миллионов насильственно и обманом втянутых в унию галичан, или за тех, которые ревность заменяют тактичностью, а истину Божию – проблематичною научностью, и которые пуще огня боятся святой ревности на безумного Ария?..

ЛЮБОВЬ К БЛИЗКИМ¹

Высшая церковная власть сегодня обращается к нам с новым и усиленным приглашением – жертвовать вещами и деньгами в пользу наших воинов, воистину доблестных и самоотверженных, несущих тяжелый подвиг защиты Отечества.

Когда читаешь, что в зимнюю пору солдаты бросаются в реку и среди льдин перебираются на другой берег и оттуда изгоняют врага, мы, конечно, с изумлением и глубокою благодарностью приветствуем этот подвиг. Но человеку, ясно себе представляющему жизненные явления, представляется вместе с тем невольно и то, как мучительна эта стужа, какой опасности подвергают наши воины свое здоровье, как невыносимо им в мокрой одежде, в холод, под выстрелами неприятеля, не имея позади приготовленных припасов и сухой одежды, свершать свои деяния, о которых, несомненно, будут говорить наши потомки, как о чем-то невероятном, как о чем-то сверх-геройском.

В таких исключительных случаях, конечно, мы не в силах помочь нашим воинам и принять участие в их подвиге. Но тем более, при обычных условиях их жизни, в обычное время, наш долг позаботиться о том, чтобы они были в сытости и тепле, чтобы они имели по возможности полное удовлетворение своих нужд и потребностей. Вот почему время от времени церковная власть напоминает нам о нашей обязанности помочь нашим воинам, приглашает нас принести наши жертвы «и вещами, и деньгами», всеми доступными для нас и «возможными способа-

¹ По случаю призыва Святейшего Синода к пожертвованию в пользу воинов сказано в Неделю 25-ю (притча о милосердном самарянине), 16 ноября 1914 г., в соборе Василия Блаженного.

ми», «по любви нашей к ближним», как сказано в призыве Святейшего Синода.

О любви к ближнему говорит нам особенно выразительно и нынешнее евангельское чтение известною притчею Спасителя о милосердном самарянине. С детства мы знаем эту притчу, и кто относится к ней без предубеждения, тому совершенно понятны и открыты ее смысл, ее уроки.

Но мы живем в такое время, когда ясное само по себе часто затемняется и становится неясным, – и притом не с сознательным намерением, когда собственно и возражать и убеждать не приходится, – а по искреннему заблуждению людей, часто вполне достойных и хорошо настроенных. По мнению таких людей, притча о милосердном самарянине учит христиан тому, чтобы совсем не делать различия между родными и чужими, знаемыми и неизвестными, совсем не знать различия племен и народов и всем с одинаковым настроением и чувством одинаково благотворить. По мнению таких людей, различать родителей от неродителей, братьев и домашних от чужих и посторонних, свой род и семью от другого рода – совсем не нужно и противно духу Евангелия. Идя дальше Самого Христа и как бы желая исправлять Святое Евангелие, такие люди поучают, что нельзя выражаться даже о любви к ближним, а надобно говорить о любви только к дальним. При таких воззрениях, конечно, заботиться нам о своих, русских воинах, здравствующих и раненых, не следует, а надобно заботиться о воинах германских. Не поэтому ли мы иногда слышим о таких явлениях, что пленных врагов засыпают цветами и одаривают подарками, а мимо своих раненых проходят равнодушно?

Откуда все это? Мы не говорим о людях неуравновешенных, у которых в сущности нельзя требовать отчета в их действиях, ибо они – душевно-нездоровые и ненормальные люди. Мы не говорим о тех ищущих вычурности, позы и рисовки, которые всегда желают сказать или сделать что-либо особое, как выражаются, – оригинальное, чтобы обратить на себя чем-либо внимание: это тоже люди, стоящие вне правил и законов. Мы разумеем тех, кто хочет сознательно, а иногда мучительно осмыслить такое учение о забвении родителей и семьи и полном равенстве любви, ее видов и ее проявлений по отношению ко всем людям.

По-видимому, такое учение идет из толстовщины. И действительно, так по началу и было у Толстого, когда он впервые обратил внимание свое и внимание русского образованного общества на вопросы о смысле жизни и смысле Евангелия. Но неустойчивый и вообще без конца менявшийся в своих воззрениях, Толстой впоследствии объявил, что учение Евангелия и заповедь о любви к врагам есть полная невозможность и не имеет никакого смысла. Я уж не привожу более резких и грубых его ругательств и выражений. Итак, опять спрашиваем, откуда же такое учение?

Учение это идет из рассудочного, так сказать головного христианства, выдуманного, а лучше сказать – вымученного, из постоянного желания не себя проверять Евангелием, а наоборот, Евангелие проверять своими собственными рассуждениями и домыслами, не себя приводить к евангельскому образу добродетелей, а наоборот, Евангелие примерять к себе и своими вкусами, наклонностями, своими действиями определять понимание Евангелия.

Церковь, Православие есть историческое, живое христианство, не выдуманное, а действительное, не подложное, а подлинное, не подмененное горделивыми умствованиями, которые имеют целью постоянно видоизменять христианство, а вечное, неизменное, как сама истина, не застывшее, однако, в неподвижности, и не мертвящее, не останавливающее жизни, а наоборот, развивающее христианскую жизнь христианских народов, которая вырастает на вечных корнях из исторической живой христианской, церковной жизни. Поэтому-то живое христианство чуждо крайностей и односторонности, не приводит к диким выводам, утверждающим, что у человека нет отца и матери, ибо жизнь говорит, что они на самом деле есть. Поэтому-то живое церковное христианство, повелевая и к врагу, раненому или нуждающемуся, относиться с любовью и вниманием, по примеру евангельского самарянина, далеко от мысли, что это обозначает требование не любить особо любовью своих близких, родных, в частности, и теперь – наших родных братьев-воинов. Церковь имеет пред собою Христа, Который «бе повинуюся» родителям Своим, мнимому отцу Иосифу и Пречистой Матери, – Своим близким, а не дальним. Церковь имеет пред собою Христа, возлюбившего любовью Учителя и Друга Своих учеников, но выделившего особо любимого Иоанна. Церковь имеет пред собою Христа, Который, умирая на Кресте за всех людей и за спасение всего мира, с любовью взирал на Мать и заботился об упокоении дней Ее жизни и старости. Церковь имеет пред собою понимание учения Христа Его ближайшими учениками-апостолами. У них читаем: «Доколе есть время, будем делать добро всем, а нау-

паче своим по вере» (Гал. 5, 10). «Если же кто о своих, и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5, 8).

Мало вам наставлений слова Божия? Поучитесь тогда у здорового разума и здоровой природы!

Спросите ученого философа и психолога, спросите, как растет и развивается в человеке познание, и он вам скажет, что оно идет от близкого к отдаленному, от предмета видимого к отвлечению, от дома, двора, улицы, селения, города и окрестностей его – к познанию всего мира.

Спросите педагога, как надобно учить ребенка, и он ответит вам: от известного к неизвестному, от понятного к непонятному, от близкого к отдаленному.

Как же надобно идти и в развитии чувства, и в частности – чувства любви? От матери и отца – к семейным, к родным, к знакомым и отсюда уже – ко всем людям. Кто не может поднять пяти фунтов по бессилию, как может поднять пять пудов? Кто холоден к тем, кого любить подсказывает сама природа, как может любить своих врагов или вообще дальних, когда для проявления любви к ним надобно возвыситься и восторжествовать над темными силами и злыми влечениями испорченной грехом природы?

Не потому ли и Толстому казалось диким и невозможным принять заповедь Евангелия о любви к врагам?

Но, не насилуя природы, а возводя то, что в ней есть греховного, к очищению и просветлению, Церковь Православная в любви к близким, родным, братьям, к единоплеменникам, к Родине создает и открывает для нас школу той возвышенной

любви, пример которой показал нам милосердный самарянин. Забывают еще, что под этим самарянином Иисус Христос изобразил Себя Самого и принесенный Им Новый Завет, под человеком, впадшим в руки разбойников, израненным и едва живым, Он изобразил все человечество, грехом и диаволом духовно обессиленное, а под священником и левитом – бессилие Ветхого Завета дать силы для победы над искушающим злом.

Итак, отдайтесь, отдайтесь, возлюбленные, влечению сердца, горящего благодарною любовью к нашим дорогим, родным воинам, увенчавшим славою своих подвигов наш родной народ. Вот идут они бесстрашно под огнем врага; вот переходят они через реку вброд в зимнюю стужу, среди несущихся льдин; вот погружаются они бестрепетно в волны холодного моря, в пучину-могилу, а над ними, сверху тонущего корабля, стоит в ризах и с крестом пастырь, вечной памяти отец Антоний, отказавшийся сесть в поданную лодку, уступивший свое место другому и скрывшийся последним с молитвою благословения в морской пучине.

Молитвою помянем умерших – и пойдем на помощь воинам, и раненым, и здравствующим: помогать им, любить их особою любовью – это голос сердца, это вопль совести, это веление долга, это призыв евангельского милосердного самарянина!

СВЯТОЙ ВОЖДЬ¹

Шестьсот пятьдесят лет тому назад, в глухую осень, в местечке Городце в эти последние дни ноября месяца умирал святой русский князь Александр Невский. Стояла грязь, томила стужа; ненастная осень, на переходе уже к зиме, захватила князя на дороге из Орды во Владимир. Много он ездил на своем веку: был за десяток тысяч верст в далекой Монголии; много раз путешествовал в Орду на поклон к ханам-поработителям Русской земли; перекидывался на север и запад воевать со шведами и немцами далеко на самой Неве – всегда то пешком, то верхом на коне.

Было ему всего 43 года от роду; прекрасен он был лицом, как Ангел Божий, высок и статен, могуч, искусен в бою, мудрый, как Соломон, мужественный, как Давид. Любовались им и радовались на него русские люди. Но непосильные труды, целожизненный подвиг, огорчения и страдания за Церковь и Родину надломили могучее здоровье князя, и он в пути занемог тяжело. Он не мог не видеть, что жизнь его вся ушла в дело, а дело жизни не выполнено: Русь раздроблена и унижена татарами и впереди не виделось просвета скорого освобождения. Но один был просвет в его жизни: там, где он мудрым прозрением, может быть, вопреки убеждениям окружающих и близких сотрудников, видел самую грозную опасность, он отбил от врагов – отбил от немцев, от их натиска на русскую душу, которую они захотели отвести от Православия, и на Русскую землю, которую они

¹ Сказано 23 ноября 1914 г. в день памяти святого князя Александра Невского.

хотели отнять и онемечить, как онемечили славянские земли на тысячу верст к западу, до самой реки Одры...

Но верный Богу во все дни свои, святой князь и в виду смерти – Богу предавал дело всей своей уходящей теперь жизни. Он исповедался, причастился, принял, по обычаю своего времени, схиму и ею как бы укрылся в эти минуты от всяких земных попечений, весь отдавшись богомыслию, молитве и созерцанию иного, открывающегося пред ним незримого мира. На деревянную лавку убогой храмины, покрытый схимою, молча, он возлег... умирать. Кругом стояли спутники и сподвижники, близкие и любящие, и не могли удержаться от слез. А князь, мужественный в трудах и боях, непоколебимый пред лицом смерти на полях брани, и теперь был тверд и крепок пред лицом смерти, неожиданной и преждевременной: настоящий православный и русский человек! Однако плач, слезы и стенания близких вторгались в торжественное и священное настроение его духа, и он сказал им великое слово: «Отойдите, и не тревожьте души моей жалостью». И скончался он богатырем, как и жил богатырем!

Дело его жизни перешло в наследие многим поколениям Русской земли многострадальной. История оправдала Александра Невского. Он унижался перед татарами, зная, что Русь погибла бы, если бы пошла прямо и открыто против страшной тогда силы татарской, но он знал вместе с тем, что духовной опасности для Руси в татарщине нет, что на веру, на эту душу народа, татары не покусятся, а если бы и покусились, то совершенно бесплодно: христианство всегда победит и язычество, и мусульманство, которое вскоре, через 50 лет после Александра Невского приняли татарские ханы. История оправдала мудрое

прозрение Александра Невского: «Теперь о татарской силе только в сказках слышать» – и о свержении ее, окончательном и победном, говорит наш храм Покровский и Василия Блаженного.

Князь Александр опасался народа христианского, опасался немцев. В этом отношении его дело не кончено, и нашему поколению суждено теперь с великим напряжением и с тяжкими трудами и жертвами доканчивать то, что начато, тоже с великими трудами и жертвами, святым благоверным князем.

Немцы грозили Православию. И теперь они вместо Православия желали бы навязать нам под всеми видами «немецкую веру». Она открывается в сектах; она получает сочувствие и передает его учащимся в наших средних и высших школах при изучении реформации в Германии. У нас принято изображать Лютера, этого грубого и сытого немца, монаха, задумавшего жениться и искавшего оправдания для своего плотоугодия, – принято изображать, как героя, духовного освободителя от папства. У нас принято думать, что протестантство – это высшая форма христианства, религия духа и свободы! Посмотрите теперь на немцев – посмотрите, что сделало с ними грубое, рассудочное и заносчивое, начавшее с бунта, протестантство! Посмотрите на духовность и свободу! Эта грубость, наглость, жестокость, безнравственность немцев во время войны – все это плоды влияния протестантства. Посмотрите, как эти культурные пасторы оказались без меры ниже скромного православного священника, который силою, присушею Православию, воспитал русский народ, теперь удивляющий весь мир своим благородным поведением на войне, своею кротостью и незлобием, и это в то вре-

мя, как немцы, от солдата до генерала, – немцы, в лице представителей общественной и государственной жизни, показали себя последователями и защитниками чисто животной, сатанинской злобы.

Теперь наступает время, когда русские образованные люди должны, наконец, рассмотреть безмерную духовную красоту Православия и освободиться от духовного пленения немцами!

Немцы во дни князя Александра хотели отнять у нас те западные области, которые тяготели к морю, были удобны для торговли и оказались единственно свободными от татарского нашествия. Не с дикими татарами немцы хотели воевать: они нападали на своих, то есть на христиан, на европейский народ; они хотели русских обратить в рабов, а области их сделать местом поселения своих немцев, захватив торговлю и прочие земные выгоды, – обратить в Германию.

А теперь? Когда мы говорим эти слова, маленькая славянская Сербия уже испытывает нашествие австрийского немца, и ей готовится участь Бельгии...

Дело святого князя возложено на плечи нашего поколения.

Да будет и у нас все упование наше на Бога! Наш долг – до самой смерти работать, бороться, отдаваться исполнению долга пред миром и славянством с полным забвением собственного благополучия. Отойдет, отпадет, поникнет и сила немецкая, как сгинула сила татарская! Лишь бы мы шли за святым нашим вождем, за благоверным князем Александром, в крепкой вере, в преданности Православию, в любви к Родине, в желании единения всех русских людей и в готовности на всякие жертвы.

Прочее все само приложится нам.

ДУХОВНОЕ ВСЕОРУЖИЕ¹

Апостол говорит нам о необходимости иметь всеоружие духовное (Еф. 6, 10–17). Читая эти призывы святого апостола, ясно видим, что он берет образы, сравнения из жизни воинской и применяет их к жизни духовной. Поэтому, разумеется, переживаемая война, постоянно волнующие нас военные вести, описание сражений – это время благоприятствует тому, чтобы мы яснее поняли и глубоко усвоили наставления апостола, ибо образы и сравнения его речи теперь нам особенно близки. Он говорит не о «брани против крови и плоти»; он понимает брань нашу против сатаны, против искушающего зла, живущего внутри нас и вне нас. Он призывает к бодрости, ревности, к воодушевлению, к готовности вести борьбу до конца.

Уже одно то обстоятельство, что апостол берет образы и сравнения из обстановки и жизни обыкновенной войны, из жизни воинов, говорит о том, что здесь косвенно пред нами признание апостолом воинского звания: иначе он не стал бы брать сравнений и подобий из этой области. Посему и мы воспользуемся наставлениями апостола для того, чтобы определить свое поведение именно во дни текущей брани, с ее тревогами, ужасами, скорбями, лишениями. Среди целого народа, среди огромного многомиллионного воинства – не все, конечно, люди одинаковы. Начав с воодушевления и мужества, некоторые из русских людей останавливаются на полпути, и в сердце их проникают уныние, усталость, малодушие. Начав с готовности довести борьбу до конца, они начинают сожалеть и вздыхать о принятом реше-

нии, и видя, какие жертвы требуются войною, сколько убитых, раненых, сколько слез и скорби, нищеты и разорения в семьях, они уже помышляют о скорейшем прекращении брани. Немецкий император Вильгельм, виновник этой страшной войны, как сообщают газеты в речи к своей армии выражает надежду на то, что среди русских скоро и неизбежно начнется именно такое унылое настроение, усталость, томление духа. «Мы победим, – говорит он, – потому что у нас нервы крепче, чем у русских». Иными словами сказать, – и он исповедует евангельское: «Претерпевый до конца той спасется» и уверен, что русский народ не достиг этой меры евангельского и христианского терпения.

Так ли это и так ли должно быть? Несомненно, в то единение и единокровие, которым началась настоящая война, некоторые злонамеренные люди желают внести разделение и смущение: они распространяют вздорные слухи о военных действиях и неудачах, о состоянии армии и ее лишениях, они грозят нам будущими неудачами, они готовы создавать страхи и ужасы, представляя силу врага; злонамеренные люди, как видно из действий правительства по отношению к ним, прибегают к обычным приемам преступной деятельности для того, чтобы произвести в государстве смуту и недовольство: выпускают тайно различные воззвания к войскам и народу, призывая к прекращению войны. Наконец, в области религии предатели Православия, последователи немецкой веры, различные сектанты, главным образом, баптисты и адвентисты, которые являются сознательными или бессознательными слугами немцев, хитро, двулично действуют в защиту наших врагов, даже молятся о Вильгельме, отводя русских людей, им доверившихся, от исполнения ими долга любви и преданности Родине.

¹ Поучение в Неделю 27-ю по Пятидесятнице, 30 ноября 1914 г.

И все-таки в утешение мы можем сказать, что все эти лица составляют буквально незначительные единицы и совершенно исчезают в том великом и глубоком океане народного русского воодушевления, которого не всколебать ни малодушным, ни злонамеренным людям, ни трусам, ни злодеям и изменникам. Если бы о них не сообщали в газетах, мы бы об их существовании даже не знали: так их в сущности мало.

Итак, применим к настоящему положению нашему и к переживаемым настроениям апостольские уроки.

Укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его: верьте и ведайте, что только вера в Бога, смиренное покаяние, постоянная молитва, преданность Его воле, готовность принять от Его руки все, что Он ниспосылает, исполнение долга во имя послушания Богу – только это религиозное настроение и воодушевление приведут наш народ к победе. Прочие мирские побуждения, как гордыня, ненависть, алчность, славолубие, патриотизм невоцерковленный – не устоят пред испытаниями, и немецкий Навуходносор – Вильгельм первый это покажет на себе и на своем народе: именно немцы теперь накануне потери терпения и равновесия душевного.

Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы нам можно было стать противу козней диавольских: верьте и ведайте, что впереди за победоносною войной стоит величие Православия и Церкви Божией, изведение миллионов русских людей из насильственной унии, из лукавых пут еретичества, освобождение православных и других христиан в Турции от постоянных насилий и оскорблений их веры. Не может сатана остаться в покое пред этою грядущею силой Христовой, и он испустит весь свой

яд, употребит все козни, чтобы поселить среди нас, освободителей страждущих, – уныние, сомнения, раздоры, взаимную рознь и непонимание. Единением веры и послушанием богоданной власти отразим и разрушим его гибельные козни.

Примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять: много было и много еще впереди лютых дней брани, когда будут раздаваться смертные громы сражений, когда будет литься кровь, когда в грязь, в дождь, мороз и стужу, далеко на передовых позициях, в голоде и жажде наши воины будут грудью встречать и отражать врага, когда и наши сердца будут истаявать от жалости и горя за павших и страдающих братьев. Вот когда нужно всеоружие терпения, всеоружие настойчивости, всеоружие заповеди: «тверди бывайте, непоступливы»; «стойте в вере, бодрствуйте, мужайтесь, укрепляйтесь!» Вот когда будет испытание духа нашего: велик ли он или мал, способны ли мы что-либо великое совершить, все перетерпеть, или годны только в рабство врагу и насильнику...

Станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню правды: верим и ведаем, что брань наша есть брань правды, брань вынужденная, что мы не искали себя и не ищем ничего, что мы не прибегали к подкупам и наущениям германских подданных и рабочих, не толкали их на преступления и забастовки, как это делал без стыда и совести германский император чрез своего посла среди рабочих в наших столицах; правдою ведомые, мы хотим только торжества истины в мире, а с другой стороны, и сами мы не нуждаемся в том, чтобы нас ублаживали и успокаивали лживыми известиями о легких и великих

победах, как это видим у немцев, – но способны, но готовы мы узнать всякую истину, самую горькую правду, ибо в том – признак величия души и отдельного человека, и целого народа.

Обув ноги в готовность благовествовать мир... О, мира вожделенного, мира прочного, мира *достойного* жаждем мы – но не по трусости и слабости, которые могут только надмевать наших врагов, ищущих злобы, и тем без конца породят и продолжать взаимное озлобление! Мир прочный, мир *достойный* может быть только тогда, когда достигнуты будут задачи войны, иначе война, по-видимому, и прекратившись, все-таки останется в скрытом состоянии, и пожар ее всегда легко может снова вспыхнуть и разгореться. И если, как оказалось, Господь теперь избрал именно русский народ для низложения тевтонской ярости и гордости, для наказания всемирного насильника Вильгельма – то может ли народ наш отказаться от своего высшего предназначения быть орудием в руках Господа для исполнения воли Его в мировых судьбах человечества?

А паче всего возьмите щит веры: без веры в Бога, без веры в добро и торжество его в мире, без веры в свое назначение, в свою правду, в свое право и силу мы не можем свершить своего мирового призвания. Прочь всякий вид малодушия, прочь всякое уныние: отойди от меня, сатана, ты творишь не то, что Божие! – так мы должны сказать всякому искушителю, который, под видом христианской ли любви или миролюбия, или жалости, или негодования при виде ужасов войны, или блага народного будет поселять в нас сомнения и колебания!

И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть глагол Божий... Глагол Божий гласит о повиновении вла-

сти Царя Богоданного, о служении Родине до крови и смерти, о том, что больше сей любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя. Спасение же уготовано тому, кто знает и исполнит обетование: претерпевый до конца, той *спасется*.

«Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом», – так заключает апостол свои наставления (Еф. 6, 18).

Помолимся же и будем молиться непрестанно о Царе, о России, о воинстве, о победе над врагом, о нашем народе, ныне пребывающем в непрерывном напряжении несказанного подвига, – и о нас самих, да будут бодры и без смущения наши души, да будут мужественны и непоколебимы наши сердца, да будут посрамлены козни диавольские и всякие попытки смутить нас в сию тяжелую годину. Облекитесь во всеоружие Божие, во всеоружие духовное!

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его: яко исчезает дым – да исчезнут!

МИР НА ЗЕМЛЕ¹

*Слава в вышних Богу,
и на земли мир...*

Но какой же мир на земле, если пылают города и селения, миллионы людей разорены, сотни тысяч убиты и ранены, храмы разрушены, если кровь льется в невиданной по размерам и числу бойцов войне, если десятки народов, и притом христианских, самых образованных, самых сильных и многочисленных, вовлечены в войну? Мир ли на земле? И если его нет, то что же значит это возвешение Ангелов в час рождения в Вифлееме Богочеловека?

Обыкновенно в жизни наблюдается явление – чем выше какой-либо предмет, чем больше в нем нуждаются и чем выше его ценят, тем больше и охотнее его подделывают и подменяют. То, что бывает с обыкновенными вещественными ценностями, повторяется еще в большей степени с ценностями духовными. Что выше любви? А между тем нет понятия, нет слова, нет чувства, которое бы более исказалось людьми, более было бы опошлено и затаскано... Что выше мира? Его, действительно, возвестили Ангелы в день рождения Спасителя, его завещал и Сам Спаситель в минуту прощания с учениками: мир *Мой* оставляю вам, мир *Мой* даю вам...

Слышите ли: мир *Мой*, а не чей-либо другой оставил Господь, и потом же Он прибавил: не так, как мир дает, Я даю вам (Ин. 14, 27)... Ибо мир и уступку в добре, и измену долгу ради

¹ Слово в праздник Рождества Христова 25 декабря 1914 г.

сохранения мирных отношений с людьми считает миром и высоко ценит, мир и Христа готов осудить за то, что Он позволил Себя распять, и внушил к Себе ненависть врагов; мир и мучеников готов назвать фанатиками, не сумевшими мирно ужиться с язычниками. Но это уж мир безнравственный; здесь не мир, а преступное попустительство злу или предательство под видом и наименованием мира!

Да, в нравственной области могут быть самые неожиданные сопоставления. Спаситель знал ведь, что Его поведут на смерть среди бушующей толпы, среди множества народа: Он Сам предсказал, что поведут Его на Голгофу, и поругаются над Ним, и заплуют Его, и убьют Его (Мк. 10, 33). А между тем, в час прощания с апостолами Он говорит им: «Наступает час, когда все вы разойдетесь каждый восвояси, и Мене единого оставите» (Ин. 16, 32). Так бывает одиночество среди многолюдства. Но «Я не один», – говорит тут же Спаситель, – «ибо Отец со Мною»: а в таком случае и в таком положении нет одиночества и в так называемом одиночестве. То же самое надо сказать и относительно мира. Можно иметь мир в душе и сердце посреди бушующей злобы, вражды, во время самой жестокой брани. Такой мир имели в душе мученики на кострах и Стефан, побиваемый камнями. И можно совсем не иметь мира в дни так называемого внешнего мира. Немецкий народ, правильнее сказать – его вожди, давно уже выдумали особое противоречивое само в себе выражение, определяющее настроение народов Европы: «вооруженный мир», который и привел теперь нас и, так сказать, пришел сам естественно к логическому и неизбежному концу в переживаемой теперь страшной войне. А что видим во дни Рождества Христова? Ирод мяташеся, смутися и вся Иерусалима

с ним, младенцы Вифлеема избиваются, глас в Раме слышан бысть, плач и рыдание и вопль мног, Рахиль как олицетворение всех матерей убиенных младенцев – Рахиль плачет о чадах своих и не хочет утешиться (Мф. 2, 18): все это ведь было не через две тысячи лет после Рождения Христа, когда, как можно думать и говорить, христиане отпали от христианства, а в самые первые дни после Рождения Богочеловека!..

И все-таки Христос есть мир наш (Евр. 2, 14), и мира Его нет предела (Ис. 9, 7). И все-таки мног мир у любящих Господа, и нет им преткновения на путях мира (Пс. 118, 165).

Ибо мир есть достояние духа, мир есть достояние совести, и если она примирена с Богом и с собою, то мир, превосходящий всякий ум (Флп. 4, 7), будет царствовать в душе нашей. Мир есть принадлежность того Царства Божия, о коем сказано, что оно есть правда и мир и радость о Духе Святом (Рим. 14, 17), но Самим Основателем этого Царства – Христом Воплотившимся сказано еще раньше и то, что оно – *внутри* нас есть (Лк. 17, 21). Христос же на то и воплотился и вочеловечился, на то и истощил Себя в Воплощении, и нас ради ныне пришел в Рождении, для того и прошел от Вифлеема до Голгофы, чтобы примирить нас с Богом, чтобы вражду убить Крестом Своим (Еф. 2, 16) и разорить средостение ограды между Богом и людьми (Еф. 2, 14), чтобы соделать нас из врагов сынами Божиими. Об этом мы и слышали ныне от апостола громоносную проповедь: Егда же прииде кончина лета – то есть когда пришла полнота времени – послал Бог Сына Своего, раждаемого от жены, бываема под законом, да подзаконныя искупит да всыновление приимем (Гал. 4, 4).

Мысли наши теперь, конечно, с воинами нашими, с нашими братьями. Не пение Ангелов и не повторение их слов, не благо-

лепие службы, не всенародные молитвы слышат они теперь, а гром орудий, треск пулеметов, взрывы бомб и злобные клики врагов. По всей вероятности, злобный враг не поступит так, как русские поступили под Перемышлем в день Рождества Христова, празднуемого там раньше, чем у нас, – прекратив обстрел крепости; враги не проявят уважения к нашему празднику, не пощадят настроения наших воинов и, может быть, именно надеясь на их настроение, естественно не располагающее к бою, будут сеять смерть и опустошение в рядах их.

И все же дай нам, Боже, сохранить мир в душе, который да владычествует в сердцах наших (2 Тим. 3, 15), не озлобиться, не забыть своего христианства, и узреть в скором будущем мир прочный между народами! Сам Господь мира да даст нам мир всегда во всем (2 Сол. 3, 16). Но мир – в условиях несовершенной человеческой жизни – дает война, дает победа...

Будем же и ныне, без смущения совести, молить и просить Милостивого Бога, Который есть и Бог воинств, да дарует Он победу воинству нашему, да сокрушит надменного и злобного врага, и да услышим мы скоро глас благовестников, возвещающих мир, и из глубины души – молитву мира душевного, внутреннего, сливающегося с миром и внешним.

Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение! Аминь.

ГОД ВЕЛИКИХ РАЗОЧАРОВАНИЙ И ВЕЛИКИХ УРОКОВ¹

Если бы в настоящее время, когда мы еще стоим, так сказать, на грани года старого и нового, нам задали вопрос о том, как можно охарактеризовать и назвать минувший год, то мы, не обвиняясь, сказали бы, что имя ему приличнее всего такое: год великих разочарований и великих уроков. И то, и другое принесла мировая война, свидетелями которой и участниками, в той или другой степени, все мы являемся.

Тяжкие, но вместе спасительные разочарования переживает русский народ, и особенно та часть его, от которой, естественно, зависит руководство жизнью народа, — разумею образованную часть общества, от которой зависит и так называемое всеильное «общественное мнение». Оно, действительно, всеильно, и не подчиниться ему способны только люди особого закала, особо сильного характера, люди самостоятельного ума, люди мужественные — и всегда за свое мужество страдающие. Тем большее значение имеет постигшее это образованное общество сильное разочарование.

Долго наше общество слепо преклонялось пред внешней европейской культурой; оно не видело в ней ни пятна, ни порока, оно клеймило всякого, кто осмелился бы в этой культуре указать недостатки, именем отсталого, обскуранта, невежды. Сло-

во предупредительной и благожелательной любви, с которым обращалась Церковь к этим идолопоклонникам культуры — слово апостола: «Вся испытующе, добрая держите», все испытывайте, а держитесь только доброго (1 Сол. 5, 21), они отвергали с негодованием. Они находили в христианстве недостатки, они в Православии видели тьму и кривду, они во всякой религии открывали изъяны и противоречия — но только не в европейской культуре: к ней они относились буквально с благоговением религиозным, ибо в сущности они *верили* в культуру, и вера эта была их религией. И утверждали все с непоколебимым убеждением, что не Церковь, не религия, не христианство, а именно европейская культура способна дать духовные основы жизни — право, общественность, просвещение, культура может облагородить душу и сердце, преобразовать жизнь народов, ввести начала любви, именуемой по-новому альтруизмом и гуманностью, мир, братство, равенство, свободу...

И вот теперь война показала обратную сторону такой чисто внешней культуры, когда она освобождена от культа — от христианского и правого богопочтения. Немцы обратили ее в орудие такой жестокости, так цинично-откровенно объявили, что в войне не должно быть ничего христианского (это буквально слова Вальдерзее, немецкого генерала), ничего жалостливого, так на деле показали, что они не считаются, а смеются и издеваются над всяким правом, верят только в грубую физическую силу человека, тысячекратно увеличенную машинами, орудиями, культурными изобретениями различных способов истребления людей, — и притом все это проявили так неожиданно и столь решительно, что у всех идолопоклонников европейской куль-

¹ Речь на общем собрании Братства Воскресения Христова в Москве 4 января 1915 г.

туры, можно сказать, остановились глаза и сердце перестало биться от изумления. И все увидели, что одна культура внешняя без культа, без богопочтения, без духовной религиозной основы есть та же звериная философия, та же животность, как и грубая бескультурность, с тою только разницею, что последняя прямее, искреннее, как чуждая лицемерия, двойственности и громких фраз, прикрывающих обман и вводящих в заблуждение доверчивых людей.

Долго русское образованное общество верило в так называемую автономную нравственность, отрешенную от религии. Из стран немецких заимствовало оно фразу о «категорическом императиве», о том, что «кто может, тот и должен»; долго оно верило в долг нравственный, независимый в своем содержании от религии, а освещаемый только сознанием культурного человека и его мирозерцанием; долго оно повторяло мысль о том, что догматические истины, вероисповедания и Церкви только разделяют людей, а нравственные истины, будто бы общие для всех, напротив, соединяют людей между собою. Долго оно жило убеждением, что нам нет никакого дела до того, кто как верует и даже верует ли: довольно-де быть честным, нравственным, любящим, и в этом – все для человека и для общежития человеческого.

И вот теперь увидели эту автономную нравственность в лице полчищ средней Европы, в лице народа, давшего и философию о долге и «категорическом императиве», и ту «чувствительность речей», ту сентиментальность, вечно повторяющую слова о любви, по которой люди вдумчивые и опытные всегда безошибочно узнают людей, в действительности жестоких и

злых. Увидели мы прославленную гуманность и альтруизм, о котором раскричали немцы на весь мир, желая подменить понятием альтруизма и гуманности вековечное учение Евангелия о любви, покоящейся на вере в Бога-Любовь, Себя истощившего непреложно в подвиге любви и даже до Креста снисшедшего. В противовес этой Вечной, Несказанной и Бесконечной Любви немецкая мысль, после слащавого пиэтизма и философии Канта о долге, создала уродливое и отталкивающее ницшеанство, которое было прямым, естественным, логическим выводом всей безрелигиозной культуры, как человекообожания и человекопоклонения, то есть сначала сокрытого, а потом совершенно открытого язычества, живущего неистребимо и в немецкой мысли, и в немецкой жизни.

И – да будет снисхождение слову нашему – таким же прорывом язычества в христианство был и тот протестантизм, пред которым столько веков преклонялось русское общество, почитая его особо высшею и одухотворенною формою христианства, истинным евангелизмом, истинною духовною религией. Исторически связанный с возрождением наук и искусств, на почве восстановления древнего языческого мира в области наук, искусств, литературы, воззрений государственных, религиозных и нравственных, чрез тех деятелей его, которые были предтечами и немецкого лютеранства (Эразм и Рейхлин), – протестантизм посему исторически же стоит в прямой связи с язычеством, прикрыв языческие основы жизни христианскими именами.

Теперь на полях брани протестантизм на половине тысячелетия своей жизни явило лицо свое. Культурный и образо-

ванный пастор оказался, как воспитатель народа и благовестник в слове, мысли и жизни начал Евангелия бесконечно ниже скромного православного священника, а православные славяне – русские и сербы – оказались по духу своему, по преданности христианским началам жизни, по мягкости любящего сердца бесконечно выше протестантов-немцев, которые явились не только в фактах и проявлениях воли, но, что неожиданнее всего для многих русских почитателей протестантства, – и в принципе и направлении мысли – настоящими зверями. Не забудьте, что протестантство дало анабаптизм и его дочь – демократию, дало английский деизм, деизм же, перешедший на континент Европы, родил атеизм, столь пышно расцветший в той же Германии; атеизм породил безбожную и наглую критику Евангелия и христианства – и тоже в Германии, в Тюбингене и Берлине свившую прочное себе гнездо. Атеизм потом, в связи с демократией на религиозной почве, породил демократию на почве политической и социальной, то есть демократию либеральную и социальную. Социализм же в своем развитии непременно впадет, и уже теперь впадает в противоположную крайность индивидуализма в общественном строе, то есть в анархизм. Так, атеизм в религиозной области, уже открыто объявленный социализмом (слова Бебеля-немца), и анархизм в области социальной (объявленный Максом Штирнером), – вот крайние выводы протестантизма. Не забудьте, что все наши русские секты, выродившиеся из протестантства, – баптизм, евангелизм (пашковщина), адвентизм, естественно носят на себе роковую печать протестантства и являются только этапами разрушения духовной жизни народов. А уж как наше об-

разованное общество боялось осудить сектантство! И теперь нет-нет и выступают в их защиту наши прогрессивные газеты...

Разве все это не есть перечень тех кумиров, которым последовательно поклонялось наше русское образованное общество, и даже до сего дня? И разве во всем этом не приходится теперь горько, но дай Бог – спасительно разочароваться?

Вот они, свободные политические учреждения Европы, воспитавшие, однако, нового мирового зверя, антихриста, не только Вильгельма, но целый немецкий народ! Вот они, плоды учения о том, что сущность жизни, по воззрению исторического материализма, составляют только экономические интересы и отношения, причем идеи религиозные, нравственные и правовые являются будто бы только изменяемой, временной идеологической надстройкой над экономическим фундаментом. Вот плоды воззрения на нравственность, не как на вечные и неизменные нормы поведения человека, ответственного пред Богом, а как не «соответствия всеобщему» (Лассаль) и на условное согласие с большинством, которое и есть собственно творец права и правды. Именно экономические интересы Германии – а экономические нужды ведь не имеют абсолютной меры, а зависят от потребностей человека, которые бесконечно разнообразятся, развиваются и вообще не знают предела, – экономические интересы и толкнули Германию на настоящую мировую войну, обратив жадные взоры немецкого народа на чужие земли, на чужие моря, на чужие торговые рынки...

Долго наше образованное общество повторяло слова и призывы к пролетариям всех стран, отвергая этим национальные и вероисповедные деления среди людей, государственные

и патриотические основы, поставляя идеалом своим учение немецкой социал-демократии с ее проповедью о «рабочем государстве», о социал-демократической республике. И вот теперь оказалось, что национальные и государственные устои живут, а пресловутая «борьба классов» совершенно исчезла из мысли и слова европейцев. Патриотизм оказался по-прежнему благороднейшей движущей силой народов. Государства оказались надежнейшими организациями жизни. Что же немецкая социал-демократия, вытравлявшая у наших рабочих патриотизм и национальное самосознание? Она что говорит и что делает в Германии? Народы должны были уничтожиться все, кроме немцев, которые только себя объявили именно народом избранным, призванным владеть всеми прочими народами, которым лучше всего иметь один исход – исчезнуть с лица земли: все это теперь проповедуют кто же? Немецкие социал-демократы!

Да, много разочарований принес минувший год за одно только полугодие войны!

Есть слово древнего мудреца: «Били меня, мне не было больно, толкали меня, я не чувствовал! Когда проснусь, опять буду искать того же» (Притч. 23, 35). Неужели и мы, неужели все русское общество будет так же нечувствительно и глухо к тем тяжким разочарованиям, которые оно пережило, и не делает их для себя спасительными? Иначе говоря, неужели мы не извлечем для себя из всего этого надлежащих, памятных, вразумительных и отражающихся в жизни уроков? А уроки эти так вняты всем и так видимы!

Не отвергая культуры, и притом европейской культуры, – будем, однако, помнить то, что сказал о ней один великий

ученый: культура Европы стоит и утверждается на двух ногах, одна из них – христианство, другая – наука. Если же мы забываем христианство, то одна внешняя культура, как бы она ни казалась привлекательной, по признанию нашего фанатически убежденного западника (А. Герцена), – для русского человека, переезжающего в Европу, ищущего там «святых чудес цивилизации», видима только своим верхним этажом здания, филигранным, ажурным, прекрасным, привлекательным: но для него, однако, скрыта на отдалении нижняя часть здания, представляющая собой... грязный хлев! Посему научимся дорожить и набожностью нашего народа, и его преданностью Святому Православию. Сатана преобразуется во образ ангела света, говорит апостол (2 Кор. 11, 14); поэтому научимся и осторожности, свойственной людям зрелого ума и возраста, и не станем, свое время презирая, преклоняться до самозабвения пред всем, что носит на себе имя и печать европейской культурности. Научимся уважать и свою культуру, выросшую на тысячелетнем историческом подвиге жизни русского народа, воспитанного и воспитываемого в укладе Православной Церкви. Научимся ценить и свое Православие, и Православную Церковь, ибо, как мы видели, Православие, как сила, создающая дух, нравственно воспитывающая и обновляющая жизнь, оказалось теперь пред лицом великого испытания безмерно выше, чем всякие новые формы христианства, далеко отошедшие и удалившиеся от истинной веры, как ее передали нам Христос и апостолы.

Уразумеем и то, что национальность, как условие жизни, есть Богом указанный путь, среда, средство для духовного раз-

вития народов, – и теперь, когда смерть за Родину во всех видах в каждый момент предстоит нашим воинам, – почтим патриотизм, над которым еще столь недавно так открыто издевались в нашем образованном обществе.

Придет, даст Бог, победа над врагом полная и окончательная; с ней придет мир достойный и прочный. Начнется прерванное мирное течение жизни нашего Отечества, во многих отношениях потребуется устроить ее на новых началах. Ах, как тягостно сознавать и видеть, что у многих уже теперь восстают недостойные счеты, назревают какие-то требования особых прав – и это только за исполнение долга, который в сущности является уделом всех детей Родины в настоящие минуты; в числе таковых мечтаний и требований представляются такие ожидания и надежды, что можно подумать, будто мы приносим жертвы кровью, напрягаем все духовные и материальные средства и силы, затем придем к победе... только ради расчленения России и унижения Православной Церкви...

Ясны впереди основы нашей жизни, как они указаны уроками войны: усилить надо религиозную жизнь, поднять внешне и внутренне Православную Церковь, поддержать сильную государственную власть, ибо без этого условия невозможно было бы и наше единение во время войны, и всенародная трезвость, явившаяся как бы чудесно, по манию Царя; поддержать надо русскую народность, ибо если она сильна, то в ней сильны и прочие племена, живущие в России, и наоборот: могучий орел на своих крыльях гораздо более способен взнести ввысь другие народности, чем орел слабый и подстреленный... Русский народ теперь эту тяжкою войною повторяет

свой прежний подвиг освобождения рабствующих племен: не ясно ли, что нам ожидать для них в будущем? Им – *равнение по России* есть великое благо, а возвышение над нею было бы, конечно, глубокою несправедливостью... И апостол глаголет о милосердии: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть» (2 Кор. 8, 13).

В жизни же Родины признаем и оценим превыше всего ее духовные, религиозные основы; не станем переоценивать, ценить выше, чем должно, условия земные, материальные, экономические: такая неправильная, повышенная оценка приводит неизбежно к социализму, к отрицанию государства, патриотизма – и к отрицанию значимости религии. Но будем помнить, что кто уважает и любит свою религию, свой народ, свое государство, только тот и может быть истинно веротерпимым в области веры и чуждым национальной исключительности и племенной ненависти в сфере жизни государственной. Что же касается облегчения условий внешней, земной жизни, то они – не в даровании политических реформ, при которых, как показывает наблюдение над немецким народом, уживается животная грубость, прикрытая внешним лоском культурности, уживается животная злоба, жадность, звериная жестокость и презрение ко всем людям чужого племени, – а в истинном попечении о духовных и житейских нуждах тех, кто является особенно обездоленным. Таковы, конечно, – русские крестьяне, мещане и рабочие, принесшие больше всего количественно жертв в настоящую войну и являющиеся наиболее нуждающимися духовно и материально. Будем уповать, что эти величайшие их жертвы будут искуплены.

Почтить умерших славною смертью героев, мучеников за Родину, молить им прощение грехов и милость у Бога и дать лучшие условия мирной жизни живым – и прежде всего возвысить их духовно: вот о каких ближайших задачах будущего мы помышляем, мы молим Бога на пороге нового года для нашего Отечества, для православного русского народа.

Да приидет победа и мир; да приидет возвещенное Господом Иисусом в евангельском чтении новолетия лето Господне приятно и день избавления!

Благослови венец нового лета благодати Твоя, Господи!

У ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО¹

Прежде чем отправиться в армию галицийского фронта, я, с соизволения Верховного Главнокомандующего, данного Им в ответ на телеграмму владыки-митрополита Московского, прибыл с письмами владыки и с иконою от Московского епархиального духовенства в ставку Его Императорского Высочества. По понятным причинам я не стану описывать ее местоположение. Скажу только о том впечатлении, которое производит она на вновь приезжего своею внутреннею жизнью.

Трудно представить себе более простую, истинно спартанскую обстановку, чем та, в которой приходится жить и работать Верховному Главнокомандующему и Его сотрудникам. Простота, спокойствие, деловитость, одушевление, уверенность в окончательном успехе великого дела – и над всем этим глубокая, спокойная, чисто русская религиозность с постоянною молитвой: вот как можно охарактеризовать настроение, что царит в этом центре и видимой, и невидимой огромной работы, к которому теперь прикованы взоры и внимание всего мира. Два раза, по воле Главнокомандующего, я был приглашен к общему столу всех Его соратников. И вот впечатление: самая скромная трапеза, молчаливое настроение, самое незначительное время для еды... Точно в трапезной монастыря! Все заняты, у всех большое дело, к которому надо спешить.

¹ По поводу представления Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Константиновичу с подарками для армии от духовенства Московской епархии в январе 1915 г.

Вопреки проникшим в печать сведениям, вид у Его Высочества необыкновенно бодрый, а работоспособность удивительная и для молодого возраста. Такую же работоспособностью поражает и начальник Его штаба генерал Н. Н. Янушкевич. Представители союзных армий, проживающие в ставке Главнокомандующего, совершенно вошли в общую колею жизни, – настолько вошли, что посещают даже наше православное богослужение!

Военному протопресвитеру, совершающему здесь богослужение, в эту войну выпало на долю столько труда, что только его молодости, опыту, приобретенному в прошлую русско-японскую войну, и удивительной энергии можно справиться с такою непомерною тяжестью. И все-таки он бодр, оживлен, необычайно прост и доступен. Ему удалось объехать почти весь фронт нашей армии, объединить в работе до 1 800 священнослужителей, из которых больше половины явились из епархий, в войсках раньше не служили и, следовательно, нуждались в постоянном руководстве со стороны протопресвитера. Циркуляры его, не подлежащие, конечно, теперь оглашению, в будущем дадут богатый материал для того, чтобы судить о величии труда, взятого на себя православным духовенством и его высшим руководителем в армии.

Никаких деputationей к Великому Князю не допускается. Мне было сделано исключение во внимание к просьбе владыки митрополита, а главное, из чувства глубоко религиозного благоговения Великого Князя к посланным Ему в благословение святыням. При вручении иконы от Московского епархиального духовенства я сказал краткую речь, в которой, сославшись на слова апостола: «Ты злопостражди, яко добрый воин Иисуса Христа»

[2 Тим. 2, 3], – выразил мысль о том, что в христианском понимании звания воина мыслится прежде всего идея подвига и за ним – победы. Святой Георгий Победоносец, образ коего прислало Великому Князю Московское духовенство, представляет именно такого глубоко преданного Христу, готового на подвиг даже до смерти воина, победившего злобного дракона... Я высказал молитвенные благожелания Великому Князю, Архистратигу русского воинства, от лица всего духовенства старейшей в России епархии и осмелился здесь же передать Его Высочеству дар одного моего духовного сына, простого москвича, своими руками приготовившего для Его Высочества небольшую икону Ангела Хранителя.

Великий Князь отвечал словами благодарности и с чувством глубокой религиозной веры в помощь Божию высказал уверенность в торжестве русского оружия над врагом, неправедно вторгнувшимся в землю мирного и миролюбивого русского народа. Здесь же Он приказал дать телеграммы и владыке митрополиту – с выражением благодарности, и простому русскому человеку, пославшему от сердца дар Великому Князю: какая благородная простота!

Мне хочется в заключение сообщить и о том, какая высокая религиозность царит в ставке Верховного Главнокомандующего. В простой, очень просторной церкви – иконостас походной церкви Императора Александра I, бывшей с Государем во время Отечественной войны. Посредине храма – икона из Сергиевой Лавры – явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию, всегда, от лет глубокой древности, сопутствующая русскому воинству во всех походах. Богослужение *ежедневное*, с ежедневными же молебствиями о даровании победы. Хор не-

большой, удивительно спевшийся, с прекрасными голосами. Мне пришлось служить всенощную под воскресенье и сослужить на другой день отцу протопресвитеру. Церковь была совершенно переполнена воинами – и нужно было видеть эту молитву Верховного Полководца армии, Его штаба, генералитета, солдат и казаков, видеть эти поклоны, коленапреклонения, чтобы уразуметь, что дает силы этим людям бодро и с верой нести огромный, страшно ответственный труд в настоящую историческую минуту пред лицом Бога, пред лицом всего прошлого и будущего России! С благоговением подходили все ко святому кресту, и все, от Главнокомандующего до солдата, приняли листки «Русскому воину доброе слово – напутствие», присланные от Московского епархиального духовенства для армии.

Поистине укрепленный этими высшими и утешительными впечатлениями, я в тот же день отправился далее, поминая слова из Деяний Апостольских: «Иде в путь свой радуясь» [ср.: Деян. 8, 39].

ГЕНЕРАЛ Н. И. ИВАНОВ

Из ставки Верховного Главнокомандующего нужно было мне отправиться к генералу Н. И. Иванову. Я прибыл в место расположения его штаб-квартиры и очень скоро был принят генералом. Поднося ему икону от Московского митрополита и Московского епархиального духовенства, прежде чем получить от него указания касательно направления подарков и литературы для армии, я высказал генералу, покорителю Галиции, что он послужил великому историческому делу объединения всей Руси и уничтожения рабства Руси подъяремной, и тем стяжал себе благодарную любовь и уважение русского народа. «Мы верим, – говорил я ему, – что Господь в вашем лице воздвигает для России в этот исторический момент мужа в полном смысле благопотребного. Нам введома глубокая преданность ваша святому Православию, и в этом видим мы залог того, что в новоприсоединенном к России крае интересы Православия не будут обойдены и забыты. Икона святителя Николая, подносимая вам, именуется «Ревность на безумного Ария». Кроткий и милостивый святитель изображен на иконе грозным, ибо он охвачен был порывом ревности об истине Божией. Да будет сие символом и указанием того, что вы, которого все знают, как человека необычайно кроткого и доброго, в священном порыве ревности свершите и завершите то великое дело, которое вы столь блистательно начали и ведете». Генерал глубоко был тронут приветствием московского духовенства, с необычайною скромностью говорил о том, как мало еще сделано, как много надо смиряться пред Богом и молиться, и как много предстоит еще тру-

дов российскому воинству, и тут же телеграфно отвечал митрополиту Макарию и председателю комитета Московского епархиального духовенства по оказанию помощи воинам – епископу Модесту с выражением благодарности. Затем мне генерал быстро дал совершенно определенные и ясные указания: куда, в какие именно части воинские направить подарки и литературу, как их разделить между армиями и в какой пропорции, и вместе с тем снабдил меня всеми нужными полномочиями. Удивительно быстро даются и исполняются в канцелярии его всякие справки, выдаются пропуски, документы и проч.

И здесь, как и в ставке Верховного Главнокомандующего, поражает спартанская простота обстановки и работа. Служащих в штабе немного; общее настроение спокойное, ровное, деловитое. Вести о том, что внутри России все полно одушевления патриотизма, все молятся о любимой армии, – производят на всех бодрое впечатление.

Дождавшись вагонов с вещами, мы направились к границе, чтобы перегрузить вагоны и направить их в Галицию.

СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ¹

Великою славою почтила Церковь трех святителей, наименованных «вселенскими» – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. «Се свет мира миру светит, се земли соль землю услаждает, се древо жизни бессмертия плоды предлагает», – так изображаются в песни церковной их заслуги и деяния. «Что ми злато? Что ми богатство, и слава, и могущество? Дымове, расходящийся по воздуху! Вся да исчезнут, вся да преносит ветр: мне богатство едино многорачительно – учителей триоца витийствующая», – так благочестивый составитель канона в честь трех святителей выражает свое к ним благоговение. Довольно указать самую историю установления нынешнего праздника, чтобы видеть, как чтит святителей древность: верующие разделялись между собою спорами о том, какой святитель выше, и они все трое явились в сонном видении правящему Церковью епископу и повелели установить себе общее празднование в знаменование того, что они равны по заслугам своим в Царстве Божием (в 1084 году в Царьграде). Богослужение нынешнего праздника с необычайно вдохновенными и восторженными молениями – похвалами святителям – составлено во многих частях своих по образцу праздников самых великих. День нынешний на православном Востоке у православных греков есть день выдающийся, необычайно торжественный; это – праздник всех школ, всех ученых людей, это – особое торжество Церкви, радующейся тому, что Господь воздвиг для нее трех святителей, которые явились, как «основания благочестия»,

¹ В день трех святителей, 30 января 1915 г.

«Церкве утверждение», «река дарований духовных, наполнившаяся даже до разлития», «струи океановы», «прозрачныя бисеры, земная светила, светлоплодовитая древесина, строители благодати, Христа нашего уста, Троицы поборники, низложители ариевы, православных поборники, гусли Духа, шумящие громы, по дванадесятих – трие апостолы»...

За что им такие хвалы? Только ли за великие дарования ума и слова? Но, Боже! Сколько было и есть одаренных, талантливых и гениальных людей, которые, однако, не славятся в веках и родах в благодарной хвале Церкви, и даже более того, – Церковью осуждаются! Итак, за что же им хвалы?

За то, что славные святители не вынесли своих дарований для расхищения на распутья мира; за то, что они не торговали ими на торжище житейской суеты; за то, что они не продали их за чечевичную похлебку мирских утех, удовольствий, власти, богатства и славы. Все, что они имели – великий ум, все его дарования и познания, весь огонь сердца, все силы воли, все способности души – все, все они отдали Богу и Христу и водительству Святого Духа, *все посвятили Церкви*, для Церкви только жили, действовали, трудились, подвизались – и все три, много и глубоко страдая, в трудах неимоверных, в лишениях, в гонениях, ссылке, среди клеветы, в изгнании, при виде засилья зла, при виде ужасного торжества насилия над Церковью, при виде торжества заблуждений и ересей – однако не падали духом, не озлоблялись, не отвечали злом за зло, верили в истину, верили, что Церковь – столп истины, велика и превозможет! Самым делом они показали и завещали миру, что если кто хочет иметь самое лучшее приложение своих духовных дарований, если кто хочет служить самым великим, чистым, благороднейшим запро-

сам человеческого духа, если кто хочет посвятить себя добру, благу и счастью человечества: то всего этого он может достигнуть только в Церкви, чрез Церковь, в служении Церкви.

Здесь урок всем векам. Но бывают чрезвычайные обстоятельства и години, когда уроки эти становятся особенно очевидными и близкими сердцу. Давно ли было время, когда из Церкви бежало все даровитое и способное, ища... более обеспечивающего заработка, более материальных выгод, чем то может дать Церковь? Давно ли уверяли, что формы жизни церковные – не только в области жизни общественной, но и чисто религиозной – есть ненужный пережиток древности, совершенно не удовлетворяющий современных образованных людей?

И вдруг война, страшная война – даже безбожников сделала верующими; вдруг война показала, какое огромное значение имеет для нас и вера, и Церковь! В Государственной Думе заговорили столь выразительным языком молитвы и веры, что у нас, верующих, захватило дух от неожиданной радости. И еще, и главное – яснее ясного предстала теперь мысль о том, что Церковь в будущем, после великой войны, воссияет в новой славе, в новом свете, вырастет в огромную мировую силу, Православие наше воссияет во всей своей красе, как путь мирообновления, одухотворения жизни, как путь возрождения царств и народов...

Что же сотворим, братие?

Ах, что же иное, как не служение Церкви, что же иное, как не преданность ей, что же иное, как не решимость отдать ей на служение все, все, что есть драгоценнейшего в нашей жизни.

Великая, святая, спасительная, вечная, вселенская Церковь, Ты – Невеста Христова! Ты – живое Тело Христа! Ты –

Царство Божие! Ты – Божий виноградник! Ты – ковчег спасения в потоке и волнах грязи и страстей! Ты одна ведешь к Богу и вечности; ты одна даешь силы жить, силы радости, утешения, бодрости; ты одна осмысливаешь нашу жизнь, нашу деятельность, венчаешь ее венцом богообщения; ты одна приобщаешь народы, племена, царства, общества к мировому деланию, к мировому призванию, к неиссякающей силе, к неизживаемой жизни! В тебе одной и наше личное спасение, и спасение нашего православно-русского народа!

С Церковью – жизнь, без Церкви – смерть!

И если гениальнейшие сыны человечества, каких только оно видело в истории – как Василий, Григорий и Иоанн, в Церкви жили, в Церкви спасались и в Церкви только получили полное удовлетворение своего духа, – то нам, рядовым людям, уж не искать иных источников: все другие источники окажутся пустыми и безводными, кладенцы мира – сокрушенными.

К жизни в Церкви и с Церковью, к труду и подвигу жизни в Церкви и чрез Церковь зовите нас, великие, вселенские, блаженные святители Христовы. Аминь.

ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ НАРОДА¹

С начала святого поста Четыредесятницы мы совершаем еженедельные молебствия к Богу пред древними и чтимыми святынями нашего исторического собора о даровании победы нашему православному воинству. Мы приурочиваем эти молебствия ко дням поста и покаяния. Мы верим, что духовный подвиг народа, подвиг молитвы, покаяния и соединения со Христом в святейшем Таинстве Причащения, в этом Таинстве Таинств, склонит к нам милосердие Божие, укрепит наш дух, передастся самому воинству и соделает его чрез это воодушевленным, сильным помощью Божией и победоносным.

Не тщетны ли наши надежды? Не дерзновенны ли наши упования? Не вторгаемся ли мы с напоминаниями о войне, с молениями о победе в тихое великопостное настроение, в молитвенный подвиг, в таинственные глубины чувства покаянного умиления?

Так мы могли бы рассуждать, предаваясь сомнениям, если бы дело веры, молитвы и покаяния и общение со Христом совершались бы нами каждым в одиночку, а не в Церкви, которая есть живое Христово Тело, о котором святой апостол выразительно и образно проповедует: страдает ли один член тела, с ним страдают и прочие члены, славится ли один член тела, с

¹ Слово пред началом молебствий, совершаемых по четвергам в соборе святого Василия Блаженного, о даровании победы русскому воинству; сказано 12 февраля 1915 г.

ним радуются прочие члены. И вы, говорит он, все вместе – тело, а порознь – члены (1 Кор. 12, 26–27).

Так бы мы могли рассуждать, далее, в том случае, если бы духовная жизнь народа и отдельного человека была совершенно постороннею для всех остальных сторон жизни, если бы она совершалась и протекала совершенно независимо, отдельно, не отражалась бы на прочих интересах, запросах человека, не отражалась бы в его словах, настроениях и действиях. Но мы знаем, что, наоборот, духовная жизнь именно определяет собою все поведение человека, дает ему направление, воодушевляет нас решимостью, обогащает нас силами, более того, – главенствует над всею жизнью, и это замечается тем яснее и определеннее, чем важнее и выше дело, которому предан народ или человек, чем напряженнее в данное время его нравственное состояние. Нельзя уйти в говение, в подвиг, в молитву, забыв о том, что тысячи людей теперь убиты и убиваются на войне, что тысячи наших близких ранены и страдают, что семьи призванных на войну терпят лишения, что Родина в опасности, что пред каждым из нас стоит долг послужить благу и спасению родного народа, который для нас есть ближний из ближних! Иначе – это говение было бы не более, как проявлением огромного себялюбия...

Так могли бы мы, наконец, предаваться сомнениям и недоумениям относительно бесплодности наших молитв, покаяний и молений о победе в том только случае, если бы мы жили не народом, не обществом, не государством, а в диком состоянии бродяжничества, каждый вразброд и в одиночку, или если бы думали, что настроение народа, его духовный облик, его духовные стремления представляют нечто особое и отдельное от его

воинства. Но воинство наше есть любимое детище народа, детище и его тела, и его духа, так что нельзя себе никоим образом представить, что армия живет одною мыслью, а народ – совершенно другою. Воодушевление, вера в победу, жажда подвига, готовность на все жертвы в народе естественно и само собою передаются в армию, и это питает, возгревает, воспитывает ее дух, ее настроение и воодушевление.

Итак, спрашиваем: воинство наше есть детище какого народа – верующего или неверующего? Христианского или нехристианского? Одушевленного и вооруженного верою, молитвою, смирением, преданностью воле Божией, – или народа, застывшего в гордыне, самодовольстве и самонадеянности?

Думаем, двух ответов здесь быть не может. Думаем, что как родители, жены, дети, братья и сестры наших борцов на брани к ним небезучастны и не могут быть безучастны, и передают им свое настроение: так и весь народ находится в непрерывном общении духовном со своим воинством, и не может не находиться с ним в таком общении.

Вот почему в прошлом нашего народа мы замечаем трогательное явление: в самые тяжкие времена войн, от которых зависела жизнь России, вожди наших ополчений обращались прежде всякой человеческой силы к силе Божией, и прежде всяких поднимающих дух, но мирских речей – к словам молитв и песнопений, к таинственному единению человека с Богом, христианина со Христом!

Строитель нашего исторического собора пред великим боем у Казани налагает пост на воинов, призывает к говению и причащению Святых Таин и себя, и все войско: «Завтра, говорит он, все мы пьем общую чашу»... Димитрий Донской вы-

ступает в поход против Мамаю – но прежде совершает он молитвенный поход в Сергиеву Троицкую обитель, чтобы укрепить и вооружить себя молитвою... Иссяк ли этот дух в позднейшие времена? Пред Бородинским боем величайшая тишина царила в стане русских воинов: все молились, поисповедывались, причастились, надели чистое белье, как на смерть, и готовились к сражению, как к мученическому подвигу. В минувшую русско-японскую войну мы были свидетелями высокого религиозного воодушевления среди наших воинов, а в настоящую войну мы читаем многочисленные заявления офицеров и солдат о том, что в армии теперь «нет неверующих»...

Неужели все это настроение армии случайно и оторвано от народа? Но это бы обозначало, что солнце, которое освещает одну улицу города, – совсем другое, чем то солнце, которое светит на прочих улицах города, и светит совсем не с того неба...

Верно, братие, и всякого приятия достойно – верно слово пророка о том, что семя свято есть стояние царств человеческих (Ис. 6, 13), то есть что людьми праведными и благочестивыми, их святостью, молитвою, духовным подвигом и совершенством охраняются царства. Говение и молитва всего народа и есть обращение его в семя свято! Ибо что такое говение? Это, по самому словопроизводству от языка наших древнейших предков, есть молитва с жертвою¹, а по церковному учению и словопотреблению – это особо возвышенное духовное настроение человека-христианина, находящегося в непрестанном общении с Богом. В особых случаях, в отдельные моменты, в наивысшем

¹ Санскритское *go* – говор, речь, слово, особенно духовное, и *gu* – жертва, *gava* – жертвоприношение; ср. чешск.: *hověti* – заботиться, ухаживать; литовск. *gaveti*, латинск. (по словам Бругманна) *favere*...

напряжении, это есть «благоговение», которое на вершинах духовного подвижничества и в душах избранных обращается в сплошное, всеохватывающее настроение, как у Давида-пророка, в конце жизни, при созерцании им всех чудес Божией милости, явленных в его прошлом (Пс. 85, 2). На такой вершине подвига духовного древле митрополит всероссийский во время божественной службы, в час смерти великого воителя святого князя Александра Невского, умершего в далеком путешествии, вдруг возвестил народу, что зашло солнце земли русской и святого князя не стало... На такой вершине духовного подвига, в день Куликовской битвы, непрерывно стоял на молитве преподобный Сергей, духовными очами созерцал великое сражение, по именам называл, по именам поминал уже в заупокойной молитве падших бойцов...

Станем и мы в молитве за воинов, станем в покаянии и сокращении сердца. Мы немощны, мы далеки от высоты духа преподобного Сергия. Но преподобный стяжал его в Церкви; с Церковью и мы сольем свои моления, свой подвиг, и будем твердо уповать, что духовная связь, духовное влияние невидимо, но существенно, взаимно живет и действует между членами вечного живого тела, Христовой Церкви, что молитва наша пройдет небеса и услышана будет Саваофом, Господом сил и воинств, Богом брани правой и одушевленной святою верою! Аминь.

КРЕСТ¹

Крест воздвигаем и Кресту поклоняемся. Воздвигаем не только в день воспоминания его обретения в земле при царице Елене, когда весь мир христианский радовался, прияв эту святыню, но и в самой середине святого поста, по указанию Церкви, для поддержания постников и подвижников. Ибо Крест, по словам церковных песней, это есть древо тенистое, под которым изнемогающие от зноя труда, борьбы и подвига получают прохладу и облегчение; это – древо, улаждающее горькие воды пустыни поста и пустыни жизни; это – лествица, по которой восходим и поднимаемся от земли к небу; это – рога древнего жертвенника, за которые во дни ветхозаветные брались осужденные на смерть преступники, если успевали до казни добежать до него, и по законам человеческим и Божеским получали прощение и спасение от смерти. Недостанет нам времени исчислить все хвалы, все образы и подобия, которые приводятся в песнопениях церковных для уяснения того, какое значение, какой смысл, какое поучение и какое утешение дает и имеет Крест для верующего. Вернее всего сказать, – каждый из нас, сообразно своему особому настроению, состоянию и сообразно особенностям своего духа и сознания, особо и истолковывает в образах и подобиях тайну поучения Креста Господня.

Но священное знамение Креста выходит далеко за пределы поучения собственно во дни поста: здесь только частное приме-

¹ Слово в соборе святого Василия Блаженного на еженедельном молебствии о даровании победы русскому воинству [19 февраля 1915 г.].

нение его всехристианской и вселенской проповеди. Недаром даже Лютер, во всей болезненной неудержимости своего грубого, чисто немецкого отрицания и глумления над обрядностью, все-таки не посмел поднять руку на знамение Креста и оставил его как символ христианства.

Ныне мы переживаем скорбные дни, когда крестоношение Христа и христианина стоит особенно близко к душе нашей и несет нам единственное утешение, какое только дано нам с неба.

Под ношею крестною теперь вы, наши православные братья-воины! Злобный враг истощается в усилиях с трех сторон и одновременно, в союзе с турками, исконными врагами Креста Господня, теснить вас и истреблять всеми способами неслыханной и невиданной прежде жестокости, изобретательной на зло. Злобный враг не знает ни правды, ни закона, ни международных договоров, ни милосердия к раненым и пленным, ни чести, ни совести; он действует, как обезумевший зверь, вырвавшийся из клетки...

Привет вам, доблестные наши воины! С вами наша любовь, наши молитвы и наши попечения! И Крест Христов да будет вам утешением, отрадою и поддержкою в вашем тяжком подвиге. Крестоносец и Страдалец Христос близок всякому страдальцу. Крест Господа Иисуса стоит во главе всякого правого дела – в его глубочайших основах, часто совершенно незримых для обычного человеческого зрения. Посему не иное что, а Крест Христов защищает и отстаивает всякое воинство христолюбивое и сражающееся за правое дело. Потому-то оно и именуется крестоносным.

Под ношей крестною теперь вся Россия. Длится война, и не видно конца ее. Упорным и сильным оказался враг, сорок лет готовившийся к войне против нашего мирного народа. Как в оные библейские дни древних судей, его *соглядатаи* давно обошли землю русскую, под видом дружбы и соседства селились и жили в ней, и увидели, что «народ, живущий в ней, тих, покоен и миролюбив». «И возвратились они к братьям своим в Цору и Естаол, и сказали им братья их: с чем вы? Они сказали: встанем и пойдем на них; мы видели землю, она весьма хороша. А вы задумались! Не медлите пойти и взять в наследие ту землю» (Суд. 18, 7–10). И вот пришли враги-грабители – и сколько страданий принесли нам! Сколько слез, скорби, бедности, лишений, сколько сирот на Руси! Сколько искалеченных, израненных, на всю жизнь несчастных! Редкая семья не принесла и не несет кровавой жертвы на благо Отечеству, на защиту Родины!

Но Россия – страна Православная, народ наш – народ верующий во Христа. Будем смотреть и уповать на Крест Христов, и у Спасителя нашего, Великого Крестоносца и Подвигоположника, обретем силы нести и донести ниспосланный нам крест до конца, до граней и пределов, указанных Божественным Промыслом. Крест есть символ страдания, увенчанного победою: *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим.*

Твердо верим, что и за этим грозным временем, которое мы переживаем, за этими тяжкими днями, за этим подвигом крестоношения и распятия ожидает Россию великое будущее, воскресение к новой духовной мощи, к духовному пакибытию и обновлению.

«Молиться и не унывать» – вот что заповедал Спаситель Своим ученикам (Лк. 18, 1).

Будем же усердно молиться, и пусть Крест Господень послужит нам прибежищем в скорбях, утешением в подвиге, надеждою и упованием на светлое и радостное будущее! Аминь.

ДУХ УНЫНИЯ¹

В радости свершаем ныне наше моление: враг отражен, грозное нападение его, совершенно неожиданное, отбито, наши войска гонят его от пределов России... А начинали мы первое молебствие под какими настроениями и впечатлениями? Известия с войны говорили об отступлении наших воинов, о нападении врагов на опасные места границы русской с вражеской землей.

Теперь не то. Слава Богу, благодееющему нам! Но что бы было, если бы мы остались при первых наших впечатлениях? Что было бы, если бы мы отдались им всецело? Мы поступили бы, как ребенок, как неразумный человек, как больной душевно человек, который не может одолеть своих первых тяжелых настроений, который, если увидит на небе тучу, то вдруг падает духом и уверяет себя, что солнца уже никогда никто не увидит на небе...

Это и есть тот дух уныния, растерянности, страха, рабской покорности несчастью, о котором говорит нам, как о величайшем зле, великопостная молитва святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, – *уныния*... не даждь ми»... Это есть тот самый дух уныния, который обращает и отдельного человека, и целый народ в рабство и бессилие, и делает их настолько слабыми, что враги берут их голыми руками. Это тот опасный дух уныния, который неприметно передается от одного человека к другому, от народа и общества про-

¹ Слово в соборе святого Василия Блаженного на еженедельном молебствии о даровании победы русскому воинству [26 февраля 1915 г.].

ползает в армию и делает ее неспособной к борьбе. Это есть дух уныния, который более всего желательно произвести среди русского народа нашему врагу, вождю Германии – Вильгельму, и он на это средство надеется больше, чем на полчища своих воинов, на силу пушек, смертельных изобретений и орудий. Так он сам заявил недавно.

Откуда родится уныние? Где его источники и корни?

В общем, самый главный источник уныния есть маловерие, которое в сущности есть неверие в Бога... Ибо уповающий на Бога и живущий в Боге всегда знает, что Господь все управляет во благое, все содержит в руке Своей, все ведет к совершенству и счастью. Он знает, что и горести, и лишения, и тяжкие потери, и неудачи жизни Господь допускает для нашего же блага, для научения, испытания и воспитания.

Итак, может ли унывать великий народ хотя бы и в тяжкую годину? Но тогда именно он и не может быть назван великим, он перестает быть великим. Неверие и маловерие, говорит один ученый, есть тонкий лед через реку; отдельный человек иногда еще может пройти по нему, но целый народ – никогда! И мы утешены теперь тем, что русский народ в общем в переживаемые тяжкие дни отличается необыкновенной бодростью, преисполнен веры в Божественный Промысл, ведущий Россию к силе и славе.

Еще источник уныния – это неверие в добро... Мы знаем и должны знать, что только на время «путь нечестивых спееется», по слову пророка, что успехи зла всегда временны и непрочны, что в конце концов зло бьет само себя... И германский император безбожно, несправедливо, разбойнически напал на Бельгию; и

австрийский император так же нагло и бесчестно напал на Сербию. Оба союзника-немца ищут только удовлетворения своих хищных вожделений, своей ненасытной алчности. Целей достижения Царства Божьего у них нет, и посему рано или поздно их сила ослабеет непременно, мзда их последует, Божья кара их постигнет. Унывать – значит не верить в окончательное торжество Добра на земле, забывать всю историю человечества, которое на одном только торжестве христианства в мире ясно и убедительно показывает нам, что все силы зла не могли поколебать и уничтожить кроткой Церкви Христовой. Унывать – значит не верить оному слову: «Созижду Церковь Мою, *врата адова не одолеют ей*» [ср.: Мф. 16, 18].

Еще источник уныния – это неверие в собственные силы, в свою правду и в свое право. Не может погибнуть народ русский, который строил свою государственность великою верой, терпением, слезами, смирением и молитвою. Не напрасно Господь вызвал к бытию этот великий народ, и в одних только исторических и географических условиях его существования уже указал ему величайшее мировое положение. Не может погибнуть народ, имеющий на себе печать величайших промыслительных и мировых задач: принять истину неповрежденного православного христианства, сохранить ее в целостности и невредимо, развить на ней и в ней, как на вековечном духовном начале, всю свою жизнь, поведать о ней всей вселенной...

И что же случилось такого, что могло бы наводить на нас уныние?

Господь поборает нам. Народ наш переживает несказанный религиозный подъем. Доблестное воинство наше без

устали сражается и дает достойный отпор злым поработителям и насильникам, совершает чудеса храбрости и самоотвержения...

Будем уповать, что тяжкая война принесет нам прочный и долгий мир, даст России новую жизнь; будем помогать нашему воинству, переливая в него дух бодрости и крепости, и не станем питать единственного и самого верного союзника наших врагов – губительный дух уныния! Аминь.

УРОК ВОЙНЫ¹

Снова на молитве, невзирая на будний день, многочисленное собрание богомольцев. И снова мы читаем все более и более радостные и бодрящие вести о подвигах и успехах нашего христоролюбивого воинства. Да будет благодарение Господу воинств и правой брани, поборающему по нам и прославляющему оружие и дела Благочестивейшего Государя нашего.

Семя свято – стояние царств человеческих – глаголет Господь чрез пророка. Люди благочестивые, люди молитвенного подвига, люди, в скорбных обстоятельствах Родины не падающие духом, способные к терпению, возлагающие надежду на Бога и умоляющие Его о милости, так же служат спасению и возвеличению родного народа, как и люди непосредственного труда и подвига в государственном ли строительстве, в общественной ли работе, или в несении долга воинского. В этом великое утешение для сынов Родины, горячо ее любящих, но лишенных возможности на месте самым делом послужить теперь нашему воинству на полях сражения. И наоборот, нечестие, неверие, пороки, холодность молитвы, забвение общецерковного единения – все это грозит Отечеству не менее, даже более, чем внешние враги. Вспоминается буйный, пьяный и развратный Вавилон. Крепки были его стены; надежны укрепления; испытанное в воинском искусстве войско защищало его, имея безопасное убежище за крепостными сооружениями. Не страшны были враги, окружившие город. Пирует беспечно царь Вавилонский; льется вино; раздаются бесстыдные песни... Скоро дошло и до

богохульства: царь потребовал сосуды богослужебные, взятые из храма Иерусалимского; слышится глумление над Богом Единым, Истинным и Верным. И вдруг невидимая рука написала на стене роковые слова: мене, текел, фарес – исчислил, взвесил, разделил... Святой пророк истолковал царю страшный смысл сих слов, и Вавилон пал в эту самую ночь под ударами врага.

Будем мужественны в признании и нашего греха; скажем это горькое слово: было за что Господу наказывать и наказать нас. Но война с сильным врагом, как древле ниневитян, и нас – весь народ наш обратила к покаянию. Храмы переполнены богомольцами; говеющих – множество; слышатся всюду молитвы; в часовнях нашей Первопрестольной пред чтимыми иконами пылают свечи – это жертва усердия верующих и ревностных сынов Церкви; жертвы на больных и раненых идут в изобилии; трезвенный подвиг народа удивляет мир.

И Господь склонил милосердие Свое к нам, и среди тягчайших условий брани для нас, при благоприятных условиях войны для наших врагов, готовившихся к своему разбойническому нападению на Россию сорок лет, – послал и посылает нам радости успеха.

Какой же урок нам? Какие напоминания?

Сохраним и усугубим наше молитвенное усердие, сохраним и усугубим религиозное воодушевление, пронесем его целым и до конца военных тревожных дней, и после них, чтобы и жизнь бранная, и жизнь мирная освещалась одним правилом: семя свято, люди благочестивые – вот твердая основа стояния царств и народов.

«Правда возвышает язык, а умяляют народ грехи» [ср.: Притч. 14, 34], – говорит Премудрый. Аминь.

¹ На еженедельном молебствии о даровании победы русскому воинству [5 марта 1915 г.].

ПУТИ ГОСПОДНИ¹

Сегодня заканчиваем мы наши еженедельные во дни святой Четырнадцатницы молебствия о благословении свыше и даровании победы нашему русскому воинству. Мы начали их на первой седмице поста среди грустных настроений и тревожных забот о будущем: то были дни жестокого натиска многочисленного врага на наши войска, стоявшие в Восточной Пруссии. А оканчиваем мы молебствия – сегодня, при отрадных вестях о полном отражении врага, об успехах союзного флота, подвигающегося к Цареграду, и, наконец, о взятии нашими войсками одной из величайших крепостей мира – Перемышля.

Слава Богу!

На молитве в храме и в заключение наших бесед не будем, однако, говорить о значении победы нашей собственно для самой войны и о влиянии ее на дальнейший ход военных действий. Это не наше дело, не дело служителей Церкви. Пред сознанием нашим, как верующих и православных людей, восстает иное – духовное, религиозное значение переживаемых нами событий. Не за целостность только нашего государства льется кровь наших воинов; не за честь свою только сражается армия: это было бы слишком узко, слишком, так сказать, по-человечески. Нет, народу нашему дано и теперь, как было дано и встарь, совершить великое дело в путях Божественного Промысла, в путях победного шествия не одного земного могущества русского

¹ Речь на еженедельном молебствии о даровании победы русскому воинству, совершенном в соборе святого Василия Блаженного; сказана 12 марта 1915 г. по поводу взятия крепости Перемышля.

народа и государства, а главное – хранимой и защищаемой им Божественной истины.

К древнему Царьграду приближается с севера русская сила, захватывая огромную область Малой Азии – страны, где поставили некогда святые апостолы свои престолы, где стопы великого апостола языков первоверховного Павла не раз проходили с благовещием Евангелия. Двенадцать веков идет там борьба с нахлынувшим из Аравии и Востока мусульманским миром. Двенадцать веков стонут христианские племена и народности под ударами агарян. Двенадцать веков христианский мир видит торжество ислама, и, к стыду нашему сказать, почти со времени окончательного торжества мусульманства, со дня падения Цареграда, христианские народы Запада в течение полтысячелетия то не могли, а больше всего просто не хотели дать помощь лежавшим на пути нашествия турок православным народностям в их борьбе против мусульманства. В этой борьбе пали *православная* Византия, *православная* Болгария, *православная* Черногория, *православная* Румыния, *православная* Грузия, в подчинении мусульманскому монгольскому игу лежала долго и *православная* Россия... Западные народы за помощь православным народностям в их борьбе с Турцией, занимавшим географически и исторически самые опасные, передовые места в этой борьбе, требовали того, чего не осмеливались добиваться окончательно и турки: измены Православии и унии с Римом. Потом, когда молитвою, слезами, потом и кровью возросла Россия и двести лет назад выступила на путь непрерывной борьбы с Турцией, постепенно освобождая православные народности из-под власти турок, – Западный

мир вступил на путь недостойной зависти к России и стал мешать ей всеми силами в исполнении ее великого дела. Неизбежный ход истории теперь обнаружил и показал их ошибки. Народы Европы, в Крымскую войну помогавшие Турции, и не подозревали, что, сохраняя Турцию и ослабляя Россию, они способствуют возрастанию ничтожной тогда Германии и предательски державшейся и тогда Австрии – способствуют тому, что германский мир, соединившись с тою же защищаемой ими Турцией, чрез полстолетия станет угрозой для существования европейских народов и для всесветного мира.

Ныне на наших глазах свершается великое дело: Турция видимо заканчивает свои дни, христианские народы Малой Азии получают свободу от рабства, грозное владычество ислама никнет и падает, Царьград возвращается к христианскому миру, Крест торжествует над полумесяцем – и в этом деле, как бы в покаянном подвиге за прошлые ошибки, идут христианские народы Европы, те самые, что в крымскую войну проходили на своих кораблях моря и проливы Турции в качестве ее союзников и защитников, – идут теперь, уже как союзники России, завершающей свой православно-народный исторический подвиг. Только будущему дано всецело и во всей глубине увидеть и оценить совершающиеся события. Мы, их современники, – в таком положении, как люди, живущие на земле и не замечающие вращения земли вокруг себя и вокруг солнца...

А на западе России со стороны германизма шла на русский народ та самая уния, которую крестоносцы и Рим предлагали и навязывали некогда угрозами, силою и обольщениями в Царьграде и православным грекам. Долее всех отстаивала Право-

славие на западе России епархия Перемышльская... Там кипела шестьсот лет борьба, там лилась кровь православных, там страдали православные иерархи, там увидел Божьим попущением окончательное торжество свое иезуит в союзе с австрийскими жандармами. Древние храмы православных обращены в костелы или отписаны в унию, древне-православный народ забит и запуган так, что и теперь, до падения Перемышля, не мог верить в свое освобождение от Австрии; на вопрос мой, как православного священника: «Униаты ли вы?» – галичане тех селений, где мне пришлось быть, боязливо оглядываются по сторонам, и один из них тихо говорит: «Да, были униаты, а теперь все пойдем в *благочестие*, то есть православие, но... но ведь в Перемышле еще – Австрия!»...

И вот 9 марта пал Перемышль, в Перемышле уже нет теперь Австрии, бывшая твердыня Православия, обратившаяся потом в твердыню унии, теперь возвращена к Православной России. Падение Кракова будет иметь политическое и военное значение, может быть, и большее, чем падение Перемышля, но религиозно-символическое значение торжества нашего в Перемышле, несомненно, является первостепенным и не затмится никакими дальнейшими успехами нашими в будущем. Это – торжество Православия!

Пред нами шествия Твои, Боже, и пути Твои, Господи! Пред нами великий подвиг, возложенный исторически и промыслительно на плечи русского народа.

Свершим его в *смирении* сердца, в горячей молитве, благоговей пред судьбами Божиими! Уразумеем, что великое священнодействие истории надо свершать чистыми руками и с

чистыми душами. Уразумеем, что подвиг духовный, домостроительство наше по Христу – вот вековечный заповедный путь жизни и истории нашего народа.

И паки, и паки будем молить Господа о даровании победы нашему воинству, о благовестии скоро грядущего славного и прочного, достойного мира нашему мирному народу.

Да свершатся пути Господни! Аминь.

КУСТОДИЯ¹

*Они же шедше утвердиша гроб,
знаменовавше камень с кустодиею.
Мф. 27, 66.*

Итак, гроб Иисуса закрыт, запечатан, Мертвец надежно укрыт в каменных недрах земли, а снаружи гроба поставлена кустодия. И изнутри, и извне все устроено так около гроба, что Мертвец не только мертв, но если бы и восстал, то выйти не может, не может быть даже взят и перенесен кем-либо на другое место. Враги Христа и ненавистники Его дела теперь могли совершенно успокоиться. На их стороне победа. Злое дело их восторжествовало. Дело Христово вместе с Ним, казалось, надежно и навек погребено теперь в земле и прияло удел всего земного – наследовало конец и тление.

И что же?

Пилат и члены синедриона действовали по попущению Божью и не подозревали о том, что чем дальше они идут в своей злобе и злобной предусмотрительности, тем с большим торжеством совершится воля Божия, тем больше будет иметь доказательности Воскресение Христово, тем больше будут посрамлены враги Его, тем больше будут у них отрезаны все пути к оправданию, к отступлению, к торжеству клеветы и к сокрытию истины.

Ибо гроб Иисуса оказался пустым, и об этом всенародно, здесь же, в том же самом Иерусалиме, пред живыми много-

¹ Слово в Великий Пяток, 20 марта 1915 г.

численными свидетелями распятия и смерти Христа всего чрез пятьдесят дней после Его погребения открыто возвещал в речи своей святой апостол Петр. Если бы он говорил неправду, его легко было бы уличить на месте. Но, несомненно, Тела Христова во гробе не оказалось, похитить его никто не мог, ибо около гроба стояла стража, а наивная ложь стражей – плод наущения врагов Христовых – сама себя выдавала: если стражи, как о том они рассказывали сами, спали, то как же они могли с уверенностью говорить, что тело Иисуса украли апостолы? Если спали, то ничего не видели, если же не спали, то почему не помешали похищению?

Так кустодия не помогла врагам Христовым. Напротив, она привела их к тем большему посрамлению, а дело Христово чрез это явилось во свете всемирной и вечной победы.

«Тело Христово», живое Тело, по образному учению и выражению апостола, есть Его Церковь (Еф. 1, 23). Она вечно пребывает в мире и пребудет до дня окончания жизни и истории мира. И с этим Телом Христовым повторялось не раз в истории, повторяется и теперь то самое, что было с Самим Христом. Над ним также ставилась кустодия, стоит кустодия и теперь в самых разнообразных видах и формах, но и судьба этой кустодии та же, что и кустодии Пилата и синедриона.

Древний языческий греко-римский мир во всеоружии всех культурных и государственных своих сил, с необычайною решительностью, настойчивостью и последовательностью поставил кустодию у Тела Христова, у Его Церкви. Не три дня, а триста лет стояла эта кустодия; она не спала, и сама уже не говорила, что спала; она действовала огнем, мечом, кровью, физическим и духовным принуждением. Что же видим? Она должна была

пасть пред светом Воскресшего Победителя смерти, признать свое бессилие и тем опять, вместо уничтожения христианству, доставила ему славу и признание чудесной силы и Божественного достоинства в истории.

Поднимались потом расколы и ереси в недрах самой Церкви, как плод и последствие привнесения в чистое учение христианства иудейских и языческих заблуждений или философских предвзятых и горделивых воззрений. Эта кустодия, связывавшая уж не внешние действия сынов Тела Христова, а самый их дух, запугивавшая не телесными озлоблениями, ссылками и смертью, а страхом оказаться отсталыми и глупыми пред лицом горделивой учености, вторгшейся, в качестве судии, в богооткровенное учение, – была еще тяжелее хранительной стражи Римского государства. Но и она послужила после многовековой борьбы к тому, что чрез новые триста лет, после окончания внешних гонений, христианское учение, учение Церкви, ее свидетельство об истине предстало миру в столь величественных изъяснениях человеческого слова, что пред ними умолкли попытки философствующего ума посмеиваться над мнимой простотою и наивностью исповедников веры.

Сам грех во всех воплощениях порока и страстей вторгся во внутреннюю жизнь членов Церкви и стал кустодиею над нею, желая убить в ней благодатное семя святости и добродетелей, – то, чем она славна в веках и родах, чем она благодетельствует миру и навеки обладает неудержимо привлекательною и притягательною силою для душ, ищущих святости, чистоты и правды. Эта кустодия нередко захватывала даже служителей Церкви, и мы знаем времена ужасающего нравственного падения самого клира, знаем времена безмерного падения силы и духа самого

церковного управления... Но всегда исполнялось слово апостола: где умножался грех, там изобиловала и благодать (Рим. 5, 20). В нашей отечественной истории, например, XVIII век был временем самого печального состояния церковного управления, над которым поставлена была кустодия во всех видах и угрозах, и прещений, и ссылок, и насилий, и поругания священных канонов, и пренебрежения к истине Православия, и запрещения благовестия Евангелия, и греха, и порока... Но именно в этот век и жили, и действовали, и возрастали святые Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Питирим Тамбовский, уже открыто теперь прославленные ныне в Церкви как святые, жили и другие, ожидающие еще такого прославления, по народной вере и указаниям Божественного Промысла: Иоанн Тобольский, Серафим [Софроний] Иркутский, Павел Тобольский, с особою силою испытывший на себе удары и прещения хранительной кустодии. И здесь – слава Церкви вместо уничтожения. Грехи и пороки погибли с шумом, а святость прославляется в мире.

Святой авва Дорофей пишет: «Кто совершит дело, угодное Богу, того непременно постигнет искушение, ибо всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение, да и то, что делается ради Бога, не может быть твердым, если не будет испытано искушением» (из слова 19-го). Вот руководительное слово утешения, отрада и бодрость и для каждого отдельного человека-христианина, и для всей Церкви.

Ибо стоит и ныне над миром христианским кустодия, и будет стоять, как спасительное искушение, попускаемое Богом для блага нашего и для духовного возрастания нашего – с од-

ной стороны, а с другой, – для славы Божией: да премножество силы будет именно *Божией*, а не от нас..., да не похвалится никакая плоть пред Богом (1 Кор. 27–29).

Там, на месте страданий Богочеловека и Его смерти, у гроба Его, много веков стоит кустодия мусульманская; турецкие фески, обнаженные мечи солдат и окрики часовых много веков пронзают болью сердце верующего богомольца, пришедшего в Святую Землю поклониться самому святому по воспоминаниям христианским месту на земле. Теперь рядом с феской турка стоит кустодия и каска немца. Немецкий император, еще так недавно, в качестве самозванного главы Церкви, кощунственно освящал в Иерусалиме христианский храм; теперь с непостижимою превратностью он объявлен и исконным покровителем мусульманского мира. Немецкий народ, некогда дававший благоговейных крестоносцев, воевавших против зловерных агарян, теперь в союзе с этими агарянами поставил пушки в Вифлееме, военный лагерь в Иерусалиме и военные укрепления с грохочущими орудиями в Назарете – в самых священных местах для христиан.

Над приобщением к лону Православия отторгнутых насилем в унию с Римом русских людей поставлена хранительная кустодия. Наука, или точнее лженаука, и доселе стоит кустодией над Церковью и объявляет религию вообще, христианство – в частности и в особенности, чем-то отсталым, каким-то пережитком, годным для невежественного простонародья, и этим запугивает слабые души, ищущие человеческого одобрения и похвалы делу Божию.

Государственность в христианских странах и донныне, и часто также стоит кустодией над Церковью; она нередко повто-

ряет Пилата, который рассматривал религиозное движение, им наблюдаемое, то есть Христа и Его дело, с точки зрения или скептика философа, осуждавшего всякое искание истины, или полицейского служителя, ставящего религиозное движение в уровень с уличными шествиями, требующими только внешнего полицейского порядка, или политического деятеля, рассматривающего религию с точки зрения только пользы государственной и совсем не считающегося с запросами человеческой религиозной совести. Эти деятели истину заменяют тактом, миролюбие смешивают с позорным предательством и нравственной беспринципностью, религию думают заменить статистикой.

И все-таки, какая бы и где бы ни стояла кустодия над Телом Христовым, все равно ее конец один: Воскреснет Бог, и расточатся врази Его!..

Ни синедрион и подобные членам его, первосвященникам и священникам, распинателям Христа, недостойные служители Церкви; ни Пилат и предстательствующие от Пилата гасители и могильщики Церкви, под видом забот о ней опустошающие ее жизнь или умывающие руки при виде издевательства над Церковью; ни Иуда и ему последовавшие предатели, продавшие первородство истины за блага мира сего, – никто и ничто не отнимет у Церкви как Тела Христова силы власти и влияния!

Да не смущается же сердце наше ни этою тяжкою войною народов, которая остановила всю жизнь мира и все привязала к одному интересу войны, ни видимым унижением и бессилием Церкви, ни многими несовершенствами в человеческой стороне ее жизни.

Вот грянула война против России – и сразу исчезает и исчезнет всякая кустодия над Церковью, сила и значение Православия всеми признаны, а потери от возможного только предполагаемого гонения на Православие или от пренебрежения к нему в полном смысле представляются невознаградимыми.

В крепкой вере в вечную силу Христа Господа подойдем к Его гробу, и узрим в Нем не тление и смерть, а залогом Воскресения... В крепкой вере и надежде повторять станем исповедание Церкви: Воскресни, Боже, суди земли, яко *Ты наследилши во всех языцех*; Воскресни, Боже, суди земли, яко *Ты царствуеши во веки*! С такою верою можно и жить, и трудиться, и наполнить смыслом все существование – можно разумно и духовно жить и свято умереть. Аминь.

МИР, ПОКОЙ, НАДЕЖДА И ЖИЗНЬ¹

*Сущу позде в день той, во едину
от суббот, и дверем затворенным,
идеже бяху ученицы Его собрани,
страха ради иудейска, прииде Иисус,
и ста посреде и глагола им: мир вам.
Ин. 20, 19.*

Кто не знает и не слышал этого священного повествования Евангелия, от которого веет такую тихую, благоговейно настраивающую простотою и вместе торжественностью? Сердце говорит нам, когда мы слушаем его, что оно могло быть записано только очевидцем-свидетелем!

Не раз в течение года возглашается оно в Церкви, но в вечер Пасхальный, среди всенародного множества, в праздничных огнях и светах, оно всегда звучит, как некая вечная новость, и будит мысль, и расширяет безгранично смысл повествования: от события определенного и исторического – явления Христа ученикам в день той, во едину от суббот, то есть в первый день после субботы, в день Воскресения, – переносит нас ко всему миру, ко всей его истории прошлой и будущей, ко всем местам, ко всем временам, ко всем людям...

Да, сущу позде, в поздний час истории согрешившего человечества, когда оно прошло до конца путь гордыни, самоволия

¹ Пасхальное слово.

и восстания на Божество, когда оно разочаровалось и в силе государственности, и в культуре, и в философии, и в искусстве, когда оно создало неисцелимые язвы общественной жизни в роде рабства и порабощения сотен племен и народностей, когда оно было в страхе смерти, в унынии и отчаянии, когда двери уж были заперты в ожидании гибели конечной, – прииде Иисус и стал посреде истории мира, ее центром живым и вечным, и первое слово Его, Воскресшего, было: *мир вам*. Оно и доньше, и до конца веков раздастся вслух человечества: *мир вам!*

Но что такое христианский мир? Два художника, – рассказывает один проповедник, – писали картину на одну и ту же тему: мир и покой. Один нарисовал тихое, мирное озеро, тихий и мягкий свет луны, лодку, стоящую и привязанную в неподвижной заводи, прибрежные деревья и кусты, склонившиеся и дремлющие над водой. Другой написал – грозу с молнией и дождем, бурную горную реку, с шумом низвергающую воды и с водою камни и щебень, согнувшееся под бурей дерево на берегу реки, а на вершине дерева – гнездо, где мать кормит своего птенца...

Где мир? – спрашивает проповедник. И отвечает: Первая картина изображает не покой, а безмолвие, неподвижность, вторая – истинный покой среди бури под рукою Божией. Такой мир и обещает Господь ученикам Своим.

Но где же его источники, где найти этот мир и почему не нашло его человечество до Христа, почему не находят его многие и доньше?

Он – в Воскресении Христовом, в одном только слове, в одной проповеди о Воскресении.

Не знал этого слова жизнерадостный, по-видимому, эллинский и римский мир, не сказало и не могло ему сказать о воскресении древнее язычество: и мир этот поник и кончил свою историю воплем отчаяния предсмертного.

Не знал и не знает этого слова буддизм, – это величайшее по силе и напряжению духа религиозно-философское устремление человеческой мысли среди самого одаренного народа: и печать смерти легла и лежит доселе над всеми исповедниками буддизма, над сотнями миллионов последователей мудрых и вдумчивых мыслителей, в тупом отчаянии стоящих пред фактом смерти и, в сущности, ее обоготворивших.

Не знал до конца этого слова ни древнееврейский мир, и поэтому все лучшее в нем, все живое, жизнеспособное, божественное и достойное принять богооткровенную истину ушло в христианство, где возгремело слово о Воскресении, а все прочее или кристаллизировалось в Талмуде или прошло в мусульманство и оставило вопрос о воскресении в баснях и гаданиях Талмуда и Корана, не дающих никакой отрады душе человеческой, ищущей ответов на мировые вопросы.

А эти вопросы неистребимы; их нельзя подавить или забыть, мимо них нельзя пройти человеческому сознанию.

Откуда и для чего смерть? Откуда и для чего зло в мире? Что такое чудо сознания человеком греха и святости? И откуда бедствия и страдания мира и человечества, и для чего они, и какой их исход?

Вот вопросы, на которые нужно иметь ответ, и на которые ответа не дали ни философствующая мысль, ни созданные человеком религии и религиозные системы. И отсюда глубокая и

постоянная неудовлетворенность человеческих исканий и переживаний духовных.

Христос Своею жизнью, учением, страданием и Воскресением разрешил эти болезни адовы души человеческой, разрубил эти путы смертные!

Апостол говорит, что смерть есть «последний враг» (1 Кор. 15, 26). Смерть смерти – вот завершение победоносной борьбы человечества. Если остается смерть, то к чему все эти усилия наши, страдания, труд, искания, наука, культура – все, чем движется, волнуется и живет человек? Чем мы умнее и вдумчивее, тем ближе мы тогда к отчаянию и полной апатии. Пишет один из корифеев нашей интеллигенции, типичный интеллигент, воплотивший в себе все положительные и отрицательные стороны особой русской интеллигентности; он пишет по поводу смерти выдающегося русского литературно-общественного деятеля: «Увы, – ни знание, ни ум, ни талант, ни заслуги – ничто не бессмертно в мире. Бессмертна одна смерть, и ее колоссальный победоносный образ гордо высится на престоле из костей человеческих и смеется над надеждами, любовью, стремлениями»¹. Куда идти после такого признания? Где найти убежище от отчаяния? Откуда почерпнуть силы для мира, покоя и жизни?

Но вот ныне смерть попорана смертью Христовой. Сбылось слово, написанное у пророка в Ветхом Завете и у апостола в Новом: побеждена смерть победою. Где твое, смерть, жало? Где твоя, ад, победа? И последний враг упразднен – смерть (1 Кор. 15, 54; ср.: Ис. 25, 8). В лице Иисуса Воскресшего человечество и удостоено бессмертия и оказалось, при милости Божией, сло-

¹ Письмо В. Г. Белинского к Боткину по поводу смерти Станкевича.

собно к воскресению и вечной жизни. Вечная жизнь открыта для верующих, и Христос говорит нам, унывающим при виде смерти близких и при мысли о смерти собственной, – говорит чрез апостола: не скорбите, как не имущие надежды, ибо знаем, что когда сей земной наш дом, хижина нашего тела разрушится, мы имеем уготованное жилище от Бога, дом нерукотворенный и вечный... Он говорит нам: иду уготовать место вам: да не смущается сердце ваше, в дому Отца Моего обителей много! (1 Сол. 4, 13; 2 Кор. 5, 1; Ин. 14, 1–2).

Но смерть есть оброк, подать, следствие *греха* (Рим. 6, 23). Кто не таит и не носит его в себе? Кого он не тяготит? Как хотели многие устранить и уничтожить самое понятие о грехе, как силились свести добродетель к знанию, а грех – к простому невежеству! Напрасно! Вечное чудо человеческого сознания с непостижимою легкостью устраняло все эти попытки отнять у человека отличие и достоинство человека и низвести его в разряд животных. И где же мир и покой, где отрада и воодушевление жизни, если царствует грех и с ним смерть? И если это зло, в каждом из нас живущее, не устранено, то как может быть устранено зло мировое, зло социальное и всякое иное, зло общечеловеческое? Как жалки все эти попытки уничтожить зло или просвещением ума, или государственными реформами, или политическими правами, или социальными переворотами! Разве все это может простить нам грех? Успокоить совесть? Оживить духовно? Не подделка ли это, не суррогат ли здоровой духовной пищи, которая состоит прежде всего в сознании прощения греха, в избавлении от ответственности пред Богом за зло, нами содеянное, в надежде на прощение и всякого греха,

который мы можем допустить по слабости воли, – и в радостной уверенности, что слабая воля наша восполнится в силе и получит укрепление от силы Божией?

Воскресший Один только и говорит нам об этом; говорит, что проповедано будет Евангелие Царствия Его, покаяния и отпущения грехов во всех языцех (Лк. 24, 47). Как мало у нас обращают внимания на эту психологическую сторону христианства, обусловившую и обусловливающую жизнь жизни всего мира! Мы прощены, мы искуплены, мы восстали духовно, мы – чада Божии: и тому доказательство, залог и удостоверение – Искупитель наш и Умерший за грех наш, и Воскресший, как Победитель греха и смерти!

И бедствующим, скорбящим, и борющимся за правду, и плачущим при виде торжества зла, плачущим за угнетение добра, христианства, Церкви – всем дает отраду и утешение, надежду и бодрость Тот, Кто отвалил камень от дверей гроба, Кто восстал в силе, Кто Воскрес во славе, Кто победил смерть, опустошил ад и вывел оттуда к свету тех, что жили в страданиях, но не теряли веру в грядущее искупление.

Оно, искупление наше, ныне свершилось, оно увенчано Воскресением, и Ангел, седяй на камени гробном, возвещает о Воскресении, и Сам Воскресший мирноносцам гласит: «Радуйтесь!», – а апостолам: «Мир вам». Это одно и то же: ибо мир дает радость, а радость не может быть без внутреннего мира.

Жизнь жительствоует! Христос отвалит камень от всех гробов..., от всякой скорби! Источники жизни неиссякаемы! Родники ее вечны для человечества в Воскресении Христовом. И сердце наше горит в нас, как у Луки и Клеопы, когда мы слышим о Вос-

кресении, горит решительно у каждого человека, и не напрасно потерявшие веру христиане в день Пасхи все-таки идут в храмы или тоскуют дома и пламенно желают вернуть былую веру и былые радости Пасхи, а не-христиане не могут относиться к празднику праздников христианских иначе, как с великим благоговением. Они бессознательно чувствуют всю его глубину, всю живоносность.

Сердце наше горит в нас – пусть же оно реально, истинно, светло и радостно обретет и встретит нашего Христа Воскресшего, наш Мир, Покой, Упование, наш Свет и нашу Жизнь! Христос Воскресе! Аминь.

БОГА БРАНЕЙ БЛАГОДАТЮ¹

Христос Воскресе!

Вы отвечаете: «Воистину Воскресе»... Откуда же вы знаете, что воистину Воскресе Христос?

Знаем об этом из Евангелия; знаем от Ангелов, от мироносиц, от апостолов, от Церкви; знаем из свидетельств всей истории всего мира; знаем из чудного, непостижимого голоса нашей души. Знаем от веры – а сегодня знаем и от неверия... Ибо апостол Фома именно своим первоначальным неверием, которое превратилось в столь горячую веру, убеждает нас в истинном Воскресении. «О преславного чудесе! – взывает Церковь, – неверие веру известную творит!».

В тяжкие дни тяжелой брани, которую Бог послал русскому народу, мы недавно, можно сказать, на днях, также видели свидетельство неверия в защиту и славу нашей веры в Воскресшего Господа. Турко-немцы захотели внести огонь, и меч, и смятение в беззащитные города нашего Черноморского побережья в самый первый день Светлой Пасхи. Лучшие их суда направились к русским берегам из Константинополя, пользуясь отсутствием нашего флота. В темную Пасхальную ночь они хотели стать на море у наиболее людных городов, и в самый священный и торжественный для верующих христиан миг, в полночь Пасхальной заутрени, когда храмы полны, когда на улицах праздничное оживление, – открыть убийственный и сокрушительный огонь из смертоносных орудий... Все готово было; орудия поставлены и

¹ Поучение в Неделю Фомину в церкви при Московском распределительном воинском пункте; сказано воинам 29 марта 1915 г.

подняты, снаряды вложены, люди на местах. Только ненависть ко Христу турок-мусульман и породнившихся с ними по духу немцев-лютеран, христиан по имени, но давно отвергших и Церковь, и Таинство, и священство, не знающих нашей пасхальной радости, – только ненависть ко Христу и Православию могла натолкнуть врагов на такой адский замысел.

Но не мимо сказано слово Божественного Писания: «Живый на небесах посмеется им, и Господь поругается им; упасет их жезлом железным; смирит всякую гордыню» [ср.: Пс. 2, 4–9]... Не мимо сказано слово: «Не обманывайтесь, – Бог поругаем не бывает!» [Гал. 6, 7]. Лучшие суда турок и немцев были вовремя встречены нашим флотом в море, и с позором, поспешно, даже не приняв боя, должны были уйти, а один крейсер, быстроходный и прекрасно вооруженный, в виду многолюднейшего города Одессы, уже приготовившись к разбойничьему нападению, вдруг наскочил на мину там, где менее всего ее ожидал, – там, где, как показалось врагам, только что прошли русские суда, – и погиб на очень мелком месте, так что легко остался как добыча в наших руках.

Воистину в устах наших теперь слово благодарности спасенного царя-пророка Давида: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его! Да скажут ныне боящиеся Господа: Он благ, ибо во век милость Его. Господь за меня; не утрашусь: что сделает мне человек? Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих! Они окружили меня, и именем Господним я сопротивлялся им; обступили меня, окружили меня, но именем Господним я низложил их; окружили меня, как пчелы сот, и угасли, как огонь в терновнике! Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу. Десница Господня

высока, десница Господня творит силу. Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны! О, Господи! спаси же! О, Господи, поспеши же! Бог Господь и осиял нас; вяжите вервями жертву, ведите к рогам жертвенника! Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его!» (Пс. 117).

Господь – сила моя и песнь; Он соделался моим спасением (Пс. 117, 14), – вот надежда и источник бодрости и для вас, наши дорогие братья-воины. Не только храбрыми, выносливыми и терпеливыми подобает вам быть: подобает вам быть набожными и верующими, какими действительно уже явили себя на войне наши войска, – и сила духа, а с нею и всякая иная сила пребудет к вам и соделает вас победоносными.

Вот что всего два-три дня говорил мне один офицер, мой духовный сын, прибывший временно по делам службы в Москву: «Батюшка, – говорил он мне, – я думал доселе, да и вы, конечно, думали, что я верующий человек, что я христианин, что я сын Церкви. Но когда я увидел наших солдат на войне, на позициях, во Львове, под Перемышлем и во многих других местах нашего военного расположения, – когда я увидел их веру, их религиозность, их горячие молитвы, преданность Богу, благоговение, с которым они жаждали приобщения Святых Таин и подходили ко святой Чаше, – то я стал прямо сгорать от стыда за себя, моя вера показалась мне столь слабой, сравнительно с этою народной верой, что я готов назвать ее неверием, оскорблением Христу, мое христианство показалось мне только христианством по имени. Я теперь только увидел и почувствовал, что такое настоящая вера и преданность Церкви. С такими воинами нельзя не быть победителями»...

Вот что пишет другой офицер к своей матери, пишет бывший невер, тоже захваченный чудесным действием веры русского солдата: «Скажу тебе новость, дорогая мама. Я не говел четыре года, как и ты хорошо сама знаешь, но вчера я исповедался и причастился. Почему я это сделал? Ты бы посмотрела, как наши солдаты с какой-то особенной порывистостью и радостью торопятся к священнику – исповедоваться и причащаться. Их вера захватила и меня, а лучше сказать, разбудила то, что дремало в душе».

А вот вам случай из жизни солдата, бывшего тоже неверующим. Я рассказываю его так, как о том напечатано в одном журнале¹, где указаны точно место, время, имена и фамилии упоминаемых лиц.

Сын крестьянина Новгородской губернии Тимофей с детства имел несчастье попасть в такую школу, где учителями оказались ярые безбожники и революционеры. Учился Тимофей очень хорошо, после начальной школы он хорошо окончил у своих учителей большую сельскохозяйственную школу и вышел в люди, получив хорошее место. После объявления войны с немцами он взят был на военную службу, прямо в действующую армию. Семья, из которой он происходил, была набожная и благочестивая. От деревни их церковь была в 7 верстах пути, но родители Тимофея и сам он в детстве всегда по праздникам пешком ходил в храм Божий, несмотря ни на какую погоду. Много плакали родители, когда стали замечать, что их сын, приезжая на лето из школы домой, сначала редко ходил в церковь, а потом не только совсем оставил молитву и посещение храма, но

¹ Кронштадтский Пастырь, № 6.

и стал говорить открыто безбожные речи, возмущать молодых людей, своих товарищей, стал среди них вожаком в неверии и всяких революционных выступлениях.

Поступил Тимофей потом на службу и там продолжал вести себя по-прежнему: вокруг него собирались слушатели, и он открыто глумился над верой в Бога, над иконами, постами, молитвами, поминовением усопших и т. п. Все это, по мнению Тимофея, было «хитрой выдумкой попов, без которой они умерли бы от голода».

Как говорил Тимофей, так и поступал. Умерли его отец и мать – он не стал поминать их. Нашлась подруга жизни – он не захотел было венчаться с нею в церкви, но на счастье она не согласилась на гражданский брак и потребовала благословения пастырского и Венчания Церковного. Пошли дети – Тимофей и не думал их воспитывать в вере и благочестии. Отправился он на войну. Пред праздником Рождества Христова вот какое письмо получает с войны от мужа жена Тимофея:

«Дорогая жена! Я *переродился*», – и дальше рассказывает, что заставило его переродиться. «Недавно, – так приблизительно рассказывает Тимофей, – со мною был такой случай: сидели мы четверо в окопе, я и три другие солдатика. Дело было под вечер. Развели огонь, скиптали чай, напились с имевшимися у нас сухариками и уснули в полной уверенности, что до утра никто нас не побеспокоит. Не помню, сколько времени мы спали, но во сне, буквально как наяву, приходит ко мне моя умершая 5 лет тому назад мать, сильно толкает меня в бок и говорит: «Иди отсюда прочь, безбожник, исправляйся, иначе ты погибнешь навеки». Объятый ужасом, я моментально проснулся, вскочил на ноги, схватил ружье и поспешил уйти. Убежал не потому только,

что боялся гибели, а потому, что на меня повлияло это видение матери, которую я никогда не только не поминал на молитве (да, впрочем, я давно уже не молился), а даже и в разговоре. И, о, ужас! Едва я отошел саженей на 30 от окопа, в котором спал, как в него, как раз на то место, где я лежал, падает ужасных размеров немецкий «чемодан», взрывается и, конечно, все смешивает с землею, так что и кусков-то не осталось бы от моего тела.

В этот момент я буквально окаменел, ружье из рук выпало, и я целые пять минут был без сознания. Когда я пришел в себя, то с моих умственных очей точно свалилась тяжелая мрачная пелена этой окружающей меня так долго духовной адской тьмы, и Господь, не желающий смерти заблудших тяжких грешников, к которым принадлежу и я, за молитвы святой матери нашей Церкви и моей умершей старушки-матери, вразумил меня. Среди ночной тишины, нарушаемой громохатом смертоносных орудий, я пал на колени и после 15-летнего своего заблуждения долго-долго молился Господу Богу и Его Пречистой Матери; я молился со слезами, исповедуясь в своем заблуждении, молился и за упокой своих родителей, в особенности родимой матушки, только что спасшей меня от явной смерти. Слезно прошу тебя, дорогая жена! Молись днем и ночью Господу Богу за меня, тяжкого грешника, а паче за упокой умерших родителей и сродников. Каждое воскресенье, не считаясь с погодой и с другими суетными обстоятельствами сей жизни, ходи в село Семеновщину в родной храм Божий и неопустительно каждый раз подавай просфоры о здравии и за упокой; а главное, воспитывай малых детей в страхе Божиим, чтобы они укреплялись телом, крепи и нравственно; когда возмужают, пусть будут крепко верующими христианами и истинными сынами Святой Православной Церк-

ви, без которой нигде нет спасения и утешения. А я буду свято и честно исполнять долг христоролюбивого воина, защищая святую веру нашу православную, Царя-Батюшку и вас от злокозненного коварного врага-немца до последнего своего издыхания».

Что вам прибавить к сказанному, дорогие воины? Вам снова, после ран и болезней, придется идти на брань, на труды, на подвиги. Вам снова предстоит опасности...

Идите с крепкою верою в Бога, идите с любовью к Господу Иисусу Христу, идите в желании принять за Отечество, за Родину, за ближних своих всякие страдания, отдать все самое дорогое, по образу Христа, нас возлюбившего даже до Креста и смерти. Идите с этим твердым и непобедимым: «Воистину Воскресе», с верою в то, что Победитель ада и смерти Христос Воскресший соделает и вас победителями врага, пошлет вам невидимо Свою помощь и сохранит вас в жизни земной и небесной для вечного спасения и блаженства.

Будьте не только храбрыми, будьте прежде всего набожными: пред Богом исполните ваш долг, воины, и Бога браней благодатью вы будете сохранены в вашем грядущем подвиге в здравии, в силе и славе. Аминь.

ПО ПОВОДУ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ СВОБОДЫ

Нет ничего тяжелее, как подавать остерегающий трезвый голос во время какого-либо стадного увлечения. В таком неблагоприятном положении находимся и мы, отзываясь на сегодняшнюю десятилетнюю годовщину вероисповедной свободы. Газеты уже несколько дней трубят и торжествуют, радуются особенно за старообрядцев...

И вот, прежде всего, является недоуменный вопрос: кто радуется, за кого и почему?

Непререкаемая истина, веками подтвержденная: действительно терпимым в области веры может быть только глубоко верующий человек. Вольтер хвалил Юлиана Отступника за веротерпимость. Но разве такова веротерпимость на деле, какою она была у Юлиана, тысячами умерщвлявшего христиан, ссылавшего православных епископов или действовавшего провокационными мерами, – разумею приказы его об единовременном пребывании в епархиальных городах епископов и православных, и ариан? Сам Вольтер тоже очень распинался за веротерпимость. Но разве эти грубые и саркастические шутки фернейского философа и отшельника над христианством говорили о действительной веротерпимости?

Прочитайте любую статью старообрядческих или сектантских журналов и посмотрите, как за эти десять лет ненависть старообрядцев и сектантов к Православной Церкви не только не уменьшилась ни на йоту, вопреки пожеланию Высочайшего

указа, данного 10 лет назад, но возросла тысячекратно? Этой ненавистью дышат те, которые *для себя* требовали веротерпимости. Почитайте грубые выходки против никониан известного А. И. Морозова, и по степени его злобы посудите, что бы сделали он и ему подобные, если бы им дали власть?

Старообрядцы очень любят говорить о своих страданиях, о том, что истинная Церковь-де не может действовать насилиями, но забывают слова своего протопопы Аввакума, который писал Царю Алексею Михайловичу, что если бы ему, Аввакуму, дали власть, то он перво-наперво «Никона-собаку распластал и ножом искромсал», а потом... и т. д. Таким дух старообрядчества остается и доныне. Не выше и дух сектантства: в этом вы убедитесь, взявши наудачу один из номеров «Баптиста», «Христианина», «Гостя» или другого сектантского журнала.

Итак, если старообрядчество надо якобы охранять от насилий, от проявлений ненависти со стороны «господствующей Церкви», – которую можно назвать господствующею разве в ироническом смысле, – то почему вместе с тем не ограждать и Православную Церковь от насилий и ненависти инославия? Либеральное мышление всегда вращалось в области силлогизмов: в Галичине теперь, по распоряжению графа Бобринского, если униаты известного прихода желают присоединиться к Православию, то должны представить приговор, из коего видно, что таковых желающих насчитывается не менее 2/3; при этом *остающаяся часть* униатов, 1/3 бывшего прихода сохраняет все права на обладание храмом и право иметь отдельного священника. А если наоборот? Если желающих принять Православие будет только 1/3? Они, видите ли, не имеют права на устройство

храма, на открытие самостоятельного прихода, ни даже права просить себе православного священника!

Вот и поймите логику этой веротерпимости и эту свободу вероисповедания! Почему-то она всегда выгодными сторонами касается инославия, а к Православию обращена только угрозами, стеснениями и прещениями!..

Далее. Кто же пишет пламенно-радостные статьи, разделяя радость старообрядцев? Старообрядцы? Нет! Эти господа публицисты, может быть, и в самом деле молятся по лестовкам, наблюдают поклоны, двоят аллилуиа, ходят посолонь, блюдут посты, выстаивают восьмичасовые службы, совершают по тысяче поклонов на каноне Андрея Критского? Увы! – это люди, которые часто по паспорту принадлежат к еврейскому вероисповеданию, а больше всего – ни во что не верят, ни в какой храм не ходят и никогда не молятся! Могут ли, в праве ли они даже касаться этого интимного вопроса о вере, когда они совершенно чужды веры, не знают по опыту, как дорога религиозному человеку религиозная истина, не знают, как мучится его сердце при виде засилья религиозного заблуждения? Могут ли они войти в психологию людей, действительно *любящих* Бога, *любящих* своих ближних и желающих поэтому им спасения в истинной Церкви? И можно ли после всего этого давать цену таким упражнениям в красноречии на тему о веротерпимости, исходящим со стороны тех, кому до веры вообще нет никакого дела?

Бесспорно положение, что полного религиозного паритета быть не может, его нет даже и теоретически ни в одной стране Европы и Америки, за исключением Франции, где, однако, этот паритет занимает неопределенное положение относительно христианства, преследуемого внутри государства и поддержи-

ваемого вне государства, в виде католических миссий на Востоке. Так или иначе – это уже не полный, а номинальный паритет. При всяком, самом крайнем в смысле свободы разрешении вероисповедного вопроса, будет всегда стоять недоумение: можно ли разрешать секты и исповедания, заведомо изуверные? Много говорят о старообрядчестве, но не знают или забывают, что оно далеко не едино. «Сопелочники», или странники, – это секта анархическая; некоторые беспоповщинские согласия отвергают молитву за Царя и государство и объявляют государство областью антихриста. Ковалев-старообрядец заживо замуровал и закопал в землю до 30 человек своих последователей, притом с их согласия. Как относиться к такой свободе?

Нынешняя война показала воочию, что баптизм и адвентизм являются учениями антимилитаристическими, следовательно, – враждебными государству. Это доказано и историческими справками о прошлом баптизма, и его настоящей практикой. Практика эта толкает баптистов на путь отказа от военной службы, от присяги, на путь пропаганды антимилитаризма в войсках, в лазаретах. Доселе мы имели о том заявления духовенства из лазаретов и из армии, сообщения губернских властей, к сожалению, не допущенные к печати. Все это могло казаться предвзятым. Но вот, поощряемые безнаказанностью, сектанты, притихшие несколько после осуждения и высылки Фетлера и других, теперь распоясались вовсю и откровенно в своих журналах похваляются, что ведут открытую и успешную (еще бы!) пропаганду антимилитаризма везде: в столичных лазаретах (см. «Утренняя Звезда» № 6), и в армии (№ 7 и 12), и на молитвенных собраниях (№ 8), где молятся за Вильгельма! (см. «Гость» Фетлера за настоящий год).

Скажите, защитники полной вероисповедной свободы, почему православные должны идти на войну, умирать, получать раны, оставлять семьи без призора и поддержки, оставлять сирот после своей смерти, а баптисты, гернгутеры, менониты будут в это время разъезжать в удобных санитарных вагонах и вести среди раненых солдат антимилицаристическую пропаганду, получая себе пресвитеров, литературу и прочие пособия от кайзера Вильгельма? Читаете ли вы, гг. пишущие в защиту баптистов, их газеты и журналы? Я убежден, что нет; вы говорите, пишете, просто исполняя свой либеральный трафарет!

Защитники старообрядчества, гг. Тереховы и другие, повторяясь и путаясь на страницах «Голоса Москвы» и «Русского Слова», в непостижимом сочетании этих органов, наперерыв друг перед другом желая произвести впечатление, то жалостливо описывают состояние Рогожских алтарей, при их отпечатании 10 лет назад, – причем кажется, что они были запечатаны не 50, а по крайней мере 500 лет назад, – то торжествующе разглагольствуют о появившихся тысячах старообрядческих храмов, заговоривших старообрядческих пастырях и зазвонивших старообрядческих колоколах... Полно! Зачем скрывать правду?! Мы и сами думали, что «многомиллионное», как любят выражаться заправилы «Церкви» и подобных журналов, старообрядчество, получив свободу, действительно развернет свои силы, покажет свою живучесть. Увы! – произошло то, чего и надо было ожидать. За 200 лет гонений старообрядчество не создало ни прихода, ни сильных организаций, не дало ни единого выдающегося по уму, ревности и силе влияния пастыря, наставника или подвижника. У нас, православных, в эти двести лет были святые – Иннокентий, Димитрий, Митрофан, Тихон, Феодосий, Иоасаф, Питирим,

Серафим, были «старцы», духовники народные, писатели, как Амвросий, Феофан, Варнава, о. Иоанн Кронштадтский. А что и кого за это время дало старообрядчество? Ни одного выдающегося человека! Если объясните это гонениями, то погрешите против истории: гонения всегда давали героев, а не убивали геройство. Но примем и это объяснение. За эти последние десять лет свободы что дало старообрядчество? Относительно их журналов – читайте жалобы «Старообрядческой Мысли» № 11 за 1914 год, там изображен печальный мартиролог старообрядческой журналистики: газеты и журналы умирали и умирают от полного равнодушия к ним самих старообрядцев. Относительно школ и учебных заведений – почитайте в той же «Старообрядческой Мысли» за февраль текущего года горькие жалобы на полное равнодушие старообрядцев к делу просвещения. Храмы явились вовсе не тысячами, а всего десятками, и притом бедные-пребедные; даже Москва не дала ни одного грандиозного храма; пастырей выдающихся – не явилось ни одного. Все тот же Иоанн Картушин, всего год назад обрушившийся против брадобрития, за что даже «Голос Москвы», присяжный защитник старообрядчества, не похвалил Картушина. Дальше брадобрития, куцых пиджаков, делающих-де неприличную фигуру мужчин при поклонах, пастырские послания и заседания «соборов» не пошли. Объединения старообрядцев что-то не видно, а разъединение усилилось, а ныне оно пошло вглубь, коснувшись отношений иерархии и мирян... Как себя держат зазнавшиеся «хозяева» старообрядческих церквей и попов из мирян – видно из деятельности, окриков и отзывов того же Арс[ения] Ив[ановича] Морозова – см. «Старообрядческая Мысль» за текущий год, февральский номер. В старообрядчестве остались *на верхах* те

же «скобленные рыла», как выражаются старообрядцы о бритых своих руководителях во фраках, питающихся французской кухней, женившихся на англичанках и совершивших эти браки за 500 руб., данных попу на случай «запрещения» от Иоанна Картушина, остались самодуры, одною рукою издающие старообрядческий журнал с защитой старинной церковной живописи, а другой – журнал, пропагандирующий декадентство и футуризм в той же живописи; это все – просто политиканы, играющие в оппозицию, жаждущие «роли», а вовсе не искренние последователи старообрядчества: потому что быть образованным человеком и вместе с тем быть искренним, в смысле религиозном, старообрядцем, – будем говорить откровенно, – совершенно невозможно... А на низах мы видим ту же, что и прежде, темную массу, которая, как только начнет приобщаться к школьному просвещению, будет отходить от старообрядчества как веры, и обращать его в знамя фронды, увеличивая ряды нигилистической интеллигенции, а больше полуинтеллигенции...

Такова изнанка вероисповедной свободы и последнего десятилетия жизни старообрядцев и сектантов. Вероисповедная свобода, объявленная правительством, не имела целью гнать старообрядцев в ряды нигилистов, а сектантов – в ряды анархистов... Почему-то все забывают слова Государя Императора, провозглашенные десять лет назад при распечатании Рогожских алтарей: «Да благословит и умудрит старообрядцев Господь с полною искренностью пойти навстречу желаниям и стремлениям Русской Православной Церкви, чтобы воссоединить их с нею и прекратить соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только Церковь».

Вот цель, действительно высокая, достойная, благородная!

Где же собор и соборные решения? Скажите же вы, защитники раскола и сектантства, – скажите слово не только о свободе раскола и сектантства, но и о свободе Православной Церкви! Недаром, когда в Комитете Министров в марте 1905 года было решено отменить всякие стеснения и ограничения по отношению к раскольникам и сектантам, покойный митрополит Антоний, ничего не имевший по существу против таковой свободы, заявил одно: положение Православной Церкви теперь будет гораздо хуже, чем положение старообрядцев и сектантов... ибо они, при свободе своей, не будут иметь правительственного контроля, а Православная Церковь остается в прежнем положении...

Итак, дайте и нам, православным, подобно старообрядцам, возможность свободно и ежегодно иметь соборы, свободно и беспрепятственно открывать новые епархии, назначать туда епископов; дайте и нам, как это дано сектантам, право свободно открывать новые приходы-общины и на 50 человек иметь священника. Может быть возразят, что православные священники пользуются в государстве особыми правами, и поэтому нельзя их иметь слишком много, а старообрядческие и сектантские наставники такими правами не пользуются? Но после 17 октября 1906 года об этом нельзя говорить, ибо теперь и сектантские наставники освобождаются от воинской повинности. Дайте и нам внутреннюю свободу в делах, собственно церковных; дайте и нам ту свободу, о которой писали и мечтали благородные славянофилы... И верьте: Православная Церковь никогда не нуждалась в каких-либо искусственных подпорках или в полицейской охране и покровительстве, не нуждается в этом и теперь, ибо она сильна внутреннею силою. Сила эта – Истина, сила эта – Господь, Ее Основатель, сила эта – Христос,

Ее Единый Глава и Божественный Кормчий. В ней одной – спасение и жизнь русского народа; любовь и преданность к ней, глубокая и искренняя, воодушевленная и горячая, – единственные источники правильной и истинной веротерпимости. Нигилизм и религиозный индифферентизм истинной веротерпимости никогда не дадут. Не здесь основы вероисповедной свободы.

ДОБРОЕ ВОИНСТВОВАНИЕ – МУЧЕНИЧЕСТВО¹

Прославляем, по заповеди святой Церкви, святых и великих мучеников Георгия Победоносца и царицу Александру.

Казалось бы, в положении царицы – только счастье и покой. Но во времена чрезвычайные, когда решаются, например, судьбы царств и народов, или когда две силы мировой истории сталкиваются между собою, определяя будущее человечества, – именно на престолах царей прежде всего мы видим труд, подвиг, беспокойство, напряжение, терзания. Так и было во дни царицы Александры. Христианство уже победоносно вступало в мир в III–IV веках по Рождестве Христовом; против него боролась смертельною борьбой издыхающее язычество; за язычество еще стояла императорская власть в лице способного, умного, но жестокого Диоклетиана, мужа царицы Александры. Сердцем женщины царица Александра уразумела истину Евангелия, привязалась к Церкви и ко Христу со всею любовью, и тронутая страданиями великомученика Георгия, этого славного и непобедимого воина, любимца царского, нареченного как бы сыном и преемником императора, – объявила себя христианкою в виду угроз, гнева и прещения царского, мужественно пошла на страдания, и предала в мире дух свой Христу Господу.

Казалось бы, что и страдания святого Георгия Победоносца теперь для нас, христиан, могут иметь только историческое

¹ Поучение в день тезоименитства Государыни Императрицы 23 апреля 1915 г. в соборе святого Василия Блаженного.

значение, значение справки из давно минувшего прошлого, не имея прямого приложения к переживаемому настоящему. Никто не мучит нас, никто не терзает, не строгаёт тела исповедников Христовых, не бросает в огонь, не раздирает на части, не давит камнями, не усекает мечом – не мучат нас, как мучили святого Георгия. Но навсегда остается для христиан не только возможность, но и обязанность мученичества бескровного, в смысле борьбы со своими страстями, в смысле страданий за стойкость в вере и в исполнении заповедей Бога, в смысле терзаний при виде торжествующего зла и мук самоотречения и самоотвержения при исполнении долга, при виде соблазнов и искушений лени, покоя, самосожаления и самолюбия. Так всегда предстоит бескровное мученичество христианам; а теперь, в тяжкие переживаемые дни, пред нами воочию совершаются подвиги и кровавого мученичества. Эти новые мученики, последователи святого Георгия Победоносца, – наши воины, подвизающиеся на брани, по подобию святого воина Георгия, не знавшего поражений в боях, которые он вел, исполняя долг пред царем земным и Родиной.

Так доброе воинствование есть мученичество...

Ныне не редкость встретить христиан без Христа, или христиан, которые хотят быть выше и духовнее Самого Христа и Евангелия. От них и слышатся возражения против войны и воинского звания, которые многих приводят в смущение. Воин, говорят, идет убивать, и поэтому звание его несовместимо со званием христианина. Живой ответ на это возражение – пример храброго и победоносного воина Георгия Великомученика. Он все отдавал царю земному и Родине – все, кроме веры. За веру он пострадал от того же царя. Но вера не запрещала ему ранее

этого идти на брань и сражаться за Отечество. Объяснить это только насилием над ним и боязнью его пред гневом царским за отказ от воинской службы никак нельзя, ибо когда царь приказывал Георгию нарушить долг религиозной совести поклонением идолам, то не было вида мучений самых ужасных, которых он не перенес с твердостью и мужеством.

Воин, говорят, идет убить... Но воин прежде всего идет пострадать и умереть – вот что забывают отрицающие воинское звание! Оттого мы и в Евангелии, и в Апостольских посланиях нигде не видим осуждения воинского звания. К Иоанну Предтече приходят фарисеи, саддукеи, мытари и воины. Грозно он укоряет саддукеев, обличает фарисеев, но воинам говорит только одно: «Никого не обижайте и будьте довольны своим жалованьем» (Мф. 3, 5) – он не приказывает им оставить своего служения. Спаситель выслушивает исповедание веры римского офицера, сотника капернаумского; последний умоляет Спасителя исцелить больного слугу его и говорит характерным языком офицера-командира: «Не трудись идти в дом мой, я недостойн принять Тебя, но только скажи слово, и исцелит слуга мой. Ибо и я – человек со властью, имею в подчинении воинов, и одному скажу: иди, и он идет, другому: приди, и он приходит»... (Мф. 8, 9). Что же Спаситель? Он восхвалил пред всем народом веру сотника, поставил его выше всех среди Израиля, но не потребовал у сотника оставить военную службу, как несовместимую со званием христианина. У Креста Спасителя видим сотника Лонгина, который уверовал в Него. Пред апостолом Петром видим сотника Корнилия, который, окруженный семейными и своими воинами, призвав апостола, просит сказать ему все, что надобно знать для принятия веры во Христа (Деян. 10, 44). И святой

Петр в речи своей ни единым словом не говорит Корнилию о необходимости отказаться от воинского звания, а это звание в то время, заметьте, было не общеобязательным и принудительным, как теперь, а совершенно добровольным, наемным... С другой стороны, по слову другого апостола – Павла, каждый, принимая христианство, мог оставаться в том звании, в каком был призван, но если был в силах и в возможности, то должен был избрать лучшее, более соответствующее званию христианскому (1 Кор. 7, 20). И опять от святого Павла мы не слышим повеления воинам отказаться от воинского звания, чтобы удобнее служить Христу. Каждый воин, призванный ко Христу, мог оставаться в своем звании.

Священное Писание, далее, полно указаний и заветов, в которых образы и подобию берутся из обстановки войны и воинского служения.

Симеон Богоприимец Самого Христа именуется *Знаменем* спорным, около которого во время битвы идет самая жестокая сеча (Лк. 2, 34). Апостол постоянно призывает христиан быть вооруженными щитом, броней, мечом духовным, оружием в правой и левой руке... (1 Сол. 4, 8; 2 Кор. 6, 7; Рим. 13, 12; Еф. 6, 11 и т. д.).

Тот же апостол говорит уже не иносказательно, когда замечает, что облеченный властью не без намерения носит меч (Рим. 13, 4). Каждого христианина апостол называет *воином* (1 Тим. 1, 18; 2 Тим. 2, 3). Но прислушайтесь, что он прежде всего и больше всего видит в воине?

Ты *злопостражди*, как добрый воин Христа, – так пишет апостол Павел ученику своему Тимофею (2 Тим. 2, 3). Итак, первый признак доброго воина – это страдание, подвижничество,

это – мученичество. И самая победа, которая должна увенчать воина, не всегда похвальна: не венчается, добавляет здесь апостол, *аще зле* постраждет... (2 Тим. 2, 4). Так ведь было и во дни мученичества за Христа: иные шли на страдания с чувством гордости, иные не имели прощения к врагам – и благодать Божия отступала от них, и они вдруг чувствовали себя слабыми и отрекались от Христа. Подобно сему, и воинствование доброе требует не гордыни, не задора, не злобы и чувств мести, а смиренного сознания своего недостойнства и твердой решимости пострадать за порученное дело. Есть, – говорит священномученик Киприан, – настроение, которому только не хватает мученичества, и есть мученичество, которому, однако, недостает надлежащего настроения. Вот почему для воинов дается высший знак, как свидетельство подвига, – это знак святого Георгия Победоносца и вместе великомученика.

Что видим теперь?

Видим прежде всего тревогу и заботу в переживаемые тревожные дни на Царском престоле: Царь объезжает беспрерывно Свои войска, Царица, Высокая Виновница нынешнего торжества, – в непрерывных трудах и заботах о больных, увечных, раненых воинах и их семействах.

Нам ли не отвечать всем сердцем этому тревожному и чрезвычайному времени?

Нам ли не принимать участия в заботах Царя и Царицы? Нам ли не помогать Им в Их трудах?

Наши настроения должны быть возвышенными и особенными, в смысле религиозного воодушевления, как в оные дни гонений на христиан, во дни мученичества избранников Божиих. Наша готовность на жертвы должна не знать границ в эти

скорбные дни, когда мы видим вокруг себя столько страданий. Наши помыслы, молитвы, любовь – все это с нашими воинами-мучениками, которые страдают по образу святого Георгия Победоносца, отстаивая и охраняя наш мир, покой и безопасность, наше дорогое прошлое, настоящее и великое будущее, отстаивают Святую Церковь и все то, что завещано нам веками христианства, отстаивают против натиска новых – увы – образованных варваров и извергов, которые не знают, как древние гонители христиан, никакой меры в злобе, жестокости и мучительстве, не знают разницы между дозволенным и запрещенным, у которых не осталось ничего христианского!

В нынешний «царский день», в день торжества Церковно-государственного, да будет молитва наша:

«Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасении Твоем возрадуется зело. Господи, спаси *Царя* и услыши *нас*, в онь же аще день призовем Тя!» [Пс. 20, 2 и Пс. 19, 10]. Аминь.

«ВОЕННЫЙ» ГОД УЧЕНИЯ¹

С помощью Божией оканчиваете вы тяжкий год учения – тяжкий и тревожный, нередко с перерывами в занятиях, и начавшийся поздно, и оконченный слишком рано. Война отразилась на всей жизни нашей Родины. Учащие и учащиеся не могли стоять в стороне от общего потока событий, волновавших всю Россию, и так или иначе на них отзывались.

Чем могли мы и должны были отвечать и отзываться на них?

Прежде всего, конечно, непрестанною и усердною молитвою к Богу воинств и Господу, творящему нас победителями (2 Кор. 2, 14) и дающему победы воинству, которое является не на словах, а на самом деле христоименитым и христорлюбивым. И мы, действительно, и в школе, и в храме молились о Царе, о Родине, о братьях наших воинах, на поле брани подвизающихся, тамо от врагов раны приемших и в пленении сущих, – молились о ниспослании воинству нашему победы и одоления. Да услышит и да примет Господь моления наши!

Отзывались мы и *участием* нашим в тревогах и скорбях войны, и не только душою и сердцем, не только сочувствием в радостях и печалях Родины, не словом только и языком, но делом и истиною (1 Ин. 3, 18). Часть школьного поме-

¹ Речь учащимся по случаю окончания занятий и экзаменов в Московской второклассной учительской церковной школе 24 апреля 1915 г.

щения вашего (в Петровском монастыре) отдана для больных и раненых воинов; классные наши комнаты стеснены и сокращены, часть учащих даже не имела собственного помещения; все это напоминало нам о лишениях, которые мы охотно и с любовью должны понести ради наших братьев-воинов, защитников Родины. А вокруг вашей школы вы видели и лазареты в этом Епархиальном доме, и Военно-благотворительную Комиссию Московского епархиального духовенства, и постоянные жертвы посетителей деньгами, вещами для нужд войск, и вечера, концерты, чтения, лекции со сбором в пользу раненых – и сами вы не раз трудились на этих собраниях, и сами собирали пожертвования, и сами давали свои малые жертвы. Да примет Господь и эти жертвы наши, да умилюстится подвигом любви нашей, и да нишплет милость Свою Царю и Родине, вождям и воинам нашим на тяжелой брани!

Отзывались вы и своим *спокойствием*, добрым поведением, трудом и усердием. Учители ваши свидетельствуют, что во весь этот «военный» год учения вы были настроены особенно хорошо, вели себя похвально, не проявляли никаких дурных и злых настроений, не допускали никаких недостойных, заслуживающих осуждения поступков. Такое настроение царило и царит и во всем нашем народе, и это – знак, что народ наш воистину великий. Ибо ничто так не мешает Царю и правительству вести с успехом тяжелую войну, как отсутствие спокойствия и сдержанности в народе; ничто так не помогает нашему врагу, как растерянность наша и замешательства, волнения и недовольства; ничто так не

свидетельствует о малодушии и недостойности народа, как уныние, ропот, страхи, запугивания и внутренние неурядки жизни народа во дни войны.

Пошли, Господь, и вам, и всем русским людям сохранить это спокойствие и единение, и сими могучими духовными силами победить дерзкого врага, вторгнувшегося в нашу землю!

Отвечали вы на военные тревоги и добросовестным *трудом* своим школьным. Несмотря на все неудобства и лишения, вы учились усердно, и экзамены ваши показали, что вы достигли высоких успехов в учении. Так и должно было вам поступить, если вы сохранили спокойствие, если вы сознавали, что во дни войны нет места никакой лености. Так и должны вы были поступить, ибо война не будет продолжаться вечно, а за нею наступит время мирной жизни, мирного труда, когда потребуются от нас и знания, и добросовестная подготовка. Пошли вам, Господь, сохранить такое трудолюбие и добросовестность в исполнении долга во все дни жизни вашей!

Но в самом начале учения, когда только что грянула над нами военная гроза, припомните, – что мы вам тогда говорили? Мы говорили, что счастливо то молодое поколение, которое учится, воспитывается, возрастает во время войны. Оно как бы впитывает в себя общий подъем духа, охвативший весь народ; оно переживает единственные и неповторяемые дни и месяцы необычайного религиозного и патриотического воодушевления; оно закаляется в военных тревогах и приобретает на всю жизнь бодрость, решительность, мужество и готовность на жертвы ради высокой цели. И в заключение наших занятий этого учебного года мы опять вам напоминаем о

том же: мы просим вас не забывать уроков войны, не забывать испытанных впечатлений и переживаний, не изгладить из души тех чистых, святых, возвышенных порывов, которые всеми нами пережиты. Это – религиозное воодушевление, молитва и упование на Бога; это – любовь беззаветная к Царю и Родине; это – готовность на все жертвы и лишения ради Отечества; это – сознание чувства единства со всем родным нашим народом; это – способность забывать себя ради общего великого дела, ради великого будущего нашей Родины.

Если все это вы сохраните, то «военный» тревожный год обучения не пройдет мимо вас бесследно, и самое сокращение занятий в настоящем году окупится и искупится великим и добрым воспитательным влиянием войны на ваше нравственное настроение...

Надеемся, что и сами вы, привыкнув к труду, постараетесь восполнить краткость времени учения, продолжительные каникулы не обратите в сплошное время лености, игр, забав и безделья; особенно – сделают это старшие из вас. Учитесь и дома, читайте, записывайте прочитанное, повторяйте пройденное, не забывайте и того, чего никогда и нигде нельзя забывать, той школы, которой никогда нельзя оставлять, именно – храма Божия и молитвы.

А вам, оканчивающие курс и уходящие от нас, – каждому из вас мы скажем то, что некогда родители сказали на прощанье своей дочери, невесте библейского Товии: «Желаем слышать о тебе добрые вести!» (ср.: Тов. 10, 12). Не забывайте святых заветов нашей Церковной школы. Дай Бог вам говорить с полным правом то, что один хороший и благодарный ученик,

на склоне дней, сказал в родной школе в день праздника пятидесятилетия со дня ее основания:

«Что нам училище дало, то в нас и есть:

Бог, Церковь, Родина, любовь, долг, совесть, честь!»

Храни вас Бог!

ТЕРПЕНИЕ И МИЛОСЕРДИЕ¹

В Священной Книге Деяний Апостольских, из которой во все дни Святой Пятидесятницы Святая Церковь предлагает нам чтение за литургией, мы, между прочим, читаем:

«Варнава пошел в Тарс искать Савла и, нашедши его, привел в Антиохию. Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей; и ученики в первый раз стали называться христианами. В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки. И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии. Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, послав собранное к пресвитерам чрез Варнаву и Савла» (Деян. 11, 25–30). Тот же Савл, – впоследствии, в апостольстве, «он же и Павел» (Деян. 13, 9), – не раз потом сам собирал и другим поручал собирать пожертвования и даяния в тех церквах, которые он основал при помощи Божией в Македонии и Малой Азии, и эти даяния направлял нуждающимся в пропитании братьям. Об этом свидетельствуют его послания (см., например, 1 Кор. 11, 1).

Так поступали те, которые впервые назывались святым и дорогим для нас именем христиан, в том случае, если они имели достаток и возможность помочь тем, которые не имели достатка и попадали тяжелым испытаниям голода и связанной всегда с голодом дороговизны всяких жизненных припасов.

Как же вели себя в апостольские дни сами страдальцы, обреченные на муки голода в те исторические дни при кесаре

¹ Поучение в один из воскресных дней Святой Пятидесятницы [19 апреля 1915 г.].

Клавдии, о которых, согласно с Книгою Деяний Апостольских, свидетельствуют и современные апостолам еврейские и языческие писатели?¹.

Если это были язычники, то они потрясали государство и общественную жизнь бунтами, волнениями, крайними и резкими проявлениями недовольства, что, конечно, не только не прекращало голода, не облегчало положения, а еще больше затрудняло деятельность правителей, общественных деятелей, стесняло и приводило в замешательство торговлю и еще более усиливало бедствие голода. Так всегда бывает с народными волнениями: они бессмысленны и никогда не достигают благих целей, вызывая только ненужные жертвы, иногда же и кровопролитие.

Не так поступали христиане. Бывали случаи, что недостаточные из них, но все же хоть что-либо имущие, налагали на себя добровольный пост, в смысле полного неядения, постились так целыми семьями в продолжение нескольких дней, и то, что получалось от этого в сбережениях, то, что они истратили бы на покупку хлеба себе и детям, они посылали тем страдающим братьям, которые ровно ничего не имели и испытывали особенно острую нужду. Если, по слову апостола, любовь есть «союз совершенства» – совокупность и верх добродетелей (Кол. 3, 14), то едва ли можно найти другое, более яркое и сильное проявление такой любви... А те христиане, которые совсем ничего не имели, – они *терпели*. Первые уверовавшие из язычников, первые назвавшиеся *христианами* в Антиохии – какую первую проповедь услышали от Варнавы, пришедшего к ним по поруче-

¹ Иосиф Флавий. Археология XX; Тацит. Летопись XII.

нию апостолов из Иерусалима? Вот какую: «Варнава, пришед и видев благодать Божию, возрадовался, и моляше всех – *изволением сердца терпети о Господе*»... (Деян. 11, 23). Никогда, нигде, ни разу мы не видим в истории древнего изначального христианства, чтоб именующие себя христианами в нетерпеливости своей или роптали на Бога во дни страшных гонений, когда мужья, жены, дети возводились на костры, умирали от меча, бросаемы были в тюрьмы или на съедение зверям, не видим случаев самоубийств, которые могли бы, по-видимому, быть в виду неминуемой для многих неизбежной и мучительной смерти, не видим участия христиан в народных восстаниях или волнениях против власти. А их ли не обижала власть казнями и преследованиями? Не они ли принадлежали чаще всего к сословию рабов, совершенно бесправных, и к населению самому бедному и нищему? Не они ли больше всего несли на себе тяготу голода, недостатка или дороговизны необходимых предметов пропитания? Пред ними стояло слово апостола: Бог наш есть Бог терпения и утешения (Рим. 15, 5); им было ведомо, что поэтому-то и верные Богу должны усовершенствоваться в терпении (1 Тим. 6, 11) и заслужить чрез терпение похвалу (2 Кор. 6, 4); они знали, что *любовь*, которою пламенели их сердца, соделывает терпение, терпение же – опытность, опытность же – надежду, а надежда не посрамит (Рим. 5, 3–5). И над всем сим стояло пред ними заветное слово Христово: претерпевший до конца – только тот спасется (Мф. 24, 13).

Замечательно, и для переживаемого нами времени особенно важно и поучительно то обстоятельство, что Спаситель изрек Свою заповедь о таком терпении *в связи с пророческим изображением будущих войн*. «Услышати, – говорит Он, – брани и

слышания бранем, зрите, не ужасайтесь; восстанет бо язык на язык, и царство на царство, и будут глади, и пагубы, и труси по местом..., и тогда соблазняются мнози, и друг друга предадут, и возненавидят друг друга..., и за умножение беззакония иссякнет любви многих: претерпевый же до конца той спасется» (Мф. 24, 6–12).

Не слышите ли, не видите ли теперь исполнение пророческого слова Господа Иисуса? Страшная брань, брань многих народов, воистину мировая война теперь перед нами, мы в ней так или иначе участвуем: на войне близкие нам люди; сражаются они с врагами, защищая нас, мы же так или иначе помогаем воинству, а все, конечно, чувствуем и испытываем на себе, в своей жизни тяжкие последствия войны.

Как же нам вести себя в виду таких тревожных обстоятельств, в виду испытываемых лишений? Одно здесь слово Христово сильно ответствовать на вопрос: претерпевый до конца той спасется! Одно здесь уместно увещание апостольское, сказанное некогда первым принявшим имя христиан: *изволением сердца – именно изволением сердца, добровольно, охотно, сознательно – терпети о Господе!* Всякому известно, что война есть испытание народа: действительно ли он велик? Всякому ведомо, что война требует жертв, и жертв немалых. Приносятся в жертву молодые жизни; десятки и сотни тысяч воинов страдают от ран и увечий; семьи лишаются близких людей, часто своих кормильцев; льются безутешные слезы; тратятся тысячи миллионов народного достояния; земли окраин, сопредельных с местом военных действий, заняты и разорены врагами. Все эти жертвы надо принести в смирении и терпении; кто может, тот милосердием, пособиями на больных и раненых воинов, на под-

держку их семьям приди им на помощь, поступи подобно древним христианам. Но есть испытания длительные: дороговизна и недостаток припасов питания, топлива, одежды... И здесь люди состоятельные должны помочь голодным или вообще испытывающим лишения, а сами страдающие от дороговизны или голода, чувствующие тяготы жизни от войны должны вооружиться спокойствием и терпением, терпением и спокойствием. Дорого мясо: откажемся совсем от мяса! Будем есть один хлеб. Мало хлеба – будем и это бедствие терпеть! Дорого зерно для животных: пусть и животные с нами терпят лишения! Все выдержим и вынесем. Но если у нас не будет терпения, то что же тогда? Какое горе! Какой позор! Какой пагубный пример для других городов! И какое утешение, какая это радость, – и *какая помощь* нашему врагу! Он именно на нетерпеливость нашу только и надеется, он от волнений народных в России ждет себе помощи и поддержки в борьбе с Россией!

Но он жестоко ошибется!

Напрасно враг будет радоваться, напрасно в газетах немецких будут торжествовать, приводя известие о бывших будто бы у нас народных волнениях и проявлениях недовольства в России. Напрасно будут враги принимать меры, чтобы чрез подкупленных людей, шпионов и предателей вызывать такие волнения в народе. Враги не услышат о таких волнениях, радость их будет преждевременна, усилия их поколебать наше спокойствие и единение будут тщетными и бесполезными! Да, в этом мы глубоко убеждены!

«Край родной долготерпенья», – так назвал Россию один ее вдумчивый писатель; «народ-богоносец», – так назвал ее другой писатель. Мы пребудем в этом достоинстве народа-богонос-

ца, мы сохраним и умножим наше великое терпение – и оно не посрамит.

«Спаситесь, богатии, милостынею, спаситесь, убогии, терпением», – так заповедали нам наши отцы. И что бы впереди нам ни готовила тяжкая война, какие бы лишения нам ни предстояли, мы – одни от достатков, другие от бедности – принесем всякие жертвы для достижения победы над врагами, для обеспечения нашего воинства всем необходимым и для сохранения мира, единения и согласия внутри нашего царства – и все покроем терпением.

В терпении вашем стяжите души ваша, претерпевый же до конца той спасется! [ср.: Лк. 21, 19 и Мф. 24, 9].

СВЯТОСТЬ¹

Отошли великие и радостные воспоминания и напоминания Церкви о Воскресении нашего Господа, о победе Его над злом, о победе Его и верующих в Него над смертью, о вечной жизни людей в Боге. Торжествовали мы потом Вознесение Господа нашего на небо с пречистой плотью, как залог вечного богочеловеческого союза, и обетование Спасителя пребыть с нами навеки и на земле, и на Небе. Радостно потом праздновали мы и день Пятидесятницы, когда исполнено было обетование Спасителя о сошествии на апостолов и на Церковь Духа Святого, как залог непрестающей жизни духовной.

И вот сегодня, в первое Воскресенье после всех этих празднеств и воспоминаний, трепетно переживаемых верующими и усвояемых, понимаемых и приемлемых только верующими, Церковь представляет нам как бы свидетельство и наглядное доказательство действия Духа Божия на жизнь людей: Церковь сегодня воспоминает и прославляет *всех святых*. Представьте себе мертвую пустыню, в которой вдруг забил живительный родник воды – и как вдруг все кругом обратилось в цветущий сад; представьте бедную страну с самою бесплодною землей, в которой вдруг открылось в неисчерпаемых залежах золото, или в безлюдной стране открывшийся необычайный чудодейственный целебный источник – и как все вдруг покроеся городами и селениями, какое много-

людство, какая жизнь забьет вокруг... Но что бы вы ни представили, вы все-таки не изобразите того, что принесло христианство в омертвевшую жизнь людей, не изобразите того духовного переворота, который совершился чудодейственно в человечестве! Страшное себялюбие, жестокость, отчаяние, насилие царили в древнем мире без Христа, самые добродетели древних были только подкрашенными пороками; люди – и это было опаснее всего – не только не имели сил на добро, но и неясно различали добро от зла и нередко зло почитали добродетелью. И вдруг рыбаки сделались учителями вселенной, мытари и гонители – апостолами, блудницы – равноангельными подвижницами, скупцы и мытари – благотворителями, дети – мучениками, рабы – духовно свободными, преступники – праведниками. Пусть не верят в Бога, пусть не признают Божественности Христа и христианства, пусть приравнивают его к другим религиям: но отрицать произведенного христианством единственного и величайшего нравственного переворота в мире – нельзя! Процвела пустыня, как лилия прекрасная, – языческое, бесплодное сонмище, поем мы в церковной песни. И где же расцвела эта лилия? На грязном и зловонном болоте древней до-христианской жизни! Народы, по крайней мере, в идеале, а часто и в действительной жизни стали стремиться к богоугождению, как высшей цели своего существования, забыли или, по крайней мере, осудили злобу, ненависть, эгоизм, погоню за материальными земными благами. Не таков ли и наш русский народ, прозвавший себя *Святою Русью* и давший в тысячелетней христианской жизни великое множество святых?

¹ Слово в Неделю всех святых, – первую по Пятидесятнице [17 мая 1915 г.].

Святая Библия ясно выражает глубокую мысль о том, что *семя свято* есть стояние мира, то есть жизнь людей, обществ, царств человеческих зависит, главным образом и даже исключительно, от приближения или удаления народов от задач, образцов, идеалов святости. «Правда возвышает народ, а умаляют его грехи» [ср.: Притч. 14, 34], так определительно учит библейская мудрость. В наш век, когда люди буквально как бы помешались на придумывании совершенно иных, противоположных основ жизни, когда все надежды возлагаются то на просвещение, то на материальное обогащение народа, то на равномерное распределение между людьми благ земных – пищи, одежды, удобных жилищ и т. п., то на внешние реформы, преобразования и законы, то на силу воинскую – в наше время необходимо с особою силою напоминать себе и другим об этом непреложном законе библейском, о том, что правда, святость делают народ жизнеспособным, что народ, забывший о Небе, перестает жить и на земле. Русский наш народ выразил это глубокое воззрение пословицею: «Праведниками мир стоит».

Знаем, что для осуетившихся и оземленившихся сынов нашего времени, для тех, кто в самовлюбленности и гордыне почитает себя судьей всего мира, всех прошлых и грядущих судеб его, наши слова покажутся чем-то отсталым, устарелым и вызовут снисходительную улыбку или злую насмешку. «Душевный» человек, по словам апостола, то есть человек животного, низшего ума, никогда не поймет «духовного», и почитает юродством, безумием все стремления и воззрения человека духовного (1 Кор. 2, 14–15). Однако правда от этого не станет

ложью, не перестанет быть правдою, не пострадает, как свет не перестанет быть светом, если мы упорно станем называть его тьмою.

Знаем, что для потерявших веру в свои силы, из числа даже тех, кто не отпал от Церкви, наша проповедь покажется странною и вызовет возражение, встречающееся еще в Евангелии: «Жестоко слово сие, кто может его послушати?» [Ин. 6, 60]. Христианскому проповеднику, иначе сказать, укажут на полную неисполнимость требований святости. И однако Тот, Кто как Творец лучше нас знает природу и силы человека, Кто как Искупитель даровал этой природе, ослабевшей после греха, небесные сверхъестественные силы для жизни духовной – Он совершенно ясно и без всяких уклонений и послаблений много раз говорит нам в Писании: «Сия есть воля Божия о вас – *святость* ваша» (1 Сол. 4, 3; ср. Еф. 2, 10; 1 Сол. 4, 7; 1 Тим. 2, 15; Евр. 12, 10–14; Рим. 6, 22); «по звавшему вас святому – *будьте святы*» (1 Пет. 1, 15). Спросите свою душу, вникните в ее глубочайшие стремления, прислушайтесь к ее желаниям, и она ответит вам тайным согласием с призывами Господа и Его Божественного Слова, и она скажет вам, что одного она ищет, именно – святости.

В самый тяжкий час жизни, прощаясь с учениками, которых Он оставлял в мире, Искупитель наш молит Отца Небесного: «*Святы* их истиною Твоею, слово Твое есть истина... и за них Я отдаю Себя, чтобы они были *освящены* истиною» (Ин. 17, 17–19).

Итак, на вопрос: можно ли нам быть святыми, приходится, в пояснение, ответить другим вопросом: можем ли мы не

быть самими собою и можем ли мы не принадлежать Богу? Ибо именно такая всецелая Ему принадлежность и есть именно святость. Если ты – Божий, если ты – верующий, если ты – Христов, если ты в Его Церкви: то ты и можешь, и должен быть святым; больше того: или свят, или враг Божий – иного выхода и выбора нет для христианина. Если же ты пал и падаешь, согрешил и согрешаешь: то разве не открыты двери покаяния? Разве закрыты пути исправления? Ибо есть эта вечная, чудная и единственная власть в Церкви – прощение грехов во имя и ради заслуг нашего Искупителя.

Пророк ясно говорит: «Разве, упавши, не встанут и, сокрушившись с дороги, не возвращаются?» (Иер. 8, 4). И другой пророк утешает нас от имени Бога: «Разве Я хочу смерти грешника? Не того ли, чтоб он обратился от путей своих и был жив?» (Иез. 14, 16). И Тот, Кто призвал и призывает нас в жизнь святости, Сам Иисус Христос в Евангелии возвещает грешнику весть свободы и отрады: «Я пришел, – говорит Он, – призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13), «не здоровые нуждаются во врачах, а больные» (Мк. 2, 17) и: «милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13; Ос. 6, 6). Ибо Он есть Тот, о Ком древле возвещено, как о Спасителе всех людей, Который трости надломленной не сокрушит, и льна курящегося не угасит (Ис. 40, 3; Мф. 12, 20).

Конечно, если мы, по примеру баптистов и других последователей грубой «немецкой» веры, будем в самомнении и самохвальстве объявлять себя святыми, или, по примеру «Нового Израиля», будем почитать себя избранными, освященными и уже спасенными, то, конечно, от этого наш грех не станет

добродетелью, и гнев Божий не превратится от нашего самомнения в милость. Но если мы, сознавая себя грешными, все же верим, что святость есть, подобно закваске в тесте, основа жизни мира, если будем любить святость и всякую святыню, если будем стараться насадить ее в себе и в окружающей жизни, если будем, и согрешая, немедленно каяться, и падая, вставать для нового служения добру и для более усиленной борьбы со злом, если будем с сердечным сокрушением, и верою, и упованием, и умилением повторять мудрое слово нашего православно-христиански воспитанного народа – «грешны, да Божьи»: то, несомненно, мы не далеки будем от Царства Божьего.

«Сподоби со святыми Твоими в вечной славе Твоей царствовать», – так молимся мы в церковном песнопении, очень часто возглашаемом в храме. «Не лиши меня радости общения святых» – этими словами выражается вечное и ничем не заглушаемое устремление христианской души, в этих словах и вечное, неумолкающее христианское исповедание и проповедание.

И верьте, братие, будет жив русский народ, и ничто нас не сокрушит, не победит, если мы сим правилом будем жить, если не потеряем этих святых желаний и стремлений, если не перестанем искать святости, не перестанем стремиться быть народом святым, воцерковленным, царством священников – *Святою Русью!*

И наоборот, смерть наша преднаписана и неизбежна, если мы предадимся только одному чреву и забудем о Боге, о Небе, о духе, о богоугождении и святости.

Пусть процветает просвещение школьное: оно нужно. Пусть растет наша сила материальная, пусть богатеет народ, пусть процветают торговля, ремесла, промышленность – и это все, если не обращается в цель жизни и в своеобразный кумир, может служить для утверждения на земле Царства Божия.

Но пусть над всем и превыше всего звучит нам единое на потребу – угождение Богу, пусть звучит заветное слово апостольское: «Сия есть воля Божия о вас – *святость ваша!*» [1 Сол. 4, 3].

Об этом сегодня напоминает нам Святая Церковь – в Неделю всех святых. И такова вечная проповедь христианства во всякое время, на всяком месте и в устах каждого служителя Церкви. Аминь.

ГОЛОС СОВЕСТИ.¹

(ПО ПОВОДУ СКОРБНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ В МОСКВЕ)

I

Найдется ли достойное и достаточно сильное слово в устах пастыря Церкви, чтоб осудить то, что произошло у нас в Москве в последние дни, чтобы выразить ту скорбь, тот стыд, то негодование, которыми переполнено теперь сердце всякого человека, наблюдавшего картины дикого разгула страстей на улицах Первопрестольной? Лучше бы молчать от печали, молчать укоризненно: но долг пастыря повелевает, призывает не молчать, а говорить. Лучше бы молчать и пред богомольцами храма нашего, из которых, надеемся, нет ни одного, который бы участвовал в грабежах и погромах толпы: но нельзя делать вид, что таких событий не было, нельзя делать вид, что мы ими не захвачены, не заинтересованы, не потрясены, и о них не думаем и не говорим. С другой стороны, не все одинаково, и притом не все отрицательно, относятся к происшедшему, и не все найдут настоящее слово, чтоб оценить и заклеить преступление по достоинству и сказать другим вразумляющее слово. Впрочем, мы сознаем и чувствуем какую-то общую виновность во всем происшедшем... Так наболело у нас сердце, что мы все потеряли самооблада-

¹ Два слова в неделю 3-ю по Пятидесятнице за всенощным бдением и литургией [30–31 мая 1915 г.].

ние, все имели не должное настроение – и вот его плоды. Посему, не обличая вас, говорим: говорим и себе, и другим в чувстве смиренного покаяния и сожаления о случившемся.

Как будто нарочно и для нас, как будто для нашего времени и для освещения именно совершившихся на наших глазах событий читается Святое Евангелие нынешнего воскресного дня (Мф. 6, 22–33). Прослушаем его, побеседуем по поводу евангельского наставления, возьмем в нем руководство для оценки нашего поведения и окружающей жизни:

«Сказал Господь: Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6, 22–23).

Внутреннее око в человеке есть его совесть – совесть как орган и религиозного, и нравственного, неразрывно связанного с религией развития: просвещения, воодушевления, убеждений и действий – всей нашей жизнедеятельности. Совесть действует во всяком человеке. Но совесть может быть чистая, правдивая, открывающая действительное, а не мнимое добро и ясно отличающая это добро от зла – и наоборот, совесть, как показывает история человечества, может религиозно освящать разврат и пьянство, оправдывать злодеяние, совесть может быть худою, неправою. Такую неправую совесть мы видим у народов, не имевших и не имеющих Божественного Откровения. Горе, если этот свет, совесть, становится тьмою: какова же, как ужасна и гибельна тогда эта тьма! Мы счастливы; мы имеем совесть, просвещенную святым учением Христовым, постоянно исправляемую и направляемую Святою Церковью. Казалось бы, мы в безопасности и имеем доброе правило нашей жизни. От до-

бра – добра не ищут: зачем же нам искать других основ жизни и нравственности? Но люди, под влиянием начал ложно понимаемой образованности и культуры, а в сущности под влиянием неумирающего язычества, в гордыне богоборства нередко ищут других основ жизни.

Указывают на ум – и забывают, что ум легко оправдывает и преступление, что он может состоять и часто состоит на службе у нашего себялюбия; забывают, что в области нравственной ум сам ищет опоры и руководства. Умные люди – современные немцы: образованные, много знающие, культурные люди. Но что показала переживаемая война? Показала в немце зверя, антихриста, врага человеческого рода, злобного, мстительного, жестокого, властолюбивого, изворотливого, хитрого, двуличного обманщика...

Указывают на *право*, на закон, на чувства законности. Великие это приобретения духовной культуры человечества! Но откуда взять чувство законности, откуда взять побуждение для исполнения и признания обязательности закона, для уважения к праву? Все это можно взять только от совести, от того внутреннего ока, озаряющего внутреннего человека, которое освящает и осмысливает самый закон и всякое право! Разве Германия и Австрия не правовые государства? Разве не у германских ученых учились и наши поклонники и проповедники права? И что же показала Германия?

Устами Вильгельма она заявила, что сила выше права. Австрия и начала войну насилем над маленькой Сербией, Германия – насилем над маленькой Бельгией, которую даже при всей изворотливости злобного ума нельзя было решительно ни в чем обвинить, как обвиняли Сербию.

Итак, «освободившись от совести», указывают откровенно и бесстыдно только на силу, как на основание жизни. Мы виним в этом немцев, а разве погромы и грабежи в городе не есть признание той же силы царицею жизни? Но ведь это есть признание жизни неразумных зверей и животных, где господствует «право сильного», то есть бесправие, – образцом для жизни существ разумных. Тогда надо проститься и с разумом, и с правом, и со спокойствием, и с порядком. Тогда царит одно насилие, и никто не знает, куда направится эта сила, ничем не управляемая. Когда паром управляет разумный человек, то мы видим пред собою правильно движущиеся паровозы, пароходы, машины, дающие нам столько пользы и оказывающие столько услуг; когда же машину, паровоз или пароход вы предоставите случаю и оставите без управления, то паровоз бешено мчится, пока не разобьется, сокрушая все на пути, пароход гибнет, машина взрывается... Не то же ли бывает с умом, правом, силою, когда они не управляются христианскою совестью?

Нет, только око души, просвещенное истиною веры, даст направление уму, осмыслит и освятит закон и право, даст должное направление и всякой силе. Спора нет: сила нужна, иначе будет в жизни бессилие, безвластие; иначе силу возьмет кто-либо другой, если не берет ее законный носитель, и тогда, при отсутствии отпора против силы злонамеренной, будут гибнуть добрые. Но сила требует именно законного носителя ее, и только тогда она благодетельна. Но разве толпа, как бы она ни была организована руководителями, – хотя бы эти руководители шли с приготовленными наперед списками и программю действий, – разве толпа есть законный носитель власти? Какой закон ее уполномочил? И разбойники действуют тоже по плану, и

воры могут грабить по спискам, и программа действий у них может даже удивлять нас своею продуманностью и стройностью. От этого зло не делается добром, и тьма не обращается в свет.

Раз нет законности действительной, всегда явится уменье придать преступным действиям вид законности. Спаситель предсказывал апостолам Своим: «Всякий, убивающий вас, будет думать, что этим приносит службу Богу» [ср.: Ин. 16, 2]... И в толпе, предававшейся погромам, мы слышали призывы: «Идите! *Теперь* мы делаем дело *святое*»... В этом одном слове: «теперь» сколько скрыто смысла! А что же это не «теперь»? Здесь произвольное, ненамеренное напоминание о чем-то, что было *«прежде»!* А прежде, десять лет назад, после русско-японской войны, это были бесчинства, беспорядки, убийства революционные, грабежи, оправдываемые не наказанием наших врагов немцев, как это видим теперь, а требованием якобы справедливости и желанием отнять у богатых богатство, одним словом, – учением безумного насильнического социализма! Но кто знает, кто поручиться может, во что могут вылиться эти теперешние уличные бесчинства? И кто знает, кто откроет истинного виновника и вдохновителя этих беспорядков? Кто откроет, для чего их устраивают, кому они нужны и полезны? Что если все это – не более, как действия того же самого врага-немца, ожидающего, что после первых вспышек народного гнева, – совершенно справедливо заполняющего теперь наши сердца, но совершенно несправедливо разрешающегося и выливающегося в бесчинства толпы, – беспорядки охватят всю Россию и поколеблют наше внутреннее спокойствие? Нужно врагу направить народ против законной власти, нужно вынудить власть на строгие действия и чрез это еще более озлобить толпу; нужно пустить

темные, непроверенные слухи, волнующие все население, сплетни и рассказы, которых нельзя проверить и которые будут обвинять людей высокого положения и власти в неслыханных преступлениях, о каких они и не помышляли, в сочувствии врагам-немцам, какого они вовсе никогда не имели; нужно, чтобы все это дошло до армии, чтобы там также пошли темные слухи и сплетни, чтобы там колебались сердца и души наших воинов, чтоб эти воины захотели скорейшего прекращения войны и возвращения домой... И выйдет тогда, что справедливый наш гнев против врага разрешится не на полях брани, не победою над врагом, не грозною карою, которую ему готовит оружие наше, – а разрешится он беспорядками внутри России, унынием армии и торжеством врага. Это ли нужно? Да, это нужно нашим врагам-немцам, но не нам!

Почему все это произошло? Почему не разумеет мы столь ясных и бесспорных истин? Почему все как бы ослепли?

Потому, что омрачилось наше духовное око, потому, что свет, который в нас, стал тьмою. Потому, что забыли мы голос совести! Когда мы видели, как одни громили дома и магазины, а другие расхищали имущество, и среди тех, что воровали, мы видели людей, по виду принадлежащих к образованным и обеспеченным классам общества, даже к учащейся и притом взрослой молодежи, – мы с ужасом чувствовали, что у этой толпы, действительно, *потеряна совесть...*

Мы говорим о праве, мы читаем и сами кричим о реформах, мы произносим надутые и напыщенные речи о благоустройстве общества и государства, мы твердим о высоком законодательстве, об общественной справедливости, мы возлагаем упование на законодательные учреждения, мы возвращаемся все в области

чисто внешних средств и способов направления и улучшения жизни... Мало одного этого! Нет, утвердиться и воспитаться в сознании, в чувстве и обязательствах законности можно только во свете и под руководством совести христианской!

Если этот свет, который в нас, померкнет, не помогут законы, придется применять только грубую силу, сдерживающую толпу, как в царстве животном... Если этот свет, который в нас, станет тьмою, то какова же будет тьма! Мы видели, какова она, эта тьма, в происшедших на улицах столицы беспорядках, насилиях, убийствах, грабежах и пожарах! Мы видели ее, эту тьму, в глазах и на лицах обезумевших грабителей и погромщиков, потерявших всякий стыд и совесть. Мы видели ее на безобразно-бесчувственных телах упившихся до полной потери сознания людей, лежавших около разбитых винных погребов. Мы видели ее при зареве пожаров, зловещий свет и огонь которых еще ярче показывал, как страшна, и погибельна, и глубока, и черна эта тьма!

На место единого господина нашей жизни, христианской совести, какого иного господина – тирана поставила себе безумная толпа? Имя этому тирану – насилие, беззаконие, самоуправство, злоба, мстительность, злорадство – сплошное собрание противохристианских чувств! А ведь толпа искренно считала себя правою, участники погрома почитали себя христианами, людьми не бессовестными... Они воображали, что службу приносят Богу, Царю, народу, Родине... И забыли они то слово, которое сегодня слышим мы от нашего Спасителя вслед за указанием Его на совесть христианскую: «Никто не может служить двум господам; ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному будет служить, а о другом не заботиться: не

можете Богу работать и мамоне!» (Мф. 6, 24).

Да, нельзя быть и христианами, и вместе погромщиками, и сынами Церкви, и вместе грабителями!

Отче! Прости тем, кои не ведали, что творили! Таковых, конечно, было много, особенно среди тех подростков, которые начинали везде погромы; которые приходили смотреть на погромы, как неразумный малый ребенок на пожар, как на зрелище; которых безжалостно, не щадя юной души и чистоты сердца, кто-то темный, какой-то слуга и пособник сатаны толкал на злое дело!

Но тем, кто сознательно шел на злое дело, кто толкал на него других, кто восхвалял преступление, – да будет судьей его христианская совесть, это око, которое они затемнили и сделали нечистым! И тем, которые выражали сочувствие погрому, не сказали и не говорят твердого осуждающего слова и приговора происшедшим печальным событиям, – и им пусть око души, совесть христианская укажет, кто мы, чем должны быть и как должны относиться ко всякому греху и пороку.

А все мы – воздохнем пред Богом, воспоем и песнь покаяния и вместе песнь мольбы о помиловании нас Небесною Правдою и Небесным Милосердием.

Воспоем все: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас, всякого бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим: помилуй нас»¹. Аминь.

¹ Были пропеты всенародно и дальнейшие стихи этого молитвословия.

II

Продолжим беседу нашу. Повторяем, что было бы недостойно в этот обычный час проповеди говорить теперь о чем-либо другом, делая вид, что ничего особого мы не пережили, ничего особенного с нами и вокруг нас не случилось. Было бы лицемерием уверять, что лучше молчать о том, что произошло. Нет, не лучше! Вчера уже мы слышали заявления некоторых из вас о том, что после усердной молитвы и слова проповеди многие почувствовали, что свалилась с нас, с души нашей и совести какая-то тягота, какая-то общая всем нам, и непричастным к позору погрома, виновность: ибо происшедшее коренилось в нашем общем настроении, в нашей общей нетерпеливости, в отсутствии самообладания, в некотором общем омрачении совести...

Будем еще и еще молиться и каяться, будем искать себе поддержки у Господа. Тяжело нам; наболело сердце от многих обид нашему патриотическому чувству, от многих огорчений... Но не в диком разгуле злобы мы найдем исцеление и облегчение, не в погромах обретем спасение и помощь Родине, а в терпении и уповании на Бога, в усердном исполнении наших гражданских обязанностей, в мире и единении народа, в охране порядка жизни.

Послушаем дальнейших учительных слов нашего Господа.

«Говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. *Душа не больше ли пищи*, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницу, – и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? *Да и кто из*

вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут. Не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или: что пить? или: во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники; и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 25-33).

Берегитесь быть язычниками по духу: вот первое предупреждение, которое мы слышим. Можно не иметь идолов и кумиров, сделанных из камня или металла, но иметь идолами свои страсти и пороки. Язычество, по изображению Спасителя в слышанных нами сегодня словах Евангелия, есть грубый материализм, доверие только к силе, доверие только к собственным нашим человеческим и личным соображениям и пожеланиям. Не такова ли и прославленная германская культура, которой мы кланялись столь долго, особенно в лице образованных классов нашего общества? Воистину она есть прикрашенное язычество – грубое, себялюбивое, надменное, корыстолюбивое. Теперь мы видим на войне горькие плоды ее, теперь мы вынуждены бороться с нею. Но, осуждая насилия и грубость немцев в этих погромах, не повторяем ли мы худших сторон немецкого характера?

Конечно, грубая и своевольная расправа с немцами, самоуправство и беззаконие – все это есть языческое дело, а не

христианское, все это есть не русское свойство, а подражание немецкому духу.

Не впадайте в неверие, не забывают о Промысле Божию: вот еще наставление нынешнего Евангелия. Слова Спасителя: «Не заботьтесь о пище, одежде» и т. д. Святая Церковь всегда понимала не в букве, а именно в духе, осуждая чрезмерную, всезахватывающую попечительность о земных благах, указывая на Промысл Божий, который в чудной экономии природы показывает нам, что все для нас необходимое мы получим в этом мире, что Благостный Отец Небесный знает все наши нужды. Но, конечно, не в одной области природы и ее даров для нашего тела бодрствует над нами Промысл: Господь хранит всю жизнь нашу, Господь охраняет и ведет к лучшему и духовное наше развитие, ибо душа больше пищи... Греховно отчаяние, греховно уныние, греховна потеря самообладания, ибо это есть потеря надежды на Промысл Божий: но то, что случилось среди нас, только и можно объяснить отчаянием, тем, что мы уже не видели иных путей и средств к избавлению от врага, как недостойные нас погромы и пожары. Если бури, стихийные бедствия не колеблют порядка природы, то и те преступления, которыми запятнали себя немцы и на войне, и в Германии, и, наконец, внутри России, – не поколеблют нашего государства, которое вполне способно и сильно бороться с этими насильниками и хищниками жизни. Пусть не упрекают нас, пастырей Церкви, за эти мысли и наставления, пусть не говорят безумных речей о том, что и мы, пастыри, невольно будто бы «стоим за немцев», «не чувствуем над собою гнета немца» даже в церковной жизни – как об этом кричали из толпы не в одном месте Москвы в ответ на увещания некоторых

священников¹. Нет, и мы, пастыри, – тоже русские люди, и мы чувствуем общую всем нам тяготу от немецкого засилья, и мы всем сердцем переживаем народное горе и общее народное негодование. Этот захват земель на богатом и привольном нашем юге; это планомерное завоевание немцами нашей земли посредством колоний и шпионов-колонистов, начиная от границы до привольных степей Заволжья, как передовое завоевательное движение неметчины, нередко при содействии немцев-администраторов, имена которых нам известны в истории; эти наглые правители из немцев, вместо любви к приютившему их народу русскому открыто высказывавшие к нему презрение; это пагубное воздействие на Православие от немецкой штунды, немецкого баптизма, немецкого адвентизма, поддерживаемое немецкими деньгами из-за границы; эти высокие правители из немцев, презиравшие Православие и открыто над ним глумившиеся; эти немецкие фабрики и заводы, скрывшие секреты производства от русских и рассчитанные только на ограбление русского народа; это поведение немцев России, как в завоеванной стране, эти гонения на русских ученых, вроде Ломоносова, на русских генералов, вроде Скобелева, на русских чиновников, правителей, вроде Сперанского; эта сплоченная разбойничья шайка немцев, захвативших наиболее видные и влиятельные места в России, тянувших всюду на все влиятельные и обеспеченные должности только своих; эти издевательства над русскою молодежью в школах; эти торговые договоры, нагло-бесчестные, вырванные под угрозой войны в те дни, когда нам угрожали враги внешние; эти шпионы-генералы

¹ В этом смысле и автор получил укоряющее письмо по почте после напечатания первой половины проповеди.

из немцев, состоявшие на русской службе и десятками лет общавшие все секреты в Германию; эти шпионы-колонисты, шпионы-фабриканты, рассеянные по всей России; эти мечты Германии захватить наши земли; эти жадные взоры, бросаемые немцами на русское достояние; эти безобразные жестокости с нашими путешественниками, оказавшимися в Германии в момент объявления войны; эти зверства на войне – добивание раненых, изуродования пленных, отравление воды и пищи, употребление удушливых газов, потопление огромных пароходов, ничего общего с войною не имеющих; эти подкупы внутри России, и на войне, и покупка золотом предательства; это наглое, вызывающее поведение наших «внутренних немцев» и умение найти себе здесь непостижимое покровительство: все это мы видим, знаем, и – как вы сейчас видите и слышите – обо всем этом мы говорим открыто и пишем, по поводу всего этого все мы целым народом негодуем – и праведен наш гнев, праведно негодование! И все-таки вечно слово Божественное: *гневаясь, не согрешайте* (Еф. 4, 26); и все-таки негодование и гнев – это одно, а способы его проявления и меры борьбы с врагом – это другое; и все-таки – весьма возможно, что самые погромы производятся по тайному наущению немцев же, в надежде видеть Россию, всю охваченную беспорядками; и все-таки – погромы и грабежи – не средства к избавлению от зла; и все-таки – это дело не христианское.

И еще: все-таки за Россию нельзя приходить в отчаяние, которое одно только и может толкать на такие погромы: Господь не напрасно вызвал к бытию народ русский, не напрасно одарил его великими дарованиями духа, не напрасно открыл ему истину Православия, не напрасно поставил его на грани Восто-

ка и Запада, на грани двух миров, светом для язычников и укором для исказивших Христову истину западных христиан, не напрасно указал нашему народу великое мировое призвание быть носителем правды веры и жизни, свободы для угнетенных народностей, быть надеждою для православных племен... Таков Промысл Божий о русском народе: не немцам изменить Его... Пусть будут и неудачи теперь на войне: в уповании на Промысл Божий не будем смущаться. «Как веревочку ни вить, все равно кончику быть»: придет конец и немецкой силе, но ее сокрушит наше воинство, а не беспорядки внутри России. Великому народу подобает великое терпение. В океане, как бы ни сильны были бури и волнения, внутренние глубины всегда спокойны..., и только мелкую лужу сразу и до дна выхлестывает и выдувает сильный ветер.

Неразумье, бесцельность всякого своеволия и всякой самонадеянности: вот еще урок нынешнего евангельского чтения. Кто из вас в заботе о себе может прибавить себе росту хоть на один локоть? Неужели думаем, что от погрома немецких магазинов, фирм и домов Россия стала богаче и безопаснее, а Германия беднее и слабее? Неужели разбогатели и грабившие чужое имущество?

Но самое главное – все происшедшее не соответствует исконному духу, исконному идеалу нашего православного совестливого народа. У него одно искание: ищите прежде Царства Божия и правды Его... Это не отрицание царства земного, а указание ему только надлежащего значения – значения не цели, а средства. Это не отрицание внешнего порядка жизни и необходимости сильной государственности: народ весь живет для Царства Божьего, но он знает, что если на нас нападут извне

враги, а внутри колеблют мир и спокойствие беспорядки, то все это мешает исканию Царства Божьего, – и поэтому народ имеет и чтит Царя и правительство, дает им своих сынов для воинского дела, для ограждения внутреннего и внешнего спокойствия и безопасности. Но все это он делает опять-таки для того, чтобы тихое и безмолвное житие пожить во всяком благочестии и чистоте, в исполнении того, что угодно и добро пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хочет спастися и приити в познание небесной истины, принесенной на землю Икупителем и Единым Посредником между Богом и людьми, человеком и Богом Иисусом Христом... (1 Тим. 2, 2–5). Таково русское воззрение на земное царство.

И всегда случалось так, что слава приходит к тому, кто ее не ищет, богатство течет к нам, когда мы его не добиваемся, и мир идет на суд, под власть духовную к подвижникам, когда они от него отказались. Посему не ненависть, не презрение к жизни земной проповедуем мы приведенными суждениями. Солнце тогда именно наиболее ярко освещает и наиболее сильно согревает землю, в тепле и свете давая всему источнику жизни, когда оно наиболее высоко поднимается над землей. Так и солнце истины, так и Царство Божие, чем выше стоит над царством земным, человеческим, тем более оживляет его и ведет к силе, жизни, спасению и счастью. Так всегда было и так всегда будет и с русским царством, если мы не изменим наших русских воззрений и не подменим их немецкими. Велик и свят русский православный идеал, – не будем отступать от него или омрачать проявлением злобы, мстительности, самоуправства и алчности. Будем искать Царства Божия и правды Его, и все сие, все, в чем мы нуждаемся на земле, само собою приложит-

ся нам, ибо знает Отец наш Небесный, что нам полезно, в чем мы нуждаемся.

Отойдем же сегодня отсюда в молитвенном настроении, в мире совести и в крепкой решимости хранить единение, порядок и законность жизни – во свете закона Христова и просвещенной им нашей христианской совести! Аминь.

БОДРЫЙ ПРИВЕТ ГАЛИЦКИМ ГОСТЯМ¹

Сынам древнерусской Галичины маститый архипастырь древне-православной первопрестольной Москвы, наш владыка-митрополит свидетельствует привет и преподает свое благословение. Низкий поклон вам, дорогие гости, и от нас, служителей Церкви Московской, при этом молитвенном общении нашем в дивном и знаменательном храме Спасителя Христа.

В тяжелые дни нам пришлось свидетелься и вместе помолиться во дни, когда из вашей страны, столько месяцев уже бывшей в обладании России, пришлось, – надеемся и верим, временно, – отойти нашим доблестным войскам. Оставлены Галич, Львов, Ярослав, Перемышль и Черновицы, и снова там теперь сидят вековые угнетатели Галичины, сея вокруг себя преследования неповинных и казни измученных галичан. Тем знаменательнее и отраднее ваше пребывание и путешествие по России, ваш приезд сюда, в первопрестольную Москву, в средоточие заветных воспоминаний и святынь народных, ваша совместная молитва с православными русскими людьми пред общими святынями.

Не будем, однако, предаваться унынию или растерянности, ибо несвойственно унывать ни вам, ни нам, как сынам великого многострадального племени, – великого в прошлом, настоящем

¹ Речь на молебствии в храме Христа Спасителя в Москве галичанам-экскурсантам (162 учителя и учительницы) 13 июня 1915 г.

и будущем, призванного к историческому всемирному служению. Претерпим это временное испытание.

В Святом Евангелии Иисус Христос, Господь наш, говорит, что сыны века сего мудрейши суть сынов света и царствия в роде своем (Лк. 16, 8). Они энергичны, настойчивы, предусмотрительны, изобретательны и изворотливы в достижении своих хитрых и злых целей, по подобию домоправителя неправды в евангельской притче. И враги славянства, сыны тьмы и века сего, оказались мудрыми в роде своем – в злобе, жестокости и алчности, в желании поработить и истребить славянство. Они так долго, скрытно и настойчиво готовились, они собрали такие запасы смертоносных орудий и запасов, они так предусмотрели необходимость изготовления совершенно неожиданных, иногда бесчеловечных средств борьбы, вроде чудовищных по размерам пушек или удушливых газов, – что, по сравнению с ними, и европейские союзные с нами страны, находящиеся в гораздо лучших по сравнению с нами условиях, в смысле технической подготовки, оказались отсталыми и мало подготовленными. Теперь и они в своей печати и в публичных заявлениях народному представительству признаются в этом и спешно принимают меры к торжеству над общим нашим врагом. Россия же, еще недавно вынесшая напряженную борьбу на Дальнем Востоке, пережившая тяжелые внутренние потрясения, миролюбивая и не готовившаяся к войне, редко населенная и поэтому не отличающаяся высоким развитием техники, к тому же вынужденная принять на себя наиболее тяжкие удары Австро-Германии, а на другом конце царства – удары Турции, естественно, не могла сравниться по обилию орудий и снарядов с врагами, хотя превосходит их и сознанием правоты своей брани, и доблестью во-

инов. Теперь и в России вся жизнь пришла в движение в единой цели: «все для войны», все для изготовления орудий и средств борьбы.

Итак, что из того, что враг получил видимый успех на войне? Успехи зла всегда бывают временными; его судьба известна и приговор ему написан: зло всегда бьет и побьет само себя... История тому свидетельница. И мы крепко верим, что и теперь успехи врага суть успехи временные и даже кратковременные. Уступлена мертвая земля, оставлены мертвые камни и укрепления городов, но главное, чего добивался враг, – а добивался он полного уничтожения нашей армии, – главное осталось неосуществленным: *живая* сила живого воинства нашего сохранена, и не только сохранена, но исполнена бодрости и крепости. Ибо что видим? Армия наша отступала с боем и, нанеся врагу огромный урон, утомив его, сама осталась неутомимой, исполненной воодушевления, и отступила с невиданным и чудным успехом, взяв более сотни тысяч пленных. Армия сильна и боеспособна. Россия сильна и воодушевлена желанием вести борьбу до конца, дух народа нашего силен и не поколеблен, и нет в нем ни тени утомления или уныния. Точно война только что начинается! Все это является верным залогом наших светлых упований на счастливое будущее, на скорую перемену военного счастья в нашу пользу.

Вы стоите и молитесь сегодня в этом чудном, Небеси подобном храме Христа Спасителя. Он воздвигнут благочестием русских царей и русского народа в благодарность Творцу за избавление России сто лет назад от нашествия предтечи нынешнего Вильгельма по безумно-безудержной гордыне, именно – Наполеона, восставшего против России с двадцатью народами,

среди которых были и теперешние враги наши. Не за пределами России взяты были тогда у нас города и земли, как это видим теперь в Галичине: Москва, самое сердце России, была уже во власти противника. Но единым путем пришедши, семью путями исходил от нас враг, и Господь увенчал оружие наше благословением победы. Да будет и теперь с нами по образу сего, да будет враг посрамлен и вынужден вновь отдать русскому народу в обладание его исконные земли – Русь Червонную!

Идите же, кому Бог приведет, и возвестите своему народу вы, учителя и учительницы его детей, – скажите о том, что вы видели и слышали: что русский народ – народ глубоко верующий и носит на себе печать Божьего изображения, благословения и высокого предназначения; что он есть упование жизни всех племен славянских, особенно племен угнетенных и покоренных; что Россия велика и сильна; что русский народ спокоен и исполнен решимости вести борьбу с врагами славянства – немцами и турками; что он любит и помнит старую русскую Галичину и верит в то, что приходит час ее свободы, и он недалек. Разделите в этой общей молитве нашей и вы с нами крепкую веру нашу в победоносный для нас исход великой борьбы славянства против германизма, крепкую веру нашу в великое обетование: если Бог за нас, то никто не устоит против нас! Аминь.

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТИЗМ¹

Нередко приходится встречать и слышать даже и теперь самоуверенно высказываемое мнение о том, что патриотические чувства или несовместимы с религией и христианством, или, по крайней мере, стоят от христианства особняком и в стороне. Нередко и нам, пастырям Церкви, приходится слышать укоры, упреки и обличения в том, что мы в слове церковном говорим не «о вопросах чистой религии», но и о вопросах, связанных с патриотизмом и «политикой». «Не ваше дело», – пишет мне некто по поводу последних наших бесед о бывших в Москве печальных событиях погрома и грабежей, – «не ваше дело оценивать общественные события, говорить за или против них; учите вере; хочется видеть в каждом священнике только апостола Павла; будьте же таким Павлом, который не знал ни эллина, ни иудея».

Но прежде всего, – Церковь есть *общество* верующих, «общество» же, и в обычном смысле слова понимаемое, подавляющим большинством своих членов входит в Церковь, поэтому и мы не можем не отвечать на приведенные недоумения и возражения, касающиеся церковно-общественного служения пастыря. Далее, жизнь нашего народа теперь вся проникнута настроениями, стоящими в зависимости от великой войны, которая затрагивает всех прежде всего тем, что от всех требует тех или других тяжких жертв, волнует удачами и неудачами, подчас обращается в вопрос о борьбе за самое существование народа: может ли священник, сын своего народа, своего време-

¹ Поучительное слово по поводу оставления русским воинством Перемышля и Львова.

ни, стоять вне, за пределами всех общественных и народных переживаний?

Но знают ли, наконец, апостола Павла и читали ли его священные послания те, кто на него так уверенно ссылаются? Если бы знали и читали, то именно в лице этого святого апостола увидели бы они образ истинного и горячего патриота! В текущие дни, по Уставу Церковному, возглашаются в храмах чтения из Послания святого апостола к римлянам. Вот что мы там слышим: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом», так необычно, – клятвою именем Христа и Духа Святого и собственной совестью начинает апостол свою речь. В чем же он клянется? Клянется в любви, в благоговейной и воодушевленной любви к своему народу: «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, *родных мне по плоти*, то есть израильтян, которым принадлежит усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетование, их и отцы, и от них Христос во плоти, *сущий над всеми Бог*, благословенный во веки. Аминь» (Рим. 9, 1–5). «Братие! Желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле – во спасение. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Бозе, но не по разуму!» (Рим. 10, 1–2). Так велика любовь святого апостола к родному по плоти и крови народу; она не менее любви Моисея, который тоже просил Бога на Синае лучше его самого истребить от земли живых, лишь бы простить грех народа и помиловать его.

В каком же положении был народ израильский в те дни, когда о нем так с тугою сердечною и вместе с величайшею любовью говорил святой апостол? И как он относился к самому

апостолу Павлу и к делу всей его жизни? А дело это апостол выразил в словах: «Живу уже не я, а живет во Мне Христос, если же я живу во плоти, то верю живу в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал. 2, 19). Для меня жить – Христос, а умереть – приобретение (Флп. 1, 21). Давно уже народ этот был поработан врагами, давно покорился языческому римскому государству; был он в презрении у всех народов мира и в довершение всего – что особенно было близко сердцу святого апостола – народ еврейский запятнал себя преступлением богоубийства в Иерусалиме, распятием Христа, Сына Божия, и сам отлучил себя от истины и любви Божией. А по отношению к христианству, которое проповедывал апостол, иудеи везде заняли самое враждебное положение. Они не только преследовали его в Иерусалиме и в Палестине, но шли за апостолом как бы по пятам повсюду: они возбуждали против Евангелия евреев, живших в рассеянии по всему тогдашнему миру; они забывали свое отвращение к язычникам и старались угодливостью к язычникам, подкупам, клеветой, всеми способами восстановить против христиан и римскую власть, и римских ученых, и толпы народа. Они проникали всюду и всюду сеяли клевету, недоверие к апостолу Павлу, роняя его и в глазах иудеев, и в глазах христиан. В настоящее время все более и более научно выясняется и подтверждается тот факт, что главными виновниками и подстрекателями гонений на христиан в языческом римском государстве были не римляне, не правители римские, а именно евреи... Они же, проникнув своими темными влияниями и нечистыми путями во дворец Нерона, направили злобу и подозрительность этого жестокого императора на христиан Рима,

и, невзирая на защиту закона и суда кесарева, славившегося беспристрастием и справедливостью, после того, как апостол Павел вполне оправдался от возводимых на него обвинений, все-таки вырвали у Нерона повеление казнить апостолов Павла и Петра. И такой-то народ все-таки любил святой апостол Павел, любил до самозабвения и полного самопожертвования!

Итак, нам ли не любить наш народ, родной по плоти, народ богоносный, а не богоборный, народ христианский, православный? И пастырю ли Церкви делать упрек за то, что он не может не жить радостями и горестями Родины?

А ныне мы, братия, действительно, – во днях печали и горести. С войны приходят нерадостные вести. Те крепости и города, которые недавно были завоеваны нашими войсками с великими трудами и усилиями, оставлены ими и вновь перешли под власть врагов. Мы вынуждены были отойти из страны древнерусской, из страны исконного обладания нашего, из Червонной Руси – из страны, которую мы уже привыкли считать своею и присоединенною раз навсегда к России, в которой мы уже успели положить начала нашей русской государственности.

Что же? Если апостол любил задавленный и даже преступный народ свой, потому что он был для него родным, то неужели наша любовь к своему народу умалится только потому, что он теперь испытывает дни печали и горести? Впрочем, не против народа и Родины обыкновенно в таких случаях направляется хмурое чувство недовольства, горечи и раздражения, а против правителей народа и против вождей армии. Ищут виновников... Злословят стоящих у власти... Водятся подозрениями... Обвиняют направо и налево в измене, подкупе, предательстве, в попустительстве...

Называют без всякого основания и без всяких доказательств те или другие имена... Ищут виновных!

О, эти поиски виновных! Как часто они силою несправедливой подозрительности вводят в грех целые поколения, рожают преступления, дают гибельные народные волнения и только помогают врагам! Как часто только чрез сотни лет беспристрастная история снимает обвинения с тех или других высших лиц и правителей, обвинения, созданные народною молвою в годину омрачения под влиянием несчастий государственной жизни, а иногда и сознательно, нарочито пущенные в народ злонамеренными подстрекателями! Откройте Библию: как легко создал в народе недовольство против царя Давида его родной сын Авессалом и вызвал междоусобие; как легко была настроена уличная толпа против Христа и требовала Его смерти! Вспомним родную историю: здесь, в Москве, царь Борис Годунов задыхался от клеветы, от перетолковыванья всех его действий самых благих в худую сторону, а народ шумно приветствовал проходивца-Лжедмитрия и возвел его на престол, чтобы скоро потом убить и тоже низвергнуть! Вспомните, скольких и каких лиц коснулась клевета в минувшую русско-японскую войну... Вспомним это хотя бы в Кремле у креста, что стоит на месте невинно убиенного и несправедливо оклеветанного Великого Князя Сергея Александровича... А теперь разве можем умолчать, что о лице столь же высокого положения распускаются нелепые слухи: оно 32 года служит России – его обвиняют в пристрастии к немцам; оно собирает огромные средства и жертвы на раненых и на войну – о нем говорят, что все это посылается в Германию; оно объезжает неутомимо все госпитали и лазареты и ни разу не было у пленных немцев – а о нем говорят, что оно одаряет раненых

русских солдат иконами и крестиками, а немцам дает золотые монеты! Может ли дальше идти несправедливая подозрительность и недостойное желание сорвать на ком-либо зло?! Это ли истинный патриотизм? Это ли достойное поведение народа во дни скорбей и неудач?

И неужели мы ждем только радостей и побед? Неужели думаем, что над нами в войне должно светить неизменно только солнце счастья? Но ведь если и в природе будет постоянно светить солнце, без бурь и гроз, без туч и дождей, то весь мир обратится в пустыню, и земля перестанет давать растения и плоды! И корабль, отправляясь в дальнейшее плавание, снаряжается так, что имеется в виду и хорошая погода и бури, и тишина в море и волнения. Неужели же матросы и путники будут правы, если при виде волн и во время непогоды станут обвинять кормчих и управителей корабля в том, что они допустили бурю и волны? А ведь то же самое бывает часто и в суждениях о войне. Мы не знаем во всех подробностях обстоятельств и условий военных действий. Мы только отчасти догадываемся, что у нас, как и у наших союзников, не хватает орудий и снарядов: а наши враги, готовясь к войне, приготовили всего этого так много, что могут иметь теперь временный успех в войне. Мы знаем только отчасти, как, кроме технической подготовки, нашим врагам помогает бессовестность в применении таких средств борьбы, как удушливые газы, которые запрещены международными договорами и которые мы по совести применять не можем. Мы знаем и то, что у врага имеется необычайно развитая сеть железных дорог, которая дает ему возможность быть всегда и везде, где он хочет, при быстроте перевозки войск, сильнее и многочисленнее, чем наши отдельные армии. Но мы знаем далеко не все, и не

можем, не смеем требовать или даже только желать, чтобы нам во всеуслышание все, касающееся положения и планов войны, было открыто, ибо это значило бы усиливать нашего врага. Мы должны знать и быть уверенными в том только, что если наши доблестные вожди и воины, не щадя ни силы, ни здоровья, ни жизни, взяли в свое время и Львов, и Галич, и Перемышль, то, вероятно, не без причины, и не без цели, и не без горести они теперь их оставили! Мы должны знать и быть уверенными, что если мы были с армией во дни побед и радовались ее радостями и успехами, то теперь должны быть с армией и во дни неудач и быть с нею одно по духу. Неужели та мать – настоящая мать, которая находится с детьми только тогда, когда они здоровы, веселы и беззаботно играют, и бросает их, сердится на них, когда они болеют и плачут? Неужели те дети – добрые дети, которые требуют от родителей только жертв, тогда только к ним обращаются, когда нужно что-либо от них взять и получить, – и отворачиваются от них, когда родители терпят недостаток?

Ученые уверяют, что так называемая «солнечная корона» бывает видима во всей красе, «окружая солнце наподобие сияния святых» (Мейер. Мироздание, с. 56) только во время полного солнечного затмения: так и корона, сияние, духовная краса и как бы святость народа становится виднее, ярче, прекраснее именно во дни затмения счастья, во дни скорбей и испытаний. Чем гуще тьма, тем звезды ярче...

В чем же теперь наша краса духовная, в чем истинный патриотизм?

Люби Родину, люби воинство, люби народ, родной по плоти и духу, тем с большею любовью и самоотвержением, чем тяжелее подвиги, которые несет наше воинство, чем тяжелее и

печальнее дни, которые оно переживает. Неужели думаете, что наши вожди, воины теперь не страдают глубоко? Неужели думаете, что они равнодушны к тому, что произошло помимо их воли, *в силу неодолимых обстоятельств*, в силу того, что есть невозможное и для героев, или в силу новых планов войны, которые надлежало принять под давлением тяжелой необходимости, но ради блага Родины?

Надейся на то, что в конце концов торжество врага окажется непрочным, временным, что общими усилиями и армии, и народа нашего, при напряжении всех сил, при верности наших союзников, *теперь уже видимо тающая и ослабевающая сила нашего врага* будет все-таки надломлена, и то, что мы уже по праву считали нашим достоянием, обладание Червонною Русью, снова к нам возвратится.

подавляй всеми силами разума и воли в себе чувство недовольства и уныния и не давай ему изливаться ни в жалких словах обвинений против правителей и вождей армии, ни в выслушивании тех хулителей, которые сами хорошо ничего не знают и обладают только одним свойством: развязностью языка, легкостью суждений, а больше – осуждений. Если когда, то именно теперь преступна всякая рознь между правителями и управляемыми, между начальниками и подчиненными.

Храни это единство народное, которое доселе мы наблюдали в России во все дни войны, и прежде всего – единство с Царем и Его правительством. Если бы что и было достойного осуждения в действиях и ошибках правителей, то теперь не время заниматься такими счетами; для того будет мирное время и законом открытые и разрешенные пути и средства для обсуждения действий и мероприятий правительства. Теперь же

одно должно быть у всех правило: все для войны – и армия, и флот, и фабрики, и заводы, и труд рабочих, и государственная производительность, и частная предприимчивость, и все наши средства духовные и материальные.

И притом – все в единении, все в доверии к правительству и все в помощь правительству.

Только теперь, во дни неудач военных, достигла до глубины сознания всех классов народа мысль о необходимости все отдать, все сделать для Родины, себя забыть, от себя отказаться, лишь бы только на всякое требование, идущее из армии, ответить кратким словом: «Готово»! Не будем упрекать никого, кроме себя, за то, что такое решение приходит как бы поздно: здесь и естественное следствие нашей миролюбивой прежде жизни, и следствие неожиданности войны, и главное – здесь *особая, исконная черта* характера русского народа... Но раз все это теперь сознано, то можно сказать, что война только начинается, и в этом – залог нашей бодрой веры в окончательное низложение врага и в торжество нашего правого дела. В этом смысле самые испытания наши, теперь переживаемые, являются благодетельными. Они вскроют и поднимут в нас источники истинного патриотизма. Если друг отдельного человека познается в несчастье, то и истинный патриот познается во дни горестей, испытываемых Отечеством.

Есть трогательный рассказ. Девочка в толпе отстала от матери и потеряла ее из виду. Со слезами, испуганная, растерянная ходила она и спрашивала встречных и окружающих: не видели ли они ее мамы, и где она? Девочку просили рассказать, какова ее мама, какого она возраста, вида, кто она... Девочка ответила: «Да разве вы не знаете? Та, которая всех лучше, всех

краше, вот это и есть моя мама!»

Так и Отечество, Родина, родной народ: что бы с ними ни было, каковы бы ни были скорбные обстоятельства, нами переживаемые, как бы ни больно для нашего самолюбия знать и ведать, что утеряны Галич, Ярослав, Перемышль, Львов, Черновицы: о, все-таки Родина наша всех краше, наше воинство всего нам дороже, наше государство для нас всего ближе, правительство – наше, родное, и наша любовь к родному народу, находящемуся ныне на высоте крестного своего подвига, – всего для нас выше!

И молитва каждого из нас по подобию апостольской молитвы: я хотел бы всего лишиться, от всего отказаться, лишь бы видеть народ наш и воинство наше в силе, в бодрости и в благословении успеха!

Таков был патриотизм, такова была любовь к своему народу, такова и проповедь великого и святого апостола Павла. Аминь.

СЛАБЫЕ ДУХОМ¹

Расслабленный, исцеленный Спасителем, был расслаблен телом, но не духом. Он не видел сам Иисуса Христа, но имел веру в Него только по рассказам других. Он не слышал учения Иисуса Христа, и, однако, уже заранее верил в Его чудодейственное слово настолько, что решился вместе с несшими его на необычайное дело прокопать кровлю дома, в котором был Иисус Христос, и у ног Его искать исцеления. Он, вместо слова об исцелении, услышал от Христа слово и весть о прощении грехов, и не возражал, не удивлялся, не осуждал Иисуса Христа, подобно книжникам и фарисеям, сидевшим тогда около Иисуса Христа и наблюдавшим за каждым Его словом и действием. И видя веру расслабленного и веру принесших его, Спаситель совершил над несчастным чудо исцеления.

Народ, видя чудо, прославил Бога, даровавшего власть такую человеку: так сказано в Евангелии. Он по-своему выразил глубокое чувство благоговения и радости, охватившее всех при виде чуда, выразил общие и вечные человеческие чувства пред вечным Промыслительным действием Божества в жизни мира и человечества. Ибо несказанное дело, великое чудо, поражающая картина – пробуждение и возникновение от смерти к жизни, от разрушения к воссозданию, где бы и в чем бы мы его ни наблюдали! Отчего так радостно волнует нас весна, когда живительные лучи солнца гонят мертвый саван снежный с лица земли и осыпают ее зеленью и цветами? Не радость ли здесь жизни в ее торжестве над смертью? Почему когда волну-

¹ Слово в Неделю 6-ю по Пятидесятнице [21 июня 1915 г.].

ется желтеющая нива и свежий лист шумит при звуке ветерка, – смиряется души нашей тревога, расходятся морщины на челе и счастье можем мы постигнуть на земле и в небесах мы видим Бога? Почему, в самом деле, нас охватывает высокое, какое-то торжественное настроение, когда мы идем хлебным полем, среди шумящей ржи? Отчего чувство высокого удовлетворения и как бы полноты жизни мы испытываем в саду, когда деревья отягощены созревающими и наливающимися плодами? Не приветствуем ли мы здесь бессознательно вечное творчество природы, как переданную ей чудную власть и силу Превечного Творца? Почему так отрадно взглянуть в чистые глаза ребенка, видеть выздоравливающего и возвращающегося к силе и бодрости после болезни человека, или просто человека отдохнувшего и бодрого после труда и утомления? Почему приятно видеть человека, только что получившего радостную весть о том, что несчастье прошло мимо него, что гибель его устранена и опасность, ему грозившая, миновала? Не потому ли, что жизнь здесь восторжествовала над смертью? О, блажен тот, кто умеет подметить, почувствовать и ощутить в себе это биение Богом данной миру и человеку жизни! Отчего так радостно волнует нас творчество человека: когда, например, архитектор из мертвого камня создает прекрасное здание, или когда художник из безжизненных красок создает картину, полную жизни и высокой красоты?

Исцеление расслабленного было тоже торжеством и победою вечной творческой силы Божества, восстановлением изначальной красоты творения, победою над тем искажением его, которое сделал грех человека и в самом человеке, и во всей природе. И Спаситель указал именно на это действие греха, ког-

да вместо исцеления тела и прежде исцеления тела восстановил гармонию и здоровье души несчастного страдальца, сказав ему: «Прощаются тебе грехи твои».

И если чувство благоговения охватывает нас при всяком проявлении творческой силы в мире материальном, то какое же благоговение должно быть у нас при проявлении Божественной творческой силы в области духа человеческого?! Лекарство, однако, помогает больному, но не мертвому: чудо милосердия дается грешному, но не духовно умершему. И таковым был расслабленный: он был недвижим телом, но не духом.

Есть много слабых духом, и мы часто бываем такими расслабленными. О, если бы мы не впали в смерть духовную! О, если бы мы не пришли в такое состояние, из которого уже нет возврата к жизни!.. Кто эти слабые духом? Они прежде всего изображены в том же евангельском рассказе об исцелении расслабленного. Это книжники и фарисеи, окружавшие Христа и бывшие свидетелями чуда. Они не преклонились пред Чудотворцем, они не умилились, как умилился народ при виде воссоздания духа и тела расслабленного. Они вместо этого предались в мыслях осуждению Иисуса Христа и обвинению Его в богохульстве. Вот вечный образец пустых отрицателей, пустых говорунов, пустого критиканства, которое всегда не творит жизнь, а опустошает ее! Вот предупреждение против этой слабости духа, которую наш век, наше поколение считает особою крепостью ума и признаком высшего духовного развития! Все осудить, все отвергнуть, все отрицать, ко всему отнестись недоверчиво, ничего не уважать, ни пред чем не преклониться: разве не этою смрадною духовною пищею живет большинство нашей интеллигенции? Разве не в этом полагается признак ума

и своеобразного таланта? О, поверьте, братие, голосу истории, который так подтверждается нашим печальным временем, точнее – безвременьем жизни, и который гласит и учит, что времена отрицательных веяний, господства неверия и критиканства, болезненной страсти осуждения и отрицания никогда не бывали творческими, никогда не давали жизни, никогда не делали людей счастливыми, а напротив, опустошали и разрушали жизнь. За последнее полувековье русское общество пережило два так называемых освободительных движения, со всеми крайностями отрицания, ненависти, борьбы за мнимую свободу, а главное – неверия. И что же дали нам эти времена? Где сильные люди, где таланты, где властители дум? Ни в литературе, ни в искусстве, ни в управлении, ни в одной области их нет... Все мелко, все неприметно, все серо, буднично и тоскливо! Все опустошило отрицание! Все умерщвляет слабость духовная, и нужным оказалось, в целях Промысла Божественного, такое испытание, такое потрясение жизни, как переживаемая война, которая, несомненно, поднимет дух у многих, очистит от налипшей грязи общественную жизнь, вновь как бы воскресит времена героизма и героев, закалит и укрепит многие слабые души и сердца...

И вместе с тем война как бы выявит всех слабых духом и вынесет их на суд. Помнится, десять лет назад, во время русско-японской войны, один изувеченный офицер, возвратившись на Родину, присмотревшись к жизни внутри России, сделал в печати горькое признание: «Я, говорил он, дома вторично ранен в душу, в сердце, и эта рана тяжелее и мучительнее моего физического увечья, полученного на войне». Что же случилось? В армии было тогда бодрое настроение, твердая решимость вести борьбу с врагом до конца – и ее тогда довели бы до победы – а

внутри России царил растерянность, все кричали о тяжести и бесполезности дальнейшей войны, печать требовала «мира во что бы то ни стало»... Какая-то мать горько жаловалась в газете на то, что у нее взяли сына на войну, что ей его жалко, что поэтому надо прекратить войну, а печать вместо того, чтоб указывать на высокое сознание долга, стояла на стороне унывающей женщины и одобряла ее унылые жалобы, внушая и всем матерям, что и им нужно искать и желать того же самого.

А теперь кому нужна твердость духа, и где наносят неисчислимый вред слабые духом? Конечно, крепость духа нужна нашим дорогим братьям-воинам, подвигающимся на брани. Но они ведь – часть великого народного тела. Если туловище омертвело и голова омрачена, могут ли действовать руки и ноги? И до них дойдет скоро холод смерти, и они перестанут двигаться и действовать. Поэтому и всему народу нужно быть твердым и крепким по духу, и как здоровый организм успешно выталкивает из себя всякую занозу, как постороннее тело, успешно борется с местной раной, царапиной, нагноением, так и здоровый и крепкий духом организм народный должен выталкивать из себя всякую слабость духовную, всякое уныние – это нагноение на здоровом теле.

Что же видим?

Армия наша, несомненно, крепка духом. В ней царит бодрое настроение, в ней живет уверенность в грядущей победе, она бодро переносит временные неудачи и, не падая духом, напротив, возрастая в решимости и силе, по мере препятствий, создаваемых врагом, употребляет все усилия, чтобы задержать врага, а потом, при благоприятных условиях, перейти к решительному наступлению. А внутри России? Слава Богу, крепко

наш народ и нет слабости духа общей, но есть отдельные лица, отдельные небольшие группы таких лиц, которые именно достойны названия слабых духом. Это именно занозы в духовном организме народном...

Слабые духом создают в своем воображении страхи и ужасы, распускают слухи о несуществующих опасностях и несчастьях армии. Они делают это с какою-то непонятною охотой, даже с любовью, они не верят никаким успокоительным известиям, они готовят себя и других только к одним несчастьям. Поистине сбываются над ними слова псалмопевца: бегают нечестивый, ни единому же гонящу; тамо убояшася страха, идеже не бе страх... [ср.: Пс. 13, 5; Притч. 28, 1].

Слабые духом преувеличивают силы врага, невзирая на очевидные признаки его теперешнего истощения, готовы видеть у врага только одно хорошее; нет среди врагов, по их мнению, – нет ни больных, ни раненых, ни потерь, ни замешательства и расстройств жизни, там только порядок и во всем довольство. И вспоминаются изображенные в Библии соглядатаи, которых послал Моисей осмотреть обетованную для Израиля землю Ханаанскую. Десять их было, и только двое, возвратившись, говорили, что Бог даст Израилю то, что обещал, что землю Ханаанскую Израиль теперь может принять в обладание. То были Иисус Навин и Халев. А восемь было слабых духом: они уверяли, что земля неприступна, крепости врагов страшны, воины непобедимы; им показались там необычайные великаны, и они навели на народ такой страх и уныние своими рассказами, что народ бросился назад... Сорок лет должен он был странствовать в пустыне, пока умерли все эти слабые духом, пока не выросло молодое крепкое поколение, воспитанное в суровой шко-

ле пустыни, лишений и труда, умерли и все соглядатаи, кроме Иисуса Навина и Халева. И тогда только Господь отдал землю обетованную Израилю.

Но ведь и русский народ – народ, избранный для хранения истины и для великих мировых деяний, и нам суждена победа, и мы, подобно Иисусу Навину и Халеву, должны быть твердыми духом и верить в Божие изволение о великом будущем нашего народа.

Слабые духом бранят союзников наших и, не зная ничего хорошо, готовы преподавать союзным вождям и армиям бесполезные советы, как им надо воевать, куда направлять войска и как побеждать врага.

Слабые духом охотно выдумывают и выслушивают различные нелепые рассказы и обвинения, направленные то против генералов, то против высокопоставленных лиц и правителей, везде готовы видеть то неуменье, то лень, то нераспорядительность, то продажность, то предательство; они сочиняют небылицы то о поранениях Верховного Главнокомандующего, то о покушениях на его жизнь, то о каких-то нестроениях среди генералов. Потом, когда сочинив подобные нелепости, они слышат то же от других, они еще более пугаются и приходят к мысли, что все это правда, ибо и другие подтверждают те же вести: они забывают, что ими же выпущенная выдумка к ним и возвращается.

Слабые духом не верят в окончательную победу над врагом, и нужно им только дать небольшое послабление, высказать мимолетное сочувствие, чтоб они объединились и стали создавать то же настроение, какое, к стыду нашему и несчастью, стало некогда господствующим во время минувшей русско-японской войны.

Будем же тверды и крепки духом, и не дадим унылым и слабым духом господствовать в жизни! Долой всякое отрицание, пустое критиканство, всякую слабость духа! Пусть будет созидание и творчество жизни, а не разрушение и смерть. Пусть господствует бодрая вера, а не мертвящее уныние. Если человеку внушить, что направо и налево от него разверзлись пропасти, то он не сдвинется с места, задрожат его ноги и перестанут ему повиноваться. Так и народ, если внушить ему представление опасностей и ожидание несчастий, будучи сильным и здоровым, вдруг почувствует себя расслабленным.

Источник веры и бодрости есть вера религиозная, молитва и надежда. Исцеление расслабленных – у ног Христовых, в Его Святой Церкви. Будем и пребудем в сей смиренной нашей вере. Крепость моя и пение мое Господь и бысть мне во спасение; Господь крепость людем Своим даст, Господь благословит люди Своя миром! [Пс. 117, 14; 28, 11]. Аминь.

ОПРАВДАНИЕ ЗВАНИЯ ВОИНА¹

Киими похвальными венцы, киими песненными добротами, киими духовными песнями увенчаем, воспоем, восхвалим Петра и Павла? Богоразумия крылья, реки премудрости, безбожья заклавшая незатыкаемая уста, страшные духа мечи, всея вселенныя питатели, Новаго Завета богописанныя скрижали мысленныя... (Из богослужебных песнопений).

Понятны, естественны, уместны эти восторженные похвалы церковно-богослужебного слова в честь святых и первоверховных апостолов, столько потрудившихся для благовестия и уяснения Христова учения, столько сделавших для Церкви, обогривших мученической кровию, запечатлевших смертью своею святое свое апостольское дело. Воистину это были бесстрашные воины Христа Бога нашего. Понятны похвалы в честь великих учителей, которые и донныне дают, и будут навеки давать нам в руки страшные духа мечи против безбожия и нечестия, против всякого искажения евангельского слова, против тех незатыкаемых уст клеветы, смущения, которыми непокорные Церкви и горделивые лжесловесники действуют из века в век и будут действовать до скончания века, по предречению Господа.

И теперь, в наши тревожные дни, отверзаются эти незатыкаемые уста лжи. Спаситель, изобразив пред апостолами будущие времена Церкви и всего мира, предрек им, что услышим мы о войнах и военных слухах, что восстанет народ на народ и царство на царство, что только претерпевший до конца спасется.

¹ Слово войскам на Ходынском поле в Москве в праздник апостолов Петра и Павла 29 июня 1915 г.

И здесь же Он предупредил, что многие придут в эти дни войны во имя Христа и многих прельстят (Мф. 24, 5 и 11).

Не видим ли нечто подобное и теперь?

Мы знаем, что как раз теперь отвечают пред судом последователи Толстого, этого страшного и злобного ненавистника воинства. Именем Христа и Евангелия Толстой отвергает всякую войну и отрицает всякое войско и военную службу, и именем Христа он уже очень многих прельстил. Прельщенные им теперь и отвечают пред судом.

Спаситель, предрекая в Евангелии о будущих лжепророках, указал признаки, по которым их можно распознать: от плодов их, говорит Он, вы узнаете их; они приходят в одежде овечьей, а внутри – хищные волки. Не собирают от терновника винограда и от репейника смоквы: плоды учения лжепророков не могут быть добрыми, ибо от дурного дерева не бывает хороших плодов (ср.: Мф. 7, 16–17).

Что если бы за Толстым последовала не кучка сбитых с толку людей, а вся Россия? Какой бы плод был теперь от этого дерева? Вся Россия теперь уже была бы в руках врагов наших – немцев, славянские племена и русский народ обречены были бы на рабство и уничтожение, Православие было бы в гонении, святыни наши были бы разорены и разрушены. Вот какие были бы плоды учения Толстого.

Мы знаем далее, что в самом начале войны незатыкаемые уста врагов здоровой и христианской общественной жизни, в лице социал-демократов, пытались выпустить особые воззвания к народу и войску о том, чтобы прекратить войну и не помогать правительству в борьбе с Германией. И странное дело, немецкие социал-демократы как раз в это время, наоборот, вы-

сказались за то, что они должны вести войну с Россией и помогать своему королю и правительству. То же сделали социал-демократы во Франции и Италии; только русские социалисты вынесли нелепое изменническое, предательское решение. И еще более странно и прямо возмутительно то, что социал-демократы, по существу, по самой природе социализма, отвергающие Бога, Его волю и будущую загробную жизнь, однако для более успешного воздействия на народ наш тоже ссылаются на учение Христа и апостолов, будто бы отвергающее самое воинское звание.

Наконец, незатыкаемые уста врагов нашего государственного порядка продолжают пускать в армию и народ всякие подметные листки, прокламации, печатаемые, думаем, на немецкие деньги, а иногда – последний предел наглости – рассыпаемые немцами с немецких вражеских аэропланов, с призывами прекратить войну, как дело небогоугодное и притом, в отношении победоносного исхода, якобы бесполезное. И опять ссылки на Христа и Его святых апостолов! Дальше идти некуда в обмане и лицемерии.

Итак, спросим ныне первоверховных апостолов, ближайших учеников Христа, истолкователей Его учения, спросим, как они нас учат, как они смотрят на войну и воинское звание. Не спрашиваем вторично Господа Иисуса и Его Евангелия: ибо мы слышали уже, что Он предсказал: услышати имате брани и слышания бранем; зрите, не ужасайтесь, *подобает бо всем сим быти...* (Мф. 24, 6).

Он ведь и Сам в пророческом изображении Симеона Богоприимца наименован был *знаменем* воинским, знаменем пререкаемым, то есть таким, около которого навсегда имеет быть

ожесточенная сеча... Он Сам с великою похвалою отозвался о воине, римском сотнике, то есть офицере римского войска в Капернауме и, восхвалив пред всем народом веру его, совершив по просьбе его исцеление его слуги-воина, не потребовал от него отказа от воинского звания, как делают это теперь, прикрываясь ложно именем Христа, толстовцы, отрицающие воинское звание и называющие каждого воина палачом и разбойником.

Спросим же первоверховных апостолов: как заповедали они относиться к воинскому званию?

В 10-й главе Священной Книги Деяний Апостольских читаем мы об особом откровении от Бога святому апостолу Петру, с повелением ему идти без всякого колебания и сомнения с проповедью Евангелия к некоему римскому офицеру, к сотнику Корнилию, чтобы обратить его ко Христу, ввести в Церковь и через это самым делом разрешить волновавший тогда христиан вопрос о том, можно ли принимать в Церковь уверовавших из не-евреев – из язычников. *Вместе с несколькими братьями, христианами из Иоппии*, апостол Петр, после бывшего видения, в сопровождении трех человек, посланных от Корнилия, идет к нему в город Кесарию. Из всей обстановки, из всех событий, предшествовавших и последующих, мы видим, что готовится нечто важное. Так смотрел естественно апостол Петр, в виду бывшего ему откровения свыше, так смотрел и сотник Корнилий, которому, оказывается, также было особое видение и указание свыше. Происходит торжественная встреча: Корнилий ожидал апостола Петра и сопровождавших его лиц, «созвав родственников своих и близких друзей», – без сомнения, конечно, из своего же военного круга. Когда Петр с сопровождавшими его входил в дом Корнилия, последний встретил его и поклонил-

ся, «падши к ногам его», – глубокое и необычайное смирение римского офицера пред неизвестным евреем, сыном покоренного Римом и презренного тогда народа! «Петр вошел в дом и *нашел многих собравшихся*. И сказал им: вы знаете, что иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтоб я не почитал ни одного человека скверным или нечистым. Почему я, будучи позван, пришел беспрекословно. Итак, спрашиваю: для какого дела вы призвали меня? Корнилий сказал: четвертого дня я постился и... молился в своем доме, и вот стал предо мною муж в светлой одежде и говорит: Корнилий, услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом. Итак, пошли в Иоппию и призови Симона, называемого Петром; он придет и скажет тебе. Тотчас я послал к тебе, и ты хорошо сделал, что пришел. Теперь *все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что поведено тебе от Бога*». Петр отверз уста свои и сказал: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но *во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему*»... В продолжительной проповеди апостол Петр возвещает затем Корнилию, его родным и друзьям, – «многим собравшимся», очевидно, таким же воинам, как Корнилий, – возвещает слово о Христе и Его Евангелии. Ясно, что, будучи воином, Корнилий и до этого времени был «боящимся Бога и поступающим по правде», и воинское звание не отдаляло его от Бога; ясно, что в этом звании удостоился он видения и откровения от Бога; ясно, что если бы теперь в Новом Завете воинское звание было противно Евангелию, то апостол Петр и его спутники – иоппийские христиане – сказали бы об этом прежде всего Корнилию и окружавшим его воинам, как это делают теперь последователи Толстого, беседуя с воинами. Между тем,

в своей проповеди, обращаемой к Корнилию и его дому, апостол Петр ни единым словом не указал, что теперь, в христианстве, чтобы быть «боящимся Бога и поступающим по правде», необходимо оставить воинское звание. А проповедь апостола Петра в этом случае была в полном смысле единственная: «Когда Петр, – сказано в Священной Книге Деяний, – еще продолжал речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово»: они приняли сверхъестественным указанием и действием сверхъестественный дар христианства даже раньше Крещения! И апостол Петр воскликнул: «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?» Так разрешен был общецерковный вопрос о принятии в Церковь верующих из язычников, а для нас, одновременно и попутно, разрешен не для всех ясный вопрос и о воинском звании.

Пусть же воины служат своему делу, пусть исполняют ревностно долг своего звания! Чтобы быть христианами и сынами Церкви, они, будучи воинами, должны искать одного: бояться Бога и поступать по правде. Такова заповедь первоверховного апостола Петра.

Послушаем великого первоверховного Павла.

Во всех его посланиях мы видим множество образов, примеров, подобию, сравнений, взятых из жизни воинской. То он убеждает христиан принять всеоружие Божие, щит веры, меч духовный (Еф. 6, 17), то он заповедует епископу Тимофею быть добрым воином Иисуса Христа и пострадать за дело своего служения, тем самым показывая, что в самом служении воина апостол видит не мучительство, не дело палача или разбойника, а мученичество и подвиг для ближних (2 Тим. 2, 3; ср. 1 Тим. 1, 18); то он пастырям разрешает жить от благовестия, ссылаясь

на то, что и воин никогда не служит на своем содержании (1 Кор. 9, 7); то он призывает к бодрому и неустанному, решительному, бесповоротному и безраздельному служению делу Христову, замечая, что никакой воин негоден военачальнику, если одновременно с воинским занятием предан купле и заботам житейским (2 Тим. 2, 4). Неужели после этого можно думать, что в глазах апостола воинское звание было унинительно или противно христианству? Неужели слово наставления епископу Тимофею означает: ты же будь, как добрый палач или разбойник Иисуса Христа? А ведь именно так хочет понимать эти слова лжеучитель Толстой! Но вот место из послания апостола Павла, в котором он прославляет древних судей Израиля и указывает, в чем особенно проявилась в их деятельности чудодейственная помощь Божия: «Они верою *побеждали царства*, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, *избегали острия меча*, укреплялись от немощи, *были крепки на войне, прогоняли полки чужих*» (Евр. 11, 33–34).

Нужно ли иное, более ясное и твердое свидетельство и признание воинского дела и звания, и более ясное слово похвалы воину верующему, отстаивающему на брани дело Божие? Вот почему святой Павел, первоверховный апостол и вселенский учитель, никогда не требовал, чтобы воины, приходя в Церковь чрез веру во Христа и Крещение, отрекались от своего звания. Воину, хранителю темницы в городе Филиппах, куда был ввергнут апостол, на вопрос: что мне делать? – он ответил одно: «Крестись и ты, и весь дом твой» (ср.: Деян. 16, 31–33) – и только; от него не потребовалось оставить свое тяжелое служение... И вообще всегдашним правилом апостола Павла в этих случаях было то, что сказано им в послании к

коринфянам: «Каждый оставайся в том звании, в котором ты призван», то есть в котором захватило тебя обращение твое к вере во Христа (1 Кор. 7, 17).

Итак, незатываемые уста клеветы и искажения истины, клеветы, отрицающей и унижающей воинское звание ссылками на учение Христа и Его апостолов, – заграждаются и посрамляются словами первоверховных Петра и Павла.

Будьте же вы, воины, в уповании и твердой уверенности, что за вас Слово Божие – Святое Евангелие и Апостольское святое учение. В этой уверенности идите на свой подвиг, взирая на Начальника веры, Начальника всякого подвига и Совершителя нашего спасения Иисуса. Стойте в вере, бодрствуйте, мужайтесь, укрепляйтесь (1 Кор. 16, 13), тверды бывайте, непоступливы (1 Кор. 15, 58): такой, как бы воинский, клич слышим мы от святых апостолов.

И Бог терпения и всякого утешения да поможет вам, подобно древним судиям – воителям, вождям и воинам Израиля, верою побеждать враждебные царства, содевать правду, угашать силу огня, быть крепкими в брани, обращать в бегство полки чуждых! Аминь.

СМЫСЛ ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ¹

Иже добродетелей подвижник, яко *истинный воин* Христа Бога, на страсти вельми подвизался еси в жизни временней...

Итак, преподобный Сергей именуется истинным воином духовным. Ко времени теперь такое моление и ко времени это слово о войне и воинствовании. Церковь в этой своей богослужбной песни, взяв для прославления великого святого образ из военной жизни, тем самым уже определяет свое отношение к воинскому званию, как к чему-то высокому, достойному внимания и подражания. И делом преподобный Сергей показал то же, когда дал великому князю Димитрию Донскому двух иноков для участия в Куликовской битве. Для людей же, готовых усомниться в учительном значении богослужбных песнопений, как написанных значительно позднее Евангелия и Апостольских посланий и отобразивших в себе воззрения обыкновенных людей, а не апостолов, – для таких людей скажем, что, во-первых, богослужение отражает учение всей Церкви, а не отдельных лиц – составителей песнопений, часто совершенно неведомых, безымянных, а, во-вторых, в данном молитвословии, прославляющем преподобного Сергия, Святая Церковь буквально повторяет именно апостольские слова. Они читаются в предсмертных, задушевнейших посланиях апостола Павла к ученику его, «возлюбленному сыну веры» Тимофею. Его апостол оставляет епископом, ему передает и вверяет свое дело, ему преподает последние свои наставления, ему шлет предсмертный

¹ Поучение 5 июля 1915 г., в день памяти преподобного Сергия, в соборе святого Василия Блаженного.

прощальный привет... О, Тимофей, пишет апостол языков, ты измлада знаешь Священное Писание, могущее тебя умудрить в спасение, в нем поучайся, в нем пребывай, но и предание апостольское сохрани, и добрым и достойным людям его передай; из этих источников почерпай свое учение, проповедай его, обличи, умоли, запрети со всяким долготерпением, будь сам образцом для верных словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою, – и знай, что будет время, когда здравого учения не послушают и по прихотям своим будут избирать себе учителей, знай, что многие потерпят кораблекрушение в вере и, от истины отвратившись, будут преследовать и гнать учителей истины... Вот и я уже приношусь в жертву, я в узах и темнице связан, но слово Божие не вяжется! А ты пребывай в том, в чем ты наставлен, терпи скорби, будь готов на все, *как истинный воин Иисуса Христа...*

Два раза, в каждом из своих посланий к Тимофею, апостол Павел прибегает к этому сравнению христианина с воином. «Преподаю тебе, сын мой Тимофей, *чтобы ты воинствовал, как добрый воин*, имея веру и добрую совесть, которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере», – так говорит апостол в первом послании (1 Тим. 1, 18–19).

«Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня; переноси страдания, *как добрый воин Иисуса Христа*. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчается, если незаконно будет подвизаться», – так пишет апостол во втором, последнем своем послании (2 Тим. 2, 3–5).

Итак, остается ли хоть малейшее сомнение в том, что такое самая сущность воинского звания?

И все-таки те, которые потерпели кораблекрушение в вере от гордыни, те, которые здравого учения не слушают, но по своим прихотям избирают себе учителей, именно Толстой и толстовцы, в наше время ополчились и ополчаются против воинского звания во имя пресловутого «непротивления злу» и сущность воинского звания выражают в грубых и резких, нетерпеливых отзывах: воин, по этому учению, есть убийца, разбойник и палач, и воинствование – это есть приготовление к коллективному убийству и к общенародному преступлению против христианства. Если поверить таким суждениям, то выйдет, что приведенные слова апостола Павла надобно читать так: «Завещаю тебе, Тимофей, чтобы ты разбойничал, как добрый убийца и палач, имея веру и добрую совесть»... И еще: «Переноси страдания, как добрый разбойник, палач и убийца Иисуса Христа»... Можно ли идти дальше в нелепости и ослеплении? Можно ли проявить большее упорство в принятии и понимании истины?

Апостол как бы нарочно отмечает, что не всякое страдание нравственно ценно, поэтому и добавляет, что не венчается тот, кто незаконно страдает, и отсюда дает нам ясное понятие о том, что такое истинный воин-христианин.

Это *подвижник*, избранный подвижник, безраздельно и всецело отданный своему делу и служению, с полным самозабвением. Хорошо иметь попечение о семье, о близких, и сам же апостол в том же послании своем говорит, что если кто о своих и особенно о домашних не заботится, тот отрекся от веры и хуже неверного (1 Тим. 5, 8). Но если воинское звание требует оставить и семью, и детей, то надо принести и эту жертву, не «связывать себя куплями и попечениями житейскими», и идти на свой подвиг. Отсюда подобает склониться низко в уважении

и почтении к воинскому званию, а не награждать за подвиг презренными именами, как это делает злобный, горделивый, нетерпимый фанатик-сектант Толстой.

Воин, далее, – это *страдалец* за Родину и за все то, что Родине дорого, – за веру, за прошлое и будущее народа своего, за его духовный склад и духовные сокровища. Здесь у него родство с мучениками за Христа и за веру. Ибо всякое исполнение долга Христа ради и Евангелия, при готовности и решимости хранить и исполнять свое дело до крови и смерти, есть мученичество.

Воин – это *жертва* за народ, за Отечество, за ближних, за наш покой и безопасность. Его кровь и страдания искупают грехи народа, грехи наши, которые привлекают Божию кару на народ. Так что жертва воина кровью и жизнью есть жертва очистительная. «Блаженнее даяти, нежели приимати», – говорит Сам Христос (Деян. 20, 35): вот основание для светлых чаяний наших о загробной судьбе и блаженстве воинов, принявших смерть за Родину.

Воин – это крестоносец, взявший тяготу жизни, иногда, как в наши дни, тяготу исторических и мировых задач на свои плечи и несущий эту ношу с бодростью и воодушевлением. Какой позор быть последователем учения величайшего себялюбца Толстого, всю жизнь утопавшего в роскоши и удобствах, – какой позор издеваться над нашими крестоносцами, нашими воинами, взявшими ношу мира сего, бремя истории, и несущими эту тяготу до полного изнеможения!

Воин – это человек, идущий прежде всего *не убивать, а умереть*, быть убитым, это не злодей, не палач, а человек, подвергшийся нападению злодеев и палачей, и не сам лично, а в

лице близких, в лице других, которых никто не имеет права отдавать на терзание ради каких-то отвлеченных суждений тупого самодовольства толстовского.

Но если таков христианский воин, то таков же должен быть и христианский народ во время войны. И мы все – в войне вынужденной, *и мы все – в крестном подвиге*, и мы все подвижаемся вместе с нашими воинами и молитвою, и слезами, и скорбью, и всеми видами жертв и пособий на военные нужды и на умягчение жертв войны, и напряжением всех сил народных.

И если когда, то теперь с особою силою приложимо к нам увещание апостола, которое сегодня слышим мы вслух всех верующих:

«Умоляю вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях» (1 Кор. 1, 10).

Будем каждый, по подобию и примеру великого и святого патриота и народолюбца, преподобного Сергия, – «яко истинный воин Христа Бога», все забудем, все оставим, все отдадим в помощь воинству и на благо Родины! Аминь.

ВЕЛИКОЕ ЕДИНЕНИЕ¹

Праздник Казанской иконы Божией Матери избран Святейшим Синодом для всенародной нашей молитвы к Господу о даровании победы нашему православному христоролюбивому воинству.

На этой исторической площади нашей древнепрестольной Москвы, где стоят, как бы на священной страже и в непрестанное поучение, вековые храмы – соборы Покровский и Казанский, наша сегодняшняя молитва всенародная приобретает особое значение, в осенении великих исторических воспоминаний. Взята была некогда Казань, разрушено было враждебное неверное царство – и открылась русскому народу мировая дорога на Восток. Тогда воздвигнут был в Москве этот храм победы, храм заветный и обетный, Покровский собор, а в городе Казани, в знамение небесного благословения народу русскому, явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Пришла потом на Русь гроза с запада, Россия была в порабощении – и к полоненному Кремлю пришла Царица Небесная в Казанском чудотворном образе Своем; сокрушена была вражеская гордыня, и освобожденной России открыта была мировая дорога на запад. Тогда воздвигнут был здесь, в Москве, этот храм освобождения – Казанский собор.

Что дало тогда и победу, и свободу русскому народу?

В казанском походе мы видим прежде всего единение, великое единение царя и народа; во дни освобождения Москвы,

¹ Речь после всенародного молебствия на Красной площади и после прочтения послания Святейшего Синода, 8 июля 1915 г. Сказано при благословении народа владыкой-митрополитом у Спасских ворот.

при Минине и Пожарском, видим мы великую тоску народа по угасшей царской власти, сознание ее необходимости.

Люди русские, православные! И теперь, во дни тяжелой войны, будем крепко и нерушимо хранить наше единение с Царем нашим Венчанным, будем понимать, ценить извечные благодеяния единодержавия Царского, будем соединены с Царем и Его Домом любовью крепкою, как смерть: и нам Господь пошлет победу над врагом и свободу от его нашествия.

В походе казанском было великое единение всех сынов Отечества между собою; во дни же освобождения Москвы, во дни Минина и Пожарского, нарушенное пред тем единение было восстановлено; все шли тогда на бранный подвиг за веру Православную, за дом Пресвятой Богородицы, за Родину, все были едино, как один человек.

Люди русские, православные! Сохраним и мы теперь наше единство! Да не будут среди нас распри и раздоры, да не будет соблазна кого-либо осуждать, выискивать виновных, создавать тревожные слухи или внимать им. Нет, как один человек, станем все на молитву, на бодрый труд, всё принесем, всё отдадим для нашего воинства и дадим ему всё необходимое для победы – в крепком единении с поставленным от Царя правительством.

В походе казанском и во дни освобождения Москвы от врагов триста лет назад вдруг осенило, всецело и глубоко захватило всех на Руси сознание общего дела, общего подвига, общих целей, общего спасения, сознание великого будущего России, в освещении религиозного призвания русского народа.

Люди русские, православные! Величие нашего призвания не умалилось, будущее нашего народа и теперь великое, мировое, истина веры и Православия с нами! В крепкой любви к

прошлому утвердим настоящее, отстоим Россию от врага для безмерно великого ее будущего и соединимся в вере, молитве, уповании, в готовности на все жертвы! Потерпим, потерпим временно и испытания, будем ожидать, пока враг истощит все свои, предательски задолго вперед накопленные и собранные орудия и пособия войны. Поверьте, уже тает его крепость, приходит ей конец, последние напрягает он усилия, спешит он видимым успехом приблизить поскорее конец войны, чтобы выйти из нее хоть как-нибудь без окончательного позора. Надобно нам теперь терпеливо ждать, не смущаться его наступлением, его видимыми, временными успехами. Растет великая сила нашего воинства. Близок день, изготовятся для него орудия и снаряды в неизмеримом количестве, станет Русь во всей своей силе, вся устремленная к единой цели, – к победе и одолению над врагом, коварно и нежданно напавшим на мирный народ наш.

К молитве, к воодушевлению, к бодрости, к терпению, к благочестию и к неустанному труду и подвигу – вот к чему зовет нас теперь тяжкая война. И о сем-то и напоминает ныне высшая власть нашей родной Русской Православной Церкви – в прочитанном сегодня всенародно пастырском послании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода. Примем его с благоговением и умилением!

ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ¹

Не найдется среди народов и государств мира подобного русскому народу и русскому государству в отношении причин и побуждений любви к родной земле, как их указал и заповедал нам святой князь Владимир, креститель и просветитель России, память которого сегодня чтит русская земля.

Не одни русские, конечно, любят свой народ, свое Отечество. Мы знаем, что все народы, пока они не начали духовно вырождаться, отличаются этим свойством. Это – требование самой природы человека, подобно любви к своей жизни. Но ни у кого не может быть любовь к Отечеству столь духовною, чистою, возвышенною и святою, столь осмысленною и глубоко удовлетворяющею совесть, сердце, как именно у русского народа.

Почему так?

Потому, что любовь к своему народу естественная, без *духовной основы*, всегда есть любовь до некоторой степени животная, себялюбивая, всегда имеет цели корыстные. Такова она, например, у немцев, воюющих теперь с Россией: австрийцы, мы видим, захотели взять земли у небольшого соседнего им, нам родственного по вере и крови, народа сербского; германцы хотят взять земли Польши и земли русские, сопредельные с Германией, и обратить русский многочисленный народ в данника, зависящего в отношении материальном и в других отношениях от немцев. Такая животная любовь к своему Отечеству и застав-

¹ Ко дню 900-летия со дня блаженной кончины святого равноапостольного князя Владимира 15 июля 1915 г.

ляет немцев идти на неслыханные жестокости и преступления во время теперешней войны.

Иная любовь к Отечеству у народа русского. Это – любовь христианина – совестливая любовь и одухотворенная. Святой Владимир Равноапостольный дал русскому народу сразу два блага: и купель Крещения, и колыбель государственности. Русский народ, по воле Промысла, не успел до своего Крещения, до своего хождения в Церковь Христову, создать государственную власть, законы, прочные обычаи, уклад общественной жизни. Поэтому русская государственность, так сказать, от дней своего изначального детства создавалась, росла, развивалась и жила под благотворным воздействием христианской веры и Церкви. Наши государственные законы – это евангельские законы; наши обычаи – это христианские обычаи; наши государственные задачи совпадали и совпадают с церковными задачами, русские князья и цари действовали не вразрез, а в полном согласии со святителями Церкви Божьей, и оттого иногда и святители творили дело государственное, когда это было неизбежно, и святители не боялись этого дела, ибо русская христианская государственность не требовала от святителей чего-либо противного их христианской и пастырской совести. Для русского человека Русь была и остается донине не только родным народом, не только русским Отечеством, не только Русью русскою, своею, близкою, родною, но и Русью Святою. Служить Отечеству и Церкви стало для русского человека равнозначущим, ибо и государство искало Божьего благословения, государство желало видеть своих подданных святыми, благочестивыми, правоверующими и спасенными.

Вот почему русская государственность была и остается донине христианскою и совестливою. Русский народ трудно себе и представить таким, каким является, например, народ немецкий. Теперешний немецкий император в день объявления войны России, собравши народ перед своим дворцом, сказал ему речь, перепечатанную потом во всех газетах. Он говорил народу своему, что в России много земли, что многие русские помещики живут богаче, чем немецкие князья, что немцы, завладевши русскими землями, вытеснят русских, а сами хорошо возделают нивы и будут жить сытно и богато. И немцы, потому именно, что они не православные, а лютеране, охотно слушали такие речи, и со звериным ожесточением ринулись на войну. Подумайте, что бы на такую речь ответил человек русский? Он бы сказал: А Бог-то где? А Христос-то что заповедал? А Евангелие-то что говорит? А совесть-то моя что скажет?

Русский народ сказал бы, что такую речь пригоже слушать разбойнику с большой дороги, вору и грабителю, а вовсе не христианскому народу. И русский народ, конечно, теперь тоже пошел на войну. Но он пошел потому, что на это вызван, потому, что он защищает свои святыни и веру; потому, что он защищает ближних своих и родственные ему славянские племена, задавленные и обиженные немцами. На войну разбойничью русский народ никогда бы не пошел.

Мы любим больше жизни Святую Церковь, а народ православный русский входит в Церковь, он есть народ *воцерковленный*, народ церковный, оттого служение народу и Отечеству есть у него вместе и служение Церкви; защита народа и государства есть защита святынь Церкви; цели, задачи существования и де-

ятельности народа и государства есть продолжение служения Церкви и помощь ей в святом и вечном ее деле.

Любовь к родному народу у нас, у русских православных людей, есть не животный патриотизм, а одухотворенный, это не своекорыстное себялюбие, а самоотречение и самоотвержение евангельское, это не искание благ земных, а служение благам духовным. Такую любовь к Родине дало нам Православие, то есть великое дело святого князя Владимира.

И неудачи бывают и могут быть на войне. Их посылает верующему народу Премудрый Промысл ради Своих благих целей. Но народ-разбойник от неудач войны или приходит в дикое озлобление, в звериное озлобление, или впадает в страх, уныние, а народ-христианин, народ православный, смиренный в торжестве и победе, является смиренным и в неудачах. С покорностью воле Божией принимает он и нерадостные вести с войны, молит Бога о помощи; не падает духом, по-прежнему готов на все лишения и жертвы и ждет Божьего благословения правому оружию христоролюбивого воинства.

В великий день торжества во славу святого равноапостольного просветителя России князя Владимира укрепим, утвердим в себе такую добрую, святую, чистую, христианскую любовь к родному народу и призовем с высоты Небес молитвенную помощь святого нашего просветителя равноапостольного князя Владимира – державы Российския начальником, христоролюбивому Императору и множеству владомых!

ВНУТРЕННИЙ МИР

I¹

Ровно год назад, в эти самые дни наш теперешний упорный и жестокий враг окончательно изговаривался к своему предательскому нападению на Россию. Как теперь ясно пред всеми открылось, немецкий император за несколько лет вперед старательно собирал запасы орудий, патронов и боевых припасов всякого рода, тайно скупал во всем мире все необходимые для того материалы, подготовлял союзы, как паук, во всем свете расставлял свои хитро сотканые сети... Чего он хотел и хочет взять от войны, теперь всем ведомо. Он желает всемирного господства, безмерного обогащения, он ищет расширения своих владений за счет соседей, он желает больше всего унижить и обессилить Россию и взять под пяту свою весь славянский мир, который силен только силою России. На что же он рассчитывал в войне? В чем полагал благоприятные условия для своей победы? Не мог он не знать доблести нашего воинства, не мог не знать выносливости и терпения нашего народа. Он уповал на испытанное миролюбие нашего народа и на то, что он не готовился к войне. Но всего более он рассчитывал на рознь славянских племен – поляков с русскими, болгар с сербами – и эту рознь старательно заранее подготовлял, а больше всего он рассчитывал на внутренние распри, споры, раздоры в самой России; он полагал, что среди русского народа во дни войны не будет внутреннего мира, а это обстоятельство затруднит правительство, вызовет

¹ Сказано на молебствии в Средних Торговых Рядах 9 июля 1915 г.

замешательство в армии и откроет немцам легкий путь к победам. За год до войны немцы в России всеми мерами мучили рабочих, устраивая отравления на фабриках и заводах с целью вызвать забастовки, распространяя возмутительные прокламации, будто бы идущие от лица русских общественных групп, а больше всего старались они обострить вражду между русским правительством и русским обществом, между различными так называемыми партиями в Государственной Думе. Теперь эти намерения врага для всех стали очевидными.

Слава Богу, враг не успел, или очень мало успел в своих намерениях. Он достиг малого: одно только славянское государство, освобожденное и созданное русскою кровью, стало на путь черной Иудиной неблагодарности по отношению к России, прельстившись Иудиными сребрениками, идущими из Берлина, но и оно пока не пошло дальше так называемого нейтралитета, не дружественного к России, и дальше провоза орудий и снарядов для своего недавнего векового врага и поработителя – для мусульманской Турции. Бог им судья!

Но по отношению к внутренней жизни России враг жестоко ошибся. Того, что было во время русско-японской войны, когда считающие себя передовыми русские общественные силы и газеты сыграли столь позорную и изменническую роль, – теперь не повторилось и, несомненно, не повторится!

Правда, попытки к тому были и теперь наблюдаемы, но они гаснут, как искры в воде, при первом соприкосновении с подлинною жизнью подлинного, а не подмененного в политических партиях русского народа. В народе нашем, во всех его классах, царит высокое религиозное настроение, патриотическое воодушевление, а теперь вдруг всюду поднялась волна так называемой

мой мобилизации общественных сил – торговли, промышленности, всякого вида труда и подвига под одним знаменем и в одном устремлении: «все для войны».

Вот почему столь отрадно то, что вчера мы видели на соседней Красной площади, это величественное всенародное моление, это великое собрание воодушевленных граждан-патриотов. Вот почему столь бодро звучит призыв Святейшего Синода к православным чадам Церкви о силе молитвы и единения. Вот почему и это нынешнее наше моление, созванное по вашему свободному желанию, возлюбленные братья, столь умирительно и поучительно.

Да вознесется же наша пламенная молитва ко Господу. Она приобщает Небо к земле, Бога – к человеку, она говорит нам о вечном обетовании: все возможно верующему, она окрылит наши души надеждою, она даст нам то великое единение, без которого невозможна победа, невозможна и жизнь великого народа.

Станем добре, станем со страхом: Господу помолимся! Аминь.

II¹

«Умоляю вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях» (1 Кор. 1, 10).

На все века звучит этот призывный и заповедный голос святого апостола, слышанный нами сегодня в храме. Слово апостола, конечно, имеет в виду религиозное единение, которое возможно в Единой Святой Христовой Церкви. Но ведь такое духовное единение есть основа и самое твердое основание и для всякого другого единения – государственного, общественного, семейного. История с очевидностью свидетельствует, что родство народов по вере всегда было сильнее родства их по крови, а разделение религиозное всегда обуславливало и всякое иное разделение. Нарушилось единство веры древнего Израиля; цари израильские ревновали своих поданных к Иерусалиму и законному храму, к законному священству; чтобы отвлечь народ от посещения святынь Божиих, они выдумали новые святыни, стали вводить идолопоклонство. И что же? Погибли тогда поодиночке и политически оба царства: Израильское, потом Иудейское, взаимно ослабив друг друга религиозными распрями и раздорами. В истории России также видим, что православная вера объединила враждебные отдельные славянские племена, сделав их единым мощным народным телом, единою Русью; мало того, и инородческие племена, жившие вместе с русскими,

¹ Сказано на еженедельном молебствии у Спасских ворот, на Красной площади в Москве, 12 июля 1915 г.

благодаря единству святой веры, ими воспринятой, совершенно слились с русским народом. А неправославные славяне так и остались чужды России, хотя были и остались родственными нам по крови.

Возьмем еще исторические примеры. Христова Церковь до IX века была единою на Востоке и Западе. И посмотрите, как она была могуча! Она покорила Христу в свободный и сладкий плен веры греко-римский мир, тот самый мир, который встретил христианство такую жестокою враждой. Она имела радость потом не раз видеть, как крестились и принимали святую веру целые народы и племена. Но вот, в Церкви, вследствие властолюбия пап, произошло разделение Востока и Запада, и что же видим? Прежде столь широкое и успешное распространение христианства вдруг приостановилось, и присоединения к Церкви целых народов мы уже не слышим, и, к стыду христианского мира, на земле только одна третья часть человечества верует во Христа.

В истории православной Византии видим, что на окраинах этого царства возникали ереси, расколы, а вслед за этим разделением религиозным являлось отпадение народов от единства государственного – и Египет, Сирия, Армения погибали и для Византии, погибали потом и вообще под ударами ислама. Не потому ли враждебная нам Австрия в течение столетий старалась лишить славян, живущих в австрийских пределах, Православия? Это был верный путь лишить славян и славянского самосознания.

Итак, будем хранить прежде всего наше религиозное и духовное единство пред лицом грозной опасности, а с ним вместе

и чрез него – и тот крепкий внутренний мир, без которого невозможна победа над врагом. Будем беречься и бегать и всякого вообще разделения, в чем бы оно ни проявилось, будем, по слову и завету апостольскому, и мыслить, и чувствовать, и говорить всегда и во всем одно, и Господь Единый и Истинный ниспослет нам благословение Свое изобильно и победу над врагом. Аминь.

Рцем вси, от всея души и от всего помышления нашего рцем: Господи, помилуй.

Сегодня годовщина тяжелой войны. Много препятствий дано было в этом году нашему воинству и народу по пути к торжеству: но препятствия для того и существуют для людей сильных и спокойных, чтобы их победить. Много тяжелых минут мы пережили и переживаем: но у людей благоразумных и духовно здоровых опасности все более и более усиливают желание того внутреннего мира и объединения, о которых мы в последнее время так усиленно проповедуем и без которых невозможна сила народа и его победа над врагом.

Чем же нарушается обычно мир внутренний? Кто и чем разрушает единение народа?

В жизни государственной и общественной часто мешают единению и внутреннему миру различные так называемые политические партии. Говорят, они необходимы. Пусть так. Мы не о политических вопросах говорим здесь. Не наше это дело. Но должна же быть мерка для суда о том, когда терпимы такие политические партии, а когда они совершенно недопустимы и преступны, как грозящие благу народа и целостности государства. И эта мерка ясна: если политическая партия не видит опасности для государства или эту-то опасность она даже пользуется для своих партийных целей, чтобы бороться с правительством за власть, чтобы давить на правительство путем возбуждения на-

¹ Сказано на еженедельном воскресном молебствии в соборе святого Василия Блаженного, по случаю годовщины войны и открытия занятий Государственной Думы [19 июля 1915 г.].

родных волнений; если партия поднимает при этом совершенно неуместные вопросы, решительно излишние и неуместные во время войны; если партия преследует не цели объединения и внутреннего мира, а наоборот, цели разделения и смуты, достигая этого путем ли печати, путем ли скрытой пропаганды или открытых выступлений даже в законодательных учреждениях, – все равно, такая партия должна быть уничтожена властью во время войны, она должна вызвать презрение и негодование со стороны общества, осуждение наше всеобщее и дружное, она – одинаково вредная, как и внешний враг – немец, если не вреднее, и полезна только внешним врагам, которые, как это зачастую бывает, и поддерживают ее тайно своими средствами. Все и всякие партии политические теперь должны умолкнуть, склониться и сплотиться пред одной задачей – задачей помощи народу во время войны.

Мы только что упомянули о такой деятельности врагов, имеющей целью потрясти единство в нашем народе. Для этой же цели служит шпионство многочисленных немцев, живущих в России, и своих продажных русских, которые, прикрываясь всякими высокими и громкими фразами, удачно скрываются от надзора и кары правительства. Больше всего эти пособники врага, тайные и продажные, стараются пускать в народ наш различные слухи, подрывающее доверие к лицам, облеченным властью и высоким положением, сеют недовольство с целью разъединить народ и подорвать в нем общее воодушевление. Надобно нам знать все это и быть твердыми в противодействии враждебным замыслам; надобно остерегаться себя и других, чтобы не впасть в уныние, чтобы не создать в себе мрачного настроения, которое все рисует в темных красках и везде видит только зло и не-

счастье. Хороший и опытный пловец иногда тонет от того, что у него во время пребывания в воде вдруг являются судороги в руках и ногах. То же самое в духовном отношении – уныние: оно совершенно умерщвляет дух и делает человека неспособным к какому бы то ни было делу. Вот почему враги стараются прежде всего создать такое настроение уныния в нашем народе, чтобы легко его покорить себе: унылый – это добыча первого врага; мало того, унылые люди всегда начинают заподозревать всех окружающих в каких-либо преступлениях и производят соблазны, раздоры и разделения в народе. Война теперь переходит в так называемую ставку на терпение, выдержку и крепость нервов. В полном смысле слова – претерпевый до конца, той спасется [ср.: Мф. 10, 22]. У врага нашего тают силы; ему нужны теперь какие-либо быстрые, громкие успехи, чтобы поскорее заставить нас, в припадке страха, нетерпеливости и уныния, пойти на мир. Надобно все вытерпеть, и скоро-скоро временные преимущества Германии в вооружении и снаряжении не будут иметь значения, силы наши будут прибывать, а силы врагов убывать. Для нас выгодна война долгая, и безумно приходит в смятение от того, что война будет еще продолжительна. Нам надо все это знать и проникнуться решением все выдержать до конца.

Особенно это нужно сказать о лишениях, естественно и необходимо связанных со всякою войной. Смерть и ранение наших близких; отсутствие рабочих рук; задержка в передвижениях и доставке всякого рода провианта; отсюда дороговизна жизни, недостаток топлива, пищи и других предметов первой необходимости. И это все надобно вытерпеть в сознании, что гораздо хуже будет, если враг нас победит, отнимет все, что мы имеем, разрушит наши города, поработит нас и лишит свободы,

лишит многих и жизни, унизит и разорит святыни наши. Лучше всякие лишения, страдания и смерть, чем позорное подчинение врагу-насильнику.

И над всем сим снова и снова мы твердим и будем твердить: надобно храниться всякого рода разделений – общественных, сословных, классовых, семейных, религиозных, научных и проч. Все подобное теперь должно быть прекращено, и иного выхода к победе, кроме полного единения народа, быть не может.

А выше всего – единение в вере, молитве, единение в Церкви.

Глубоко мы убеждены, что ничто не помешало вам, возлюбленные, собраться и сегодня, в этот необычный час молитвы в нашем соборе, в такую ненастную погоду; видим мы здесь многих, пришедших даже издалека. Будем же все, всеми мерами и способами утверждать на Руси единение духа, единение всех и хранить внутренний мир, который даст нам чрез победы воинства нашего мир и с внешним врагом, мир прочный и славный.

Рцем вси, от всея души и от всего помышления нашего рцем: Господи, помилуй! Аминь.

*Религиозно-просветительное
издание*

Священномученик Иоанн Восторгов

ВО ДНИ ВОЙНЫ. ГОЛОС ПАСТЫРЯ-ПАТРИОТА

ВЫПУСК 2

Редакторы – протоиерей Павел Самойленко,
священник Евгений Шишкин
Дизайн и верстка – Любовь Галкина

ISBN 978-5-6048187-8-7

Подписано в печать 25.06.2024 г. Формат 72x104/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,02. Тираж 500 экз.

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Ставропольская духовная семинария Ставропольской и Невинномысской епархии
Русской Православной Церкви»
355017, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 155
stpds@yandex.ru, www.stpds.ru

Отпечатано в типографии ИП Ютишев А. А.
344033, г. Ростов-на-Дону, ул. 1-я Круговая, 86
Тел.: (863) 263-05-56. E-mail: office@omegaprint.ru
Заказ № ... 2024 г.

Издание осуществлено при поддержке
общины храма во имя великомученика
и Целителя Пантелеимона г. Ставрополя